Rudolf Steiner

Рудольф Штайнер

Доклады для членов Антропософского Общества

RUDOLF STEINER

Das Verhältnis der Sternenwelt zum Menschen und des Menschen zur Sternenwelt

Die geistige Kommunion der Menschheit

Zwölf Vorträge, gehalten in Dornach
vom 26. November bis 31. Dezember 1922

RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH / SCHWEIZ

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

ОТНОШЕНИЕ МИРА ЗВЕЗД К ЧЕЛОВЕКУ И ЧЕЛОВЕКА К МИРУ ЗВЕЗД

ДУХОВНОЕ ПРИЧАСТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Двенадцать докладов, прочитанные в Дорнахе с 26 ноября по 31 декабря 1922 г.

КАЛУГА
"ДУХОВНОЕ ПОЗНАНИЕ"
1999

Записи не просмотрены докладчиком
Издано Управлением наследием Рудольфа Штайнера
(Rudolf Steiner-Nachlaßverwaltung, Dornach)
Издание подготовили Ernst Wiedmann и Edwin Froböse

Оригинал этой книги опубликован на немецком языке
под названием
"Das Verhältnis der Sternenwelt zum Menschen und des Menschen zur Sternenwelt. Die geistige Kommunion der Menschheit"
в издательстве Rudolf Steiner Verlag, Dornach (Schweiz)
как том 219 в Собрании трудов Рудольфа Штайнера
(Rudolf Steiner Gesamtausgabe).
Публикация данного перевода согласована
с Управлением наследием Рудольфа Штайнера
(Rudolf Steiner-Nachlaßverwaltung, Dornach)

На обложке рисунок Рудольфа Штайнера к докладу от 26 ноября 1922 г.
Рисунки в тексте выполнены на основе зарисовок Аси Тургеневой

Все права принадлежат
Управлению наследием Рудольфа Штайнера, Дорнах/Швейцария.

© 1994 by Rudolf Steiner-Nachlaßverwaltung, Dornach/Schweiz
ISBN 3-7274-2190-8
© 1999 "Духовное познание", Калуга
ISBN 5-88000-044-3

К публикациям докладов Рудольфа Штайнера

Собрание трудов Рудольфа Штайнера (1861-1925) состоит из трех основных частей: книги — доклады — художественное наследие.

Относительно многочисленных докладов и курсов, как открытых, так и для членов Теософского, а позже Антропософского Общества, которые Рудольф Штайнер читал в период с 1900 по 1924 годы, первоначальным его желанием было, чтобы эти свободно сделанные доклады не закреплялись письменно, так как они задумывались как "устные, не предназанчавшиеся для печати сообщения". Однако поскольку слушателями изготавливалось и распространялось все больше неполноценных и богатых ошибками записей, он посчитал своею обязанностью регулировать эти записи и доверил эту задачу Марии Штайнер-фон Сиверс. В ее задачи входило определять стенографистов, распоряжаться записями и просматривать текст перед публикацией. Так как Рудольф Штайнер из-за отсутствия времени только в исключительных случаях мог сам корректировать записи, в отношении всех публикаций докладов необходимо иметь в виду его предостережение: "Нужно допускать, что в непросмотренных мной записях возможны ошибки."

От обношении докладов для членов Общества, первоначально доступных лишь на правах рукописи, к открытым его трудам Рудольф Штайнер высказался в автобиографии "Мой жизненный путь", глава 35. Соответствующий отрывок приведен в конце этого тома. Сказанное там в равной степени относится к курсам по специальным областям, которые предназначались для ограниченного круга участников, с доверием относившихся к основам духовной науки.

После смерти Марии Штайнер (1867-1948) в соответствии с ее указаниями начато издание Собрания трудов Рудольфа Штайнера. Предлагаемый том является частью этого собрания. В примечаниях можно найти, при необходимости, более конкретные сведения о тексте.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТНОШЕНИЕ МИРА ЗВЕЗД К ЧЕЛОВЕКУ И ЧЕЛОВЕКА К МИРУ ЗВЕЗД

Первый доклад, Дорнах, 26 ноября 1922 г. 11

Образование духовного зерна физического организма человека в жизни между смертью и новым рождением. Ходьба, речь и мышление как земные человеческие способности, которым в бытии между смертью и новым рождением соответствует ориентация на существ высших Иерархий, внутренний отклик мировому Слову и духовное вспыхивание мировых Мыслей. Освобождающее от земного действие Сатурна и вводящее в земное действие Луны, Солнце как сила перехода от духовного к земному бытию. — Отделение регулярного ритма дыхания человека от духовного мирового ритма морального пронизывания посредством атмосферных явлений; отделение земной силы тяжести от силы духовно-небесной ориентации посредством вулканической деятельности.

Второй доклад, 1 декабря 1922 г. 29

Состояние сна человека зимой и летом. Взирание Ангелов и Архангелов на людей зимой сквозь отверстые окна. Регулирование наших чувств годовым ритмом, наших мыслей дневным ритмом. Наша воля не регулируется, ее космическое значение человек проносит через врата смерти. Действие наших мыслей, чувств и деяний после смерти как света и тепла принадлежащей нам атмосферы.

Третий доклад, 3 декабря 1922 г. 43

Отношения между человеком и миром в земном и внеземном бытии во время сна и бодрствования. Борьба люциферических и ариманических сущностей за человека во сне. Их пребывание в земле-воде и воздухе-тепле соответственно. Ариманическое воздействие на эфирное тело и его нарушение болезнями, заблуждениями и эгоизмом. Люциферический идеал человека как морального автомата, не имеющего свободы, не связанного с Землей. — Проявление обоих супротивников в 19 столетии в представлении Христа как мифологической фигуры и как "простого человека из Назарета".

Четвертый доклад, 15 декабря 1922 г. 57

Ритм в духовном мире между смертью и новым рождением: предание себя Иерархиям и жизнь в себе. Отражение

этого ритма в земной жизни: любовь и память. Чувство свободы как здоровый плод переживания этого ритма в духовном мире, эгоизм как нездоровый. Значение духовной науки для понимания реальности моральности и неморальности и для знания в духовном мире после смерти.

Пятый доклад, 16 декабря 1922 г. 70

Элементарные существа, сохраняющие наши мысли, их связь с гномами. Элементарные существа, несущие красоту, их связь с сильфами и ундинами. Элементарные существа, живущие в тепле, их связь с энтузиазмом человека к моральному благому деянию. — Нормальные элементарные существа станут чувственно-воспринимаемыми лишь в будущем, три подобные им рода существ были видимы в прошлом, на Луне.

Шестой доклад, 17 декабря 1922 г. 84

Само собой разумевшаяся связь человека с Богами в прежние культурные эпохи. Утрата этой связи в силу верховенства с 15 века пространственных представлений, чуждых Богам. Одухотворение чисто пространственного знания как мост к Божественно-духовному миру в теперешнее михаэлическое время. Задача Михаила.

Седьмой доклад, 22 декабря 1922 г.. 100

В органах чувств ритм дыхания встречается с астральным телом, это деяние Ангелов в нас. Связывание полного ритма дыхания при пробуждении с астральным телом как сила воспоминания, образованная совместно с Архангелами. Уплотнение времени от засыпания до пробуждения.

ДУХОВНОЕ ПРИЧАСТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Восьмой доклад, 23 декабря 1922 г. 114

Древние мистерии: принесение верховными жрецами летом в жертву воспринятой от верхних Богов мудрости как защита от люциферических сил. Новые мистерии: христианизация отдельным человеком собственных мыслей зимой как акт защиты от ариманических сил.

Девятый доклад, 24 декабря 1922 г.. 129

Раскрытие тайны человеческой природы из кругооборота года в дохристианских мистериях. Путь от откровения Михаила к подлинному празднику Рождества.

Десятый доклад, 29 декабря 1922 г.. 141

Необходимость и свобода. Разрешение этой дилеммы через дуъовнонаучное рассмотрение крекооборота дней и года. Смешение летнего и зимнего времен в человека как основа свободы. Искусство и религия. Космический культ.

Одиннадцатый доклад, 30 декабря 1922 г. 155

Гармоническое соединение науки, искусства и религии в древних мистериях. Устремленность науки о духе к знанию, которое возвысится до искусства и углубится до непосредственно-религиозного переживания. Возникновение и основание "Движения за религиозное обновление". Позиция антропософов по отношению этому движению.

Двенадцатый доклад, 31 декабря 1922 г.. 168

Трехчленный человек. Сердце как уравновешивающий орган между нервно-чувственной системой и системой обмена веществ и конечностей. Прошедшее в минеральной и растительной природе, живущее в физическом и эвирном. Настоящее и будущее в астральном и "Я", живузее духовно. Спиритуальное познание как космический культ. Постоянные звезды и планеты во взаимосвязи с телесными формами и движением соков в человеческом теле.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Введение к докладу от 26 ноября 1922 г. 187
Сообщение о поездке в Голландию и Англию
Заключение к докладу от 1 декабря 1922 г. 189

Примечания 192
Указатель имен 201

Рудольф Штайнер о публикации докладов 202

Полное собрание трудов Рудольфа Штайнера 204

Für Marie Steiner

Sterne sprachen einst zu Menschen,
Ihr Verstummen ist Weltenschicksal;
Des Verstummens Wahrnehmung
Kann Leid sein des Erdenmenschen;
In der stummen Stille aber reift
Was Menschen sprechen zu Sternen;
Ihres Sprechens Wahrnehmung
Kann Kraft werden des Geistesmenschen.

25. Dez. 1922. Rudolf Steiner.

На стр.9 помещено факсимиле
стихотворения Рудольфа Штайнера к Марии Штайнер,
записанного 25 декабря 1922 года.

ПЕРВЫЙ ДОКЛАД

Дорнах, 26 ноября 1922

В этих докладах речь будет идти о том, как проходит человек через две стороны своего бытия, через духовный мир между смертью и новым рождением, и через физически-земной мир между рождением и смертью.

Сегодня я хотел бы напомнить некоторые вещи, выступившие перед нашими душами здесь в последних докладах. Я говорил вам: в тот важнейший период времени, что протекает между смертью и новым рождением, человек пребывает в духовном мире со значительно более высоким состоянием сознания, нежели он имел в физической жизни на Земле. — Когда мы находимся здесь на Земле в нашем физическом теле, земное сознание, связанное с органами чувств и нервами, зависит от всего организма. Мы ощущаем себя здесь человеческими существами, неся в себе, облекаемые нашей кожей, мозговую организацию, легочную, сердечную и другие системы. Это то, о чем мы говорим, что оно находится внутри нас. То же, что находится вокруг нас, с ним мы ощущаем себя связанными либо нашими органами чувств, либо нашим дыханием, либо через прием пищи.

Когда же мы пребываем в том состоянии, которое наступает между смертью и новым рождением, мы не можем в таком же смысле говорить о находящемся внутри нас. Ибо в тот момент, когда мы проходим врата смерти, да даже уже в ту минуту, когда мы засыпаем, когда сознание уже парализовано — состояние же бессознательной жизни развертывается так, как я описывал, — мы оказываемся в таком положении, что можем указать на весь мир, на всю Вселенную как на наше внутреннее.

Таким образом, в то время как здесь на Земле мы имеем организацию, в пределах нашей кожи открывающуюся в наших органах и их взаимодействии, в том другом состоянии — во сне чисто бессознательно, жизненно, а между смертью и новым рождением совершенно сознательно, — нам как наше внутреннее открывается мир звезд. Мы чувствуем свое отношение к миру звезд таким образом, что о сущностях звезд говорим, что они принадлежат нашему внутреннему, подобно тому как здесь, на Земле, мы говорим, что нашему физическому внутреннему принадлежат легкие и сердце. От момента засыпания до пробуждения мы живем космической жизнью. Между смертью и новым рождением мы имеем космическое сознание. То, что здесь на Земле является внешним миром, особенно когда мы обращаем взор в дали мирового пространства, там становится нашим внутренним.

Что же предстает нам тогда в духовном мире как внешнее? Внешним становится как раз то, что теперь является нашим внутренним. Внешним становится сам человек, но человек в совершенно особом смысле, так что то, что тогда оказывается внешним, мы формируем как своего рода духовное зерно, из которого должно развиться наше будущее физическое земное тело. Вместе с сущностями высших Иерархий создаем мы это духовное зерно. Это происходит в определенный момент времени в ходе жизни между смертью и новым рождением. Тогда оно предстает как духовное существо, но духовное существо, несущее в себе силы, которые затем организуют физическое тело, подобно тому, как, скажем, семя растения несет в себе силы, которые позднее образуют растение. Только семя растения мы должны представлять себе маленьким, растение большим; духовным же зерном физического организма человека является, так сказать, Вселенная неизмеримой величины, хотя говорить о "величине" в собственном смысле для этого состояния не вполне правильно.

Я указывал также на то, что в определенный момент это духовное зерно как бы отпадает от нас. С определенного момента времени мы ощущаем: вместе с другими существами Вселенной, вместе с существами выс-

ших Иерархий мы выработали духовное зерно нашего физического организма; мы подвели его к определенной точке развития. Теперь оно отпадает от нас и погружается в физические земные силы, с которыми оно родственно связано и которые исходят от отца и матери. Оно соединяется с человеческим в потоке наследственности. Оно нисходит на землю раньше самого человека как духовно-душевного существа, так что мы еще проводим в духовном мире короткий период времени, когда силовые связи нашего физического организма уже сошли на Землю и как таковые живут в человеческом зародыше в теле матери.

Именно в это время мы собираем из мирового эфира силы и субстанции самого мирового эфира и строим свое эфирное тело в дополнение к астральному телу и "Я". И как существо, состоящее из "Я", астрального и эфирного тел, мы сами нисходим на Землю и соединяемся с тем, чем стало уже низошедшее раньше духовное зерно. Кто точно наблюдает этот процесс, для того совершенно ясной становится связь человека со всей Вселенной. И особенно ясной, если вглядываются в те три проявления человеческой сущности, на которые я часто обращал внимание с точки зрения антропософии здесь и в других местах, если всматриваются в те три проявления человеческой природы, через которые человек, собственно, и стал тем существом, каковым он является на Земле.

В сущности, мы как дети рождаемся совершенно иными, нежели становимся впоследствии. Лишь на Земле мы учимся ходить, говорить и мыслить. То, что, можно сказать, у человека между рождением и смертью остается смутным, воля, и остающееся наполовину смутным чувство, они уже присутствуют, хотя и в первобытном виде, у совсем маленького ребенка. Жизнь чувств, хотя она полностью занята лишь внутренними функциями, наличествует у маленького ребенка. Волевая жизнь налицо. Доказательство этому хаотические движения, совершаемые малышом.

Причина того, что из жизни чувств и из волевой жизни позднее развивается нечто иное, нежели имеется у маленького ребенка, лежит в том, что постепенно образуется мышление, и это мышление пронизывает чувство,

пронизывает волю, и таким образом чувство и воля становятся более зрелыми. Но все же они есть уже и у маленького ребенка. Мышление же, напротив, есть нечто, что ребенок развивает только здесь на Земле, в общении с другими людьми, чему его как бы учат другие люди. Равным образом это можно сказать и о способности ходить и говорить, которые приобретаются ранее способности мыслить.

Всякий, кто достаточно глубоко может чувствовать все истинно человеческое, просто наблюдая, как развивается ребенок через ходьбу, речь и мышление, поймет, какую необычайную роль играют ходьба, речь и мышление в земном развитии человека. Но человек не только земное существо. Человек это существо, равным образом принадлежащее как Земле с ее силами и субстанциями, так и духовному миру, существам высших Иерархий, он вовлечен в ту деятельность, что разыгрывается между отдельными существами этих высших Иерархий. Лишь одной частью своего существа человек принадлежит, так сказать, земному бытию, другой же частью своего существа он принадлежит миру, не являющемуся чувственно-воспринимаемым.

В этом мире, не воспринимаемом органами чувств, он подготавливает, как я уже упомянул, свое духовное зерно. Не стоит полагать, говорил я вам, что достижения человека на Земле в сфере культуры и цивилизации, сколь бы сложны и великолепны они ни были, своим величием приближаются к тому, чего достигает человек вместе с сущностями высших Иерархий в созидании этого чуда физического организма человека сначала в духовном мире. Но то, что при этом образуется, и что, как я описал, нисходит, в сущности, на Землю прежде нас, оно организовано все же иначе, нежели то, что затем приебывает тут на Земле как человек от рождения до смерти.

Созданное человеком духовное зерно физического тела также несет в себе силы. Вся его структура — которая впоследствии соединяется с зародышем физического человека, по существу, становится физическим зародышем человека, в то время как он получает субстанцию от родителей, — наделена всевозможными качествами и силами; лишь для трех вещей не получает он в самом духов-

ном мире сил, и это как раз мышление, речь и ходьба. Мышление, речь и ходьба становятся чисто человеческой деятельностью на Земле.

Обратимся к ходьбе, обратимся вообще ко всему, что связано с ходьбой, с ориентацией человека в его физическом земном бытии в целом. Ведь когда я двигаю рукой или двигаю головой, это всегда, в конечном счете, также нечто связанное с механизмом ходьбы. Когда человек в детстве поднимается на ноги, это ориентация. Все это связано с тем, что мы называем силой тяжести на Земле, связано с тем фактом, что все, физически присутствующее на Земле, имеет вес. Но для того, что как духовное зерно создано между смертью и новым рождением, говорить о весе, о тяжести нельзя.

Таким образом, все, что связано с ходьбой, имеет отношение к силе тяжести. Это преодоление силы тяжести. Это введение себя в силу тяжести. Поднимая ногу, чтобы шагнуть, мы подпадаем силе тяжести. Это свойственно нам лишь на Земле, такое самовключение в силу тяжести, его нет между смертью и новым рождением, но там существует некое подобие. Там мы тоже имеем некоторую ориентацию, но это связано не с силой тяжести, поскольку в духовном мире нет сил тяжести, нет веса. Ориентация там носит исключительно духовный характер, и именно так, что поднятию ноги здесь на Земле, введению себя в силу тяжести, в духовном мире этому соответствует установление родства с той или иной сущностью высших Иерархий, имеющей ранг Ангела или Архангела. Я чувствую себя душевно внутренне близким влиянию существа из Иерархии Ангелов, или, скажем, Властей, с которым совместно работаю — так ориентируется человек между смертью и новым рождением. Как здесь

на Земле мы имеем дело со своим весом, так там мы имеем дело с тем, что в силах симпатии к нашему собственному человеческому существу исходит от тех или иных существ высших Иерархий.

Это происходит не так, как в случае силы тяжести, имеющей *одно* направление: к Земле. То, что там в духовном мире соответствует силе тяжести, простирается во *всех* направлениях, ибо духовные сущности высших Иерархий не являются центрально упорядоченными, они повсюду, и ориентация не является, можно сказать, столь геометрической, как ориентация в силе тяжести к центру Земли, это ориентация во всех направлениях. В зависимости от того, хочет ли человек строить свои легкие, или же выполнить какую-либо иную работу вместе с сущностями высших Иерархий, он может сказать: меня влечет третья Иерархия, или же меня влечет первая Иерархия. — Он чувствует себя включенным в целый мир Иерархий. Он чувствует себя как бы влекомым — не физически, как силой тяжести, но духовно — во все стороны, а в некоторых случаях отталкиваемым. Вот что соответствует в духовном мире физической ориентации в поле тяготения Земли.

Здесь на Земле человек учится говорить, и это опять-таки принадлежит его земному существу. В духовном мире между смертью и новым рождением мы не можем говорить. Речь связана с физическими органами речи. Там их нет, но в духовном мире между смертью и новым рождением мы имеем следующее переживание: мы ощущаем себя как бы попеременно ритмически стягивающимися в нашем собственном человеческом существе. Сжимается также наше гораздо более высокое сознание. Как здесь на Земле мы, замыкаясь в самих себе, имеем сон, так замыкаемся мы в себе и между смертью и новым рождением. А затем мы снова раскрываемся. Как здесь на физической Земле наши глаза и другие внешние органы чувств обращены ко Вселенной, так и там: мы направляем наши духовные органы восприятия к сущностям высших Иерархий, мы как бы позволяем нашему существу струиться в дали, и затем снова стягиваем его.

Это процесс духовного дыхания, но он протекает так, что его можно представить следующим образом. Ес-

ли мы хотим описать земными словами, образами, заимствованными из земной жизни, то, что говорит человек себе там в духовном мире, мы должны сказать примерно следующее: я как человек должен в духовном мире сделать то или иное. Я знаю об этом благодаря тем возможностям восприятия, которые свойственны мне в духовном мире между смертью и новым рождением. Я ощущаю себя этим человеческим существом, этой индивидуальностью. Но как на Земле я выдыхаю, так душевно я изливаюсь во Вселенную — я становлюсь единым с Космосом. И как я на Земле вдыхаю, так воспринимаю я обратно в себя как человека то, что пережил в своем излившемся существе. — Это постоянно происходит в период между смертью и новым рождением. Схематически это можно представить так:

Предположим, человек ощущает себя в своем собственном существе (красный). Затем человек чувствует себя распространившимся в мировых далях. Он распростерт своим собственным существом в то, что тут снаружи (желтый). Человек то сжат в своем собственном существе (красный), то распростерт своим собственным существом в далях Вселенной. Я хочу еще раз особенно подчеркнуть эту взаимосвязь, после того как произошло расширение: тут человеческое существо (красный), и теперь снова втя-

гивается в себя то, что тут снаружи (желтый), так что оно уплотняется в своем собственном существе, как при дыхании человек втягивает в себя воздух из физических далей Вселенной.

Да, но когда мы сначала изливаем наше существо в Космос и затем снова втягиваем его в себя, тогда в нас начинает — я не могу это выразить иначе, — в нас начинает говорить то, что мы восприняли, будучи распростерты в мировых далях, и что мы снова стягиваем в себе. И мы говорим тогда между смертью и новым рождением: Логос, в который мы сначала были погружены, этот Логос говорит в нас.

Здесь на Земле в отношении физической речи мы преимущественно имеем ощущение, что развиваем слова во время выдоха. В жизни между смертью и новым рождением мы ощущаем, что слова, распростертые во Вселенной и означающие сущность Вселенной, входят в нас при вдыхании нашего собственного существа и открываются в нас как мировое Слово. Здесь на Земле мы говорим выдыхая, в духовном мире мы говорим на вдохе. И когда мы соединяем с собой то, что говорит нам Логос, мировое Слово, в нашем существе вспыхивают мировые Мысли. Здесь на Земле мы удерживаем земные мысли усилием нашей нервной системы, там впитываем мы в себя мировые Мысли из звучания Логоса, возникающего после того, как мы сначала были распростерты своим существом во Вселенной.

Охватите эти взаимосвязи во всей жизненности! Вы говорите себе между смертью и новым рождением: я должен сделать то-то и то-то — из того, что пережили до этого, вы приобретаете внутренний опыт, что должны это сделать. С этим намерением что-то исполнить вы про-

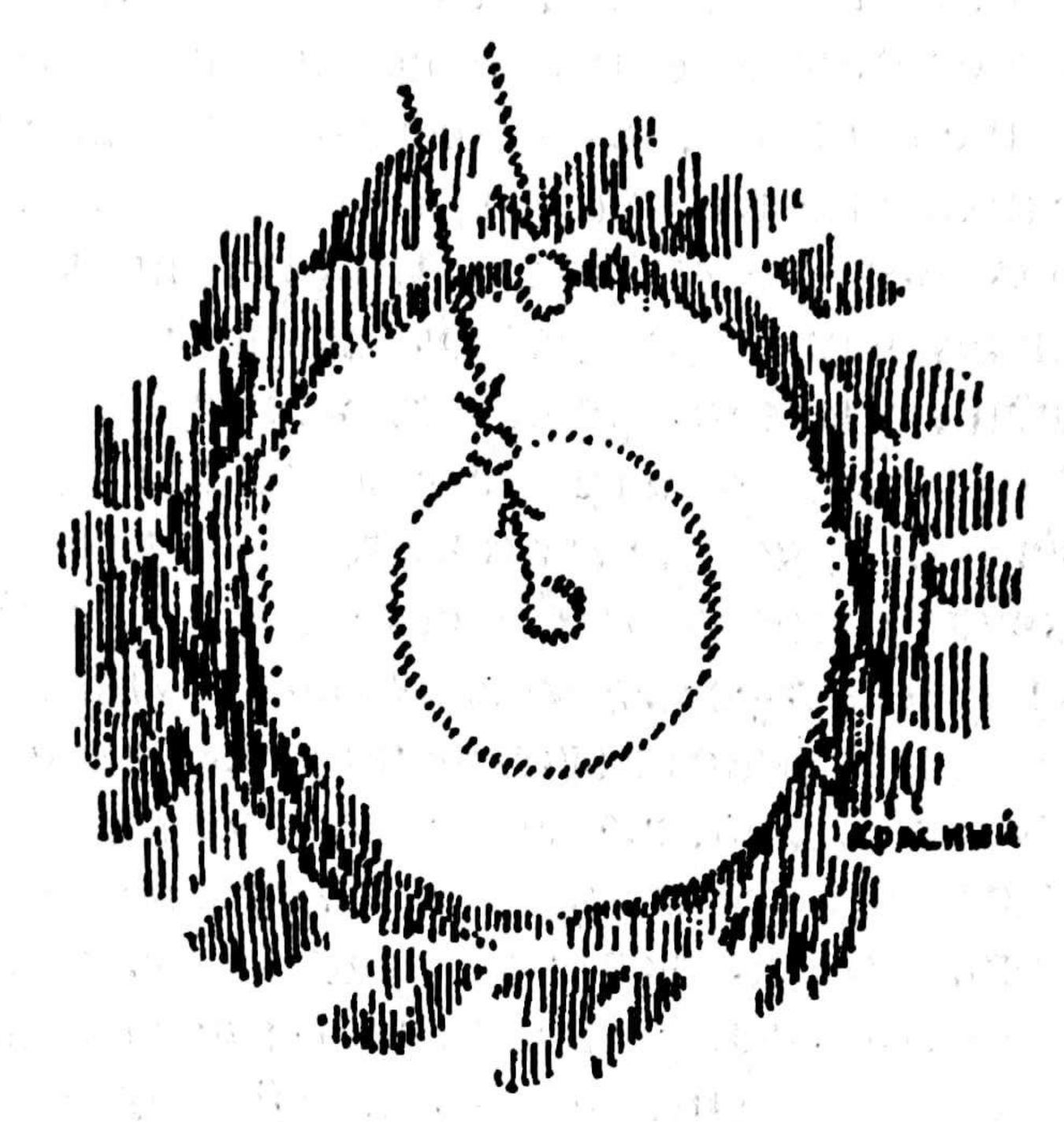
стираете свое существо в дали Вселенной, но так, что это расширение имеет определенную ориентацию. Когда вы здесь говорите себе: я должен купить масла, — то это намерение. Вы направляетесь, например, в Базель, чтобы купить там масло, и приносите его домой. Между смертью и новым рождением вы также питаете определенные намерения в отношении тех вещей, которые должны быть выполнены там в другом мире, и вы расширяете свое существо. Это входит в ваши намерения, так что вы проделываете в себе определенные действия, которые теперь вас также ориентируют, но, проделав одно, вы притягиваетесь к ангельскому существу, проделав другое, может быть, к Духу Воли, и так далее. Они соединяются с вашим распростершимся существом. Вы вдыхаете: это существо сообщает вам то, что является ее частью Логоса, и мировые Мысли от этого существа переходят к вам.

В сущности, когда человек стекает сюда на Землю своим духовным зародышем — сами мы, как я говорил, остаемся еще некоторое время в духовном мире, — он не имеет из духовного мира задатков ни к мышлению в земном смысле, ни к речи в земном смысле, ни к ходьбе в земном смысле силы тяжести, но он предрасположен перемещаться, ориентироваться среди существ высших Иерархий. Он не имеет задатков для речи, он предрасположен к тому, чтобы позволить звучать в себе Логосу. Он не имеет задатков для сумеречных мыслей земной жизни, он предрасположен к мыслям, которые вспыхивают в нем в Космосе.

То, чем являются здесь на Земле ходьба, речь и мышление, имеет свою аналогию в духовном мире: первое в ориентации среди Иерархий, второе в становлении жизненно звучащим в самом себе мировым Словом, третье во внутреннем вспыхивании мировых Мыслей.

Представьте себе живо выхождение человека после смерти в дали универсума. Он проходит при этом планетарные сферы, окружающие Землю. Об этом я говорил здесь в последних докладах. Он проходит сферу Луны, сферу Венеры, сферу Меркурия, сферу Юпитера, сферу Сатурна. Представьте, здесь он выходит в мировые дали. Тогда он увидит звезды с другой стороны. С Земли мы

смотрим на звезды вверх (стрелка вверх); но когда мы оказываемся снаружи, мы видим звезды внутри (стрелка вниз). Силы, которые делают нас способными видеть звезды, дают нам физический образ звезд. Силы, наделяющие нас способностью видеть звезды с другой стороны, не позволяют им являться нам такими же, как они показываются здесь, какими мы их здесь наблюдаем, но мы видим звезды с другой стороны как духовных существ.



Если мы затем — мне приходится, естественно, употреблять земные выражения — выходим за пределы нашей планетарной сферы, то в теперешнем состоянии мирового развития — это "теперь", разумеется, космическое "теперь" и длится долго —мы на основе понимания, которое приобретаем из высшего сознания, присущего нам между смертью и новым рождением, говорим: для нас это величайшее благо, что силы Сатурна светят не только внутрь в планетный мир Земли, но также и в космическое пространство. — Там они, безусловно, представляют собой нечто иное, нежели незначительные голубоватые лучики Сатурна, видимые нам здесь на Земле. Там это духовные лучи, расходящиеся во Вселенную и даже перестающие быть пространственными, они излучаются во внепростран-

ственное, так что между смертью и новым рождением мы говорим: мы с благодарностью оглядываемся на самую внешнюю планету нашей земной планетной системы, Сатурн, — ведь Уран и Нептун не являются собственно планетами Земли, они добавились на более поздней стадии, — мы осознаем, что он светит не только на Землю, но также и в далекие пространства Космоса. И духовным лучам, которые он излучает в Космос, мы обязаны тем, что теперь мы освобождены от земной силы тяжести, освобождены от того, что является физическими силами речи, от того, что является физическими силами мышления. Сатурн, излучающийся в космическое пространство, является поистине нашим важнейшим благодетелем в период между смертью и новым рождением. Рассматриваемый с духовной точки зрения, он представляет в этом отношении полную противоположность силам Луны.

Духовные силы Луны удерживают нас на Земле, духовные силы Сатурна дают нам возможность жить в широком просторе Вселенной. Здесь, на Земле, силы Луны имеют совершенно особенное значение для нас как человеческих существ; я уже говорил, что они имеют значение даже в ежедневном пробуждении от сна. И тем, чем для нас здесь на Земле являются силы Луны, тем же являются для нас силы, излучающиеся во Вселенную из самой внешней области нашей планетарной системы как силы Ссатурна. Ибо в действительности это излучение таково, что вы не должны представлять себе, будто у Сатурна одна сторона излучает в направлении Земли, а другая вовне, во Вселенную. Это не так, но Сатурн, если бы это был он нарисован (см. рис.), движется по этой орбите; духовно он сияет во все стороны (красный), так что излучения направлены наружу. — В противоположность этому физический Сатурн, можно сказать, подобен полости в сфере космического Сатурна, который духовно излучается в космическое пространство. И с определенного момента нашего пути после смерти то, что излучается в Космос, скрывает от нас все земное, закрывает светом.

Космически это выглядит так: здесь на Земле человек находится под влиянием духовных сил Луны, между смертью и новым рождением на него влияют силы Сатур-

на. И когда он вновь нисходит на Землю, он отрывается от сил Сатурна и постепенно входит в сферу лунных сил. Что же тогда происходит? Пока человек связан со сферой сил Сатурна — а Сатурну, если можно так сказать, помогают Юпитер и Марс, выполняющие определенные функции, о которых я буду говорить позже, — пока человек, таким образом, находится под влиянием Сатурна, Юпитера и Марса, он является существом, которое не стремится ходить, говорить и мыслить в земном смысле, он хочет ориентироваться на духовных существ, хочет, чтобы в нем звучал Логос и вспыхивали мировые Мысли. И с этими внутренними устремлениями теперь фактически духовное зерно физического организма посылается на Землю.

Человек, нисходящий на Землю из духовных миров, не чувствует ни малейшей склонности подвергаться земному тяготению, ни малейшей склонности ходить, создавать вибрацию в органах речи, чтобы звучала физическая речь, а также размышлять своим физическим мозгом над физическими вещами. Этого у него нет. Он приобретает это тогда, когда посланный как физический духовный зародыш из сферы сил Сатурна на Землю он проходит сферу Солнца и затем входит в другие планетарные сферы, сферы Меркурия, Венеры и Луны. Сферы Меркурия, Венеры и Луны преображают космические задатки к духовной ориентации, к переживанию Логоса и вспыхиванию во внутреннем мировых Мыслей в предрасположенность к речи, мышлению и ходьбе. И это преображение совершается Солнцем, духовным Солнцем.

Благодаря тому, что человек входит в сферу Луны — а лунным силам помогают Венера и Меркурий, — его, если можно так выразиться, небесная предрасположенность к ориентации, к Логосу и Мыслям преображается в земное. В сущности, мы должны были бы сказать ребенку здесь на Земле, когда он начинает переходить от ползания к вертикальному положению: прежде, чем ты был принят в сферы Меркурия, Венеры и Луны, там, в небесных сферах, ты был предрасположен к духовной ориентации среди Иерархий, к внутреннему переживанию звучащего Логоса, к внутреннему озарению мировыми Мыслями. Ты совершил метаморфозу этих небесных способ-

ностей в земные способности, и ты проделал эту работу при прохождении планетарных сфер, и именно Солнце вызвало это преображение небесного в земное.

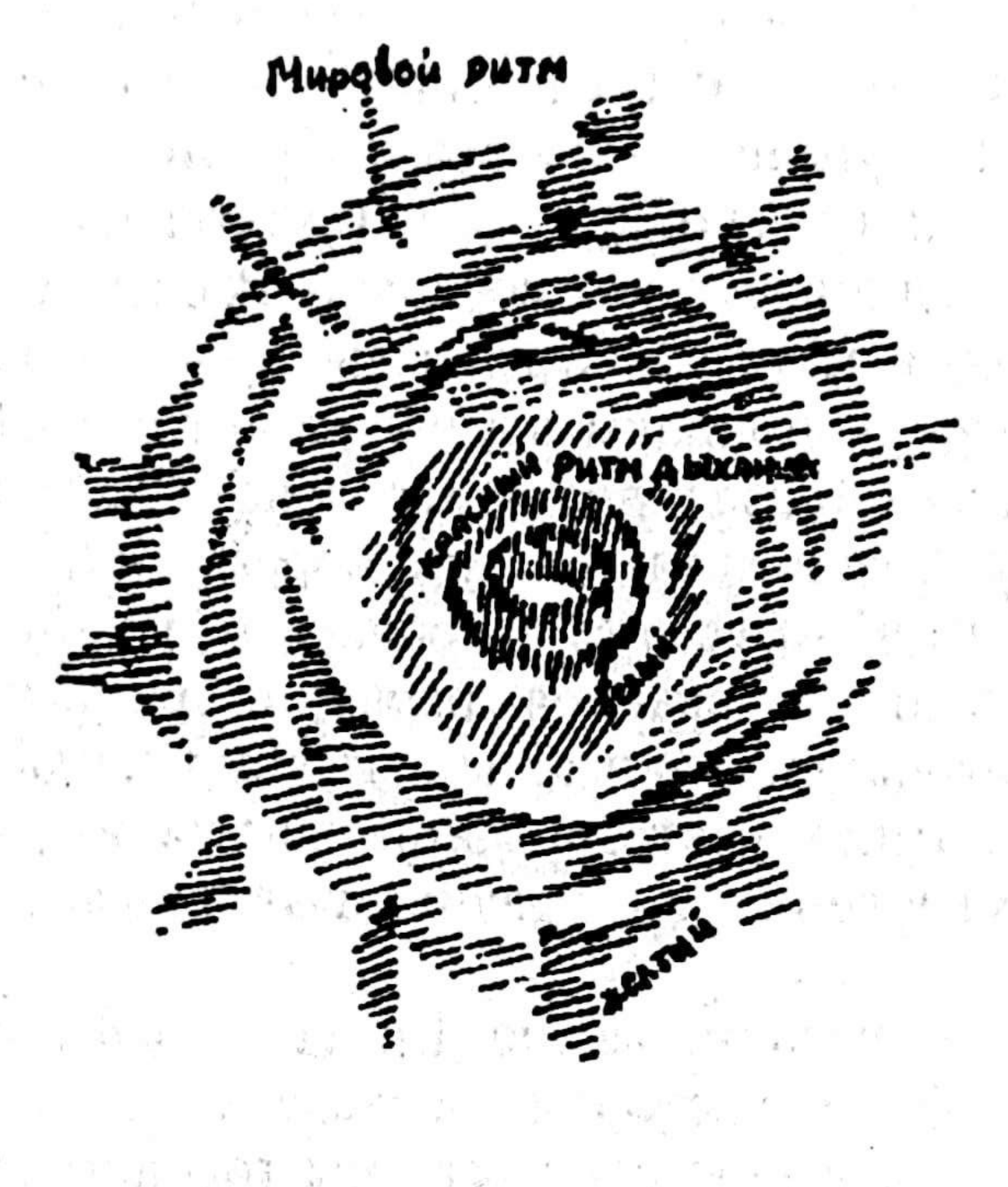
Но при этом происходило еще нечто очень важное: при этом происходило то, что человек, когда он переходил из небесного в земное, переживал лишь одну сторону эфирного. Эфирный мир простирается во все планетарные и звездные сферы. Но в момент, когда небесные способности преобразуются в земные способности, человеческое существо теряет переживание космической моральности. Когда переживают ориентацию среди существ высших Иерархий, это переживается не просто как проявление естественного закона, но и как моральная ориентация. Это все одновременно морально. Равным образом и Логос говорит в человеке не аморально, как явления природы — явления природы звучат не антиморально, но безморально, — Логос говорит морально. Также и космические Мысли вспыхивают в духе моральности.

Сатурн, Юпитер и Марс обладают, как бы ужасно это ни звучало для физиков, наряду с другими силами также и моральной ориентацией. И лишь когда человек преобразует эти охарактризованные способности в ходьбу, речь и мышление, он утрачивает эти моральные ингредиенты.

Это чрезвычайно важно. Когда мы здесь на Земле говорим об эфире, в котором мы сначала живем, приближаясь к Земле, чтобы родиться, мы говорим об эфире так, что приписываем ему разного рода качества. Но это только одна сторона эфира. Другая сторона та, что это морально действующая субстанция, что он насквозь пронизан моральным импульсом. Как он пронизан светом, так же он пронизан моральным импульсом. В земном эфире этого нет.

Но все же человек как земное существо не полностью оставлен силами, среди которых он живет между смертью и новым рождением. Может быть так — даже если по какому-либо решению Божественного мирового порядка человек здесь на Земле не имеет никакого представления о том, что должен быть не только физическим, но также и моральным существом, — может случиться, что его ходьба, речь и мышление будут здесь на Земле соответство-

вать небесному ориентированию, небесному Логосу, небесному вспыхиванию мировых Мыслей. Человек на Земле, если у него нет особенного импульса, мало знает об этих небесных отражениях земного, но у него есть предчувствие этого. Все, что связывает человека с духовным миром, было бы на Земле бесследно забыто, совесть не шевельнулась бы, если бы на Земле не существовало продолжающегося действия небесного.



Я хочу начать с очень конкретного. То, что я сейчас скажу, поначалу кажется парадоксальным, но оно полностью соответствует духовно установленным фактам. Представим, что здесь мы имеем саму Землю (красный), а здесь ее воздушное окружение (светлый). Здесь, естественно, не соблюдены пропорции, но это не играет роли. Дальше снаружи мы имеем то, что постепенно переходит в духовный мир: мы имеем космический эфир, постепенно переходящий в духовный мир. Затем это здесь заканчивается. Показывая, я вынужден показывать пространственно, но это, в сущности, уже внепространственно здесь (желтый).

Здесь на Земле мы дышим, вдыхаем и выдыхаем воздух, и это ритм дыхания. Но снаружи мы расширяем

наше существо в Космос, принимая в себя Логос, мировые Мысли. Там мы предоставляем миру звучать в нас. Это происходит также ритмично, в ритме, определяемом существом звезд. Там снаружи также присутствует ритм. Здесь на Земле у нас как людей есть ритм дыхания, он стоит в определенном отношении с ритмом кровообращения, как один к четырем, то есть четыре удара пульса на один цикл дыхания. Там снаружи мы вдыхаем и выдыхаем духовно, это мировой ритм. Здесь мы живем таким образом, что делаем определенное число вдохов и выдохов в минуту, и имеем определенное число ударов пульса. Мы выходим в мир, мы живем там снаружи в мировом ритме, и когда мы как бы вдыхаем морально-эфирный мир, мы пребываем в себе; когда мы его снова выдыхаем — мы соединены с существами высших Иерархий. Так же, как здесь в нашем физическом теле в пределах нашей кожи происходят ритмически-регулярные движения, так снаружи ходом и положением звезд устанавливается космический ритм, в который мы вживаемся между смертью и новым рождением.

То есть дело фактически обстоит так: здесь (см. рисунок) Земля с ее ближайшим окружением. Мы живем в воздухе, в воздухе развертывается наш дыхательный ритм. Он необычайно регулярен. Его нерегулярность означает болезнь человека. Снаружи — но тут мы должны пройти, можно сказать, промежуточное мировое пространство — мы переживаем мировой ритм, пребывая в пронизанном моральностью мировом эфире. Таким образом, существуют два различных ритма: человеческий ритм и космический ритм; они оба являются человеческими ритмами, поскольку космический ритм — это ритм человека между смертью и новым рождением.

На Земле мир имеет, так сказать, подходящий человечеству ритм, снаружи ритм, в котором мы соучаствуем между смертью и новым рождением. Что лежит между ними? Ритм, свойственный человечеству между рождением и смертью, позволяет нам произносить человеческие слова, овладевать человеческой речью. Мировой ритм, свойственный человеку между смертью и новым рождением, позволяет звучать в нас мировому Слову. Земля дает нам речь; Вселенная, духовная Вселенная дает нам Ло-

гос. Вы чувствуете, что это выглядит иначе, когда ткет ритм, дарующий нам Логос, нежели здесь на Земле в воздухе, когда развиваются человеческие слова.

Как же разграничены эти области? Мы всматриваемся в физический мир. Мы не видим тут снаружи мирового ритма. Оба внутренне гармонизированы совершенно закономерными взаимосвязями. Что лежит между ними? Между ними лежит то, обо что мировой ритм, когда он, так сказать, слишком приближается к Земле, разбивается, и это при некоторых обстоятельствах нарушает также человеческий ритм дыхания; между ними лежат все те проявления, которые отражаются в особенностях атмосферы, во всем, что имеет отношение к метеорологии. Если бы на Земле не было ураганов, штормов, не образовывались бы облака, не дул бы ветер, если бы воздух в дополнение к тому, что означают кислород и азот для нашего дыхания, не содержал бы этих метеологических существ — которые всегда в нем присутствуют, каким бы чистым воздух не казался, — то мы могли бы смотреть во Вселенную и там снаружи наблюдать другой ритм, грандиозный противообраз нашего дыхательного ритма. Между двумя регулярностями мира лежат хаотические погодные явления. Хаотические погодные явления разделяют мировой ритм и ритм дыхания человека.

В таком же смысле человек здесь на Земле подвержен силе тяжести. Он включается своей походкой, движениями своих рук в эту тяжесть, в эти силы тяжести. Снаружи они совершенно иные, они направлены во все стороны. Линии направлены от одного существа высших Иерархий к другому. Что же между ними? Что лежит между силой тяжести на Земле и ее противоположностью в Космосе, подобно тому как между небесным ритмом и человечески-земным ритмом лежит погода?

Как погода лежит между ритмами, так между силой тяжести и противоположной ей небесной силой духовной ориентации лежит то, что переживается на Земле как вулканические силы, как силы, проявляющиеся в землетрясениях. Они беспорядочны.

С каким интересом описано, например, удивительное образование в Тихом океане острова Пасхи, представляющем собой чудесный остаток древней формации.

Вы помните, как была описана эта формация. Но в начале ноября пришло сообщение, что ужасное земле- и моретрясение разрушило остров Пасхи; он ушел в море.

То, что разыгрывается в ветре и погоде, тесно связано с нашим процессом дыхания, как я это описал увиденным из Космоса. То, что разыгрывается в вулканических силах, взаимосвязано с силой тяжести, так что если мы хотим только подметить взаимосвязи, то представляется, будто время от времени сверхчувственные силы отбирают части Земли, вмешиваясь в законы силы тяжести, и, с другой стороны, ввергая в хаос то, что постепенно строилось силами тяжести, дабы забрать это обратно.

Таковы в действительности все земные формации, как они возникли посредством сил тяжести, посредством таких, можно сказать, наземных явлений. Но в то время как в проявлениях погоды находятся в движении воздух, тепло и вода, в этот процесс вовлечены твердые и водные элементы. Здесь мы имеем дело с тем, что выходит за пределы законов весовых соотношений и что постепенно уничтожит Землю, как она была создана силой притяжения. Помимо метеорологических и вулканических проявлений, существует и третий род факторов, о которых я расскажу в другой раз.

Обычная наука, в сущности, мало что может сделать с вулканическими явлениями, и часто дает объяснения, подобные только что прочитанному мною об ужасном землетрясении, поразившем остров Пасхи. Автор статьи геолог, следовательно, должен обладать квалифицированными знаниями в этой специальной области. Описав случившееся, он говорит: когда мы размышляем о причинах этих происходящих время от времени явлений, вызывающих такие разрушения, мы должны отнести это недавнее землетрясение к категории тектонических сотрясений Земли. — Что это значит: размышляя о причинах, мы должны поставить в ряд тектонических сотрясений? — "Тектонические сотрясения Земли" — это сотрясения, вызывающие смещение одной части Земли относительно другой. Таким образом, если мы говорим о причине подобных смещений, мы должны говорить о смещении! Бедность проистекает из бедности!

Именно когда мы стремимся увидеть взаимосвязи этих вещей, мы должны приблизиться к духовному. Ибо в тот момент, когда мы переходим от обычных природных закономерностей в какой-либо области, скажем, в сфере сил тяжести, или ритмических явлений в эфире, если мы переходим от этого к тому, что кажется хаосом — хотя этот хаос выводит в высшие области Космоса, — когда мы, другими словами, хотим пройти через вулканическое и метеорологическое, тогда мы должны обращаться к духовному.

События, которые в череде мировых свершений кажутся случайными — так их называют, — раскрываются в сфере духа в своих полных смысла закономерных взаимосвязях. Можно понять, что благодаря метеорологическому мы как люди между рождением и смертью выводимся из той сферы, где пребываем между смертью и новым рождением. Если говорить конкретно, то вместо тех абстракций, которых сегодня так много, можно было бы сказать: на Небесах человек включен в закономерности, которые здесь на Земле скрыты от него, поскольку он вовлечен в метеорологические явления окружающей атмосферы. Метеорологическое является барьером между тем, что переживает человек на Земле, и тем, что он переживает между смертью и новым рождением.

Таким образом, мне хотелось бы потратить силы на то, чтобы все больше и больше раскрыть вам эти взаимосвязи, которые действительно являются чем-то конкретным, а не просто описаниями.

ВТОРОЙ ДОКЛАД

Дорнах, 1 декабря 1922

Главной целью докладов, прочитанных здесь на протяжении последних недель, было показать вам, как человек соучаствует своей духовной жизнью в том, что мы можем назвать миром звезд, точно также, как своей физической жизнью на Земле он соучаствует в земном бытии, в земных событиях. В свете воззрения, приобретаемого благодаря антропософии, мы различаем в человеке силы, лежащие в его физическом теле и его эфирном теле или теле образующих сил, и силы, относящиеся к его "Я" и его астральному телу. Вы знаете, что эти две стороны его существа разделяются всякий раз во время сна.

Обратим на некоторое время взор на спящего человека. С одной стороны, физическое тело и эфирное тело находятся тут в бессознательном состоянии; но и "Я" и астральное тело также бессознательны. Мы можем спросить теперь: существует ли связь этих двух бессознательных сторон человеческой природы также и во время сна? — Мы знаем, что в бодрствующем состоянии, когда вступает в действие обычное сознание человека, возникает связь, оживляемая мышлением, чувствованием и волением. Мы поэтому можем представить себе, что когда "Я" и астральное тело как бы погружаются в эфирное и физическое тела, в результате этого соединения возникают мышление, чувствование и воление.

В спящем человеке не происходит ни мышления, ни чувствования, ни воления. Однако когда мы рассматриваем его физическое земное тело, мы должны сказать: все силы, которые, согласно нашему человеческому наблюдению, принадлежат земному бытию, активны в этом

физическом земном теле. — Это физическое тело человека мы можем взвесить, и мы найдем, что оно имеет определенный вес. Мы можем в этом физическом теле исследовать, как протекают в нем материальные процессы — по крайней мере, мы можем гипотетически представить себе такую возможность. Мы можем найти в нем материальные процессы, являющиеся продолжением процессов, находимых вовне в земном бытии; они продолжаются внутри физического тела человека в процессе питания. В физическом теле мы находим и то, что совершается посредством дыхания. И только то, что проистекает из головной организации человека, то, что принадлежит к нервно-чувственной системе, как бы затемнено или погружено в полную тьму.

Когда мы переходим к рассмотрению эфирного тела, пронизывающего физическое, становится не так-то просто понять, как действует это эфирное тело во время сна. Однако кто уже до некоторой степени знаком с тем, что говорит о человеке духовная наука, тот без труда поймет, как благодаря эфирному телу человеческое существо живет даже во сне среди всего того, что существует как условия эфирного мира и все эфирные силы, окружающие земное бытие. Таким образом, мы можем сказать: мы находим деятельным внутри физического тела человека во время его сна все, что принадлежит к земному существованию; мы находим деятельным также и в эфирном теле все, что принадлежит к эфирному миру, окутывающему и пронизывающему Землю.

Дело становится еще более трудным, когда мы обращаем наше внимание — разумеется, душевное внимание — на то, что находится теперь вне физического и эфирного тел, а именно, на "Я" и астральную сущность человека. Мы никак не можем принять представление, что эта "Я"-сущность, что эта астральная сущность человека имеют какое-то отношение к физической Земле, или к тому, что окружает и пронизывает Землю как эфир.

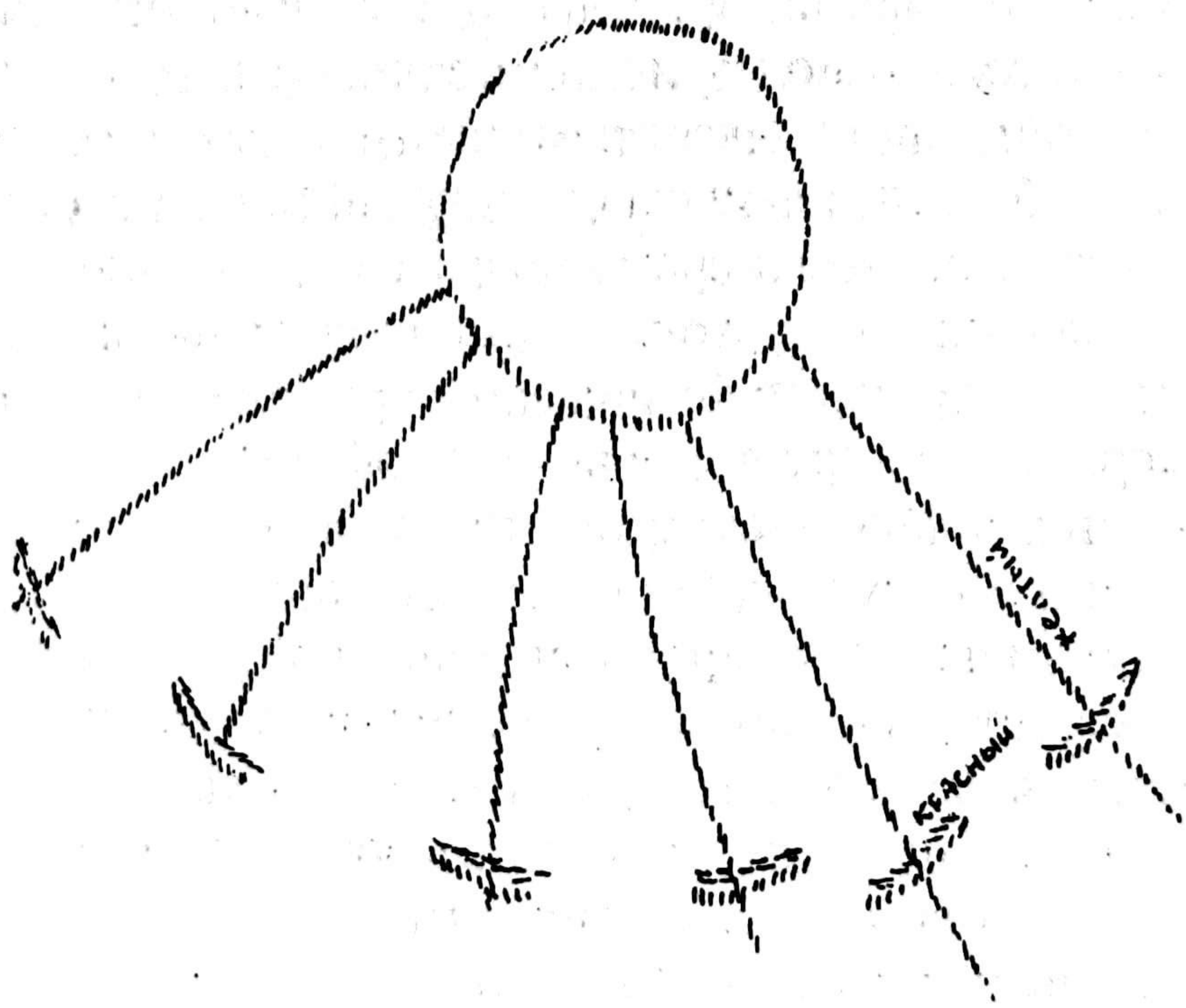
То, что происходит во время сна — я описывал вам это, можно сказать, более наглядным образом в недавних докладах; сегодня я обрисую это с другой точки зрения, — что происходит в "Я" и астральном теле человека, мы

можем это действительно понять, когда с помощью духовной науки проникаем в то, что имеет место на Земле и в ее окружении помимо развития физических сил и эфирных сил.

Для начала обратим наш взор на растительный мир. Мы видим мир растений ежегодно — по меньшей мере, в главном, если оставить в стороне вечнозеленые деревья и тому подобное, — вырастающим весной из Земли. Мы видим затем растения становящимися все более яркими и пышными, и затем вновь увядающими осенью. В некотором смысле мы видим их как бы исчезающими с Земли, когда Земля покрыта снегом.

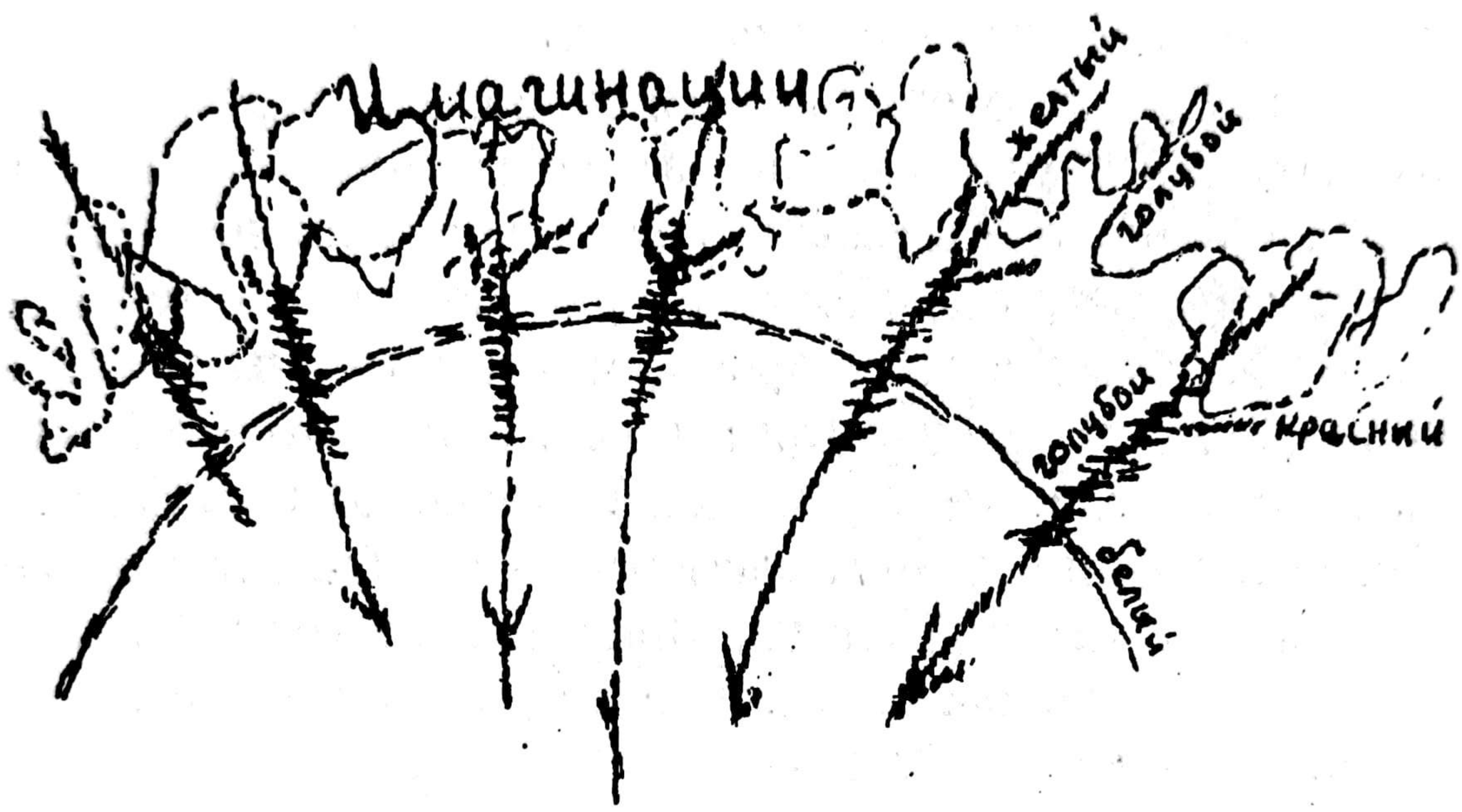
Но это только один аспект раскрытия растительного мира. Физическое знание говорит нам, что это раскрытие растительного мира весной и увядание его осенью связано с Солнцем. Физическое знание указывает нам также, что, например, зеленый цвет растений может возникнуть только под влиянием солнечных лучей. Физическое знание показывает нам, таким образом, что происходит в области физического воздействия; но оно не показывает нам, что во время завязывания бутонов, цветения и увядания происходят также и духовные явления. Но точно так же, как в физическом организме человека, например, циркулирует кровь, как эфирные процессы проявляются в физическом организме в форме сосудистых явлений и тому подобного, так же, как этот физический организм человека пронизан душевно-духовным, так и процессы произрастания, зеленения, цветения и увядания растения, которые мы рассматриваем как физические процессы, повсюду пронизаны воздействиями космического духовного и душевного мира. Когда мы смотрим на лицо человека — если его взгляд падает на нас, показывая нам его выражение, быть может, вспыхнувший румянец, — тогда в нашей совместной жизни с миром других людей происходит не что иное, как словно бы наш душевный взор направляется непосредственно сквозь физическое в душу и на дух человека. И таким же образом должны мы приучить себя видеть душевно-духовное в том, что мы имеем тут перед собой — если можно так сказать — во внешнем облике и меняющихся цветах растительного покрова нашей Земли.

Когда мы хотим признавать только физическое, мы говорим, что свет и тепло Солнца воздействуют на растения, формируют в них соли, хлорофилл и тому подобное. — Но если мы созерцаем все это духовным взором, если мы занимаем ту же позицию в отношении растительного облика Земли, какую имеем в отношении человеческого облика, тогда нечто само раскрывается нам, нечто, что я хочу выразить особым словом, потому что это слово действительно выражает реальность. Солнце, посылающее свет на Землю, это не просто сияющий газовый шар, но еще нечто существенно иное. Оно ниспосылает свои лучи на Землю; и эти лучи, которые оно посылает наружу, и мы повсюду, глядя на Солнце, видим, так сказать, лишь внешний аспект этих лучей, эти лучи обладают также и внутренним аспектом.



Если бы кто-нибудь был в состоянии смотреть сквозь солнечный свет, рассматривать свет просто как внешнюю оболочку и видеть сквозь нее душевное, он узрел бы душевную силу, душевную сущность Солнца. Обычным человеческим сознанием мы, собственно, видим Солнце так, как видели бы человека, сделанного из папье-маше. Если вы создадите изображение, в котором нет ничего, кроме формы, безжизненной формы, оно, конечно,

будет отличаться от человеческого существа, которое мы видим перед собой. В реальном человеке сквозь эту внешнюю форму мы видим и ощущаем душевно-духовное. Для обычного человеческого сознания Солнце как бы превращено в форму из папье-маше. Мы не видим ничего за его внешней, сотканной из света, оболочкой. Но если бы мы были в состоянии видеть сквозь нее, мы увидели бы душевно-духовное существо Солнца.



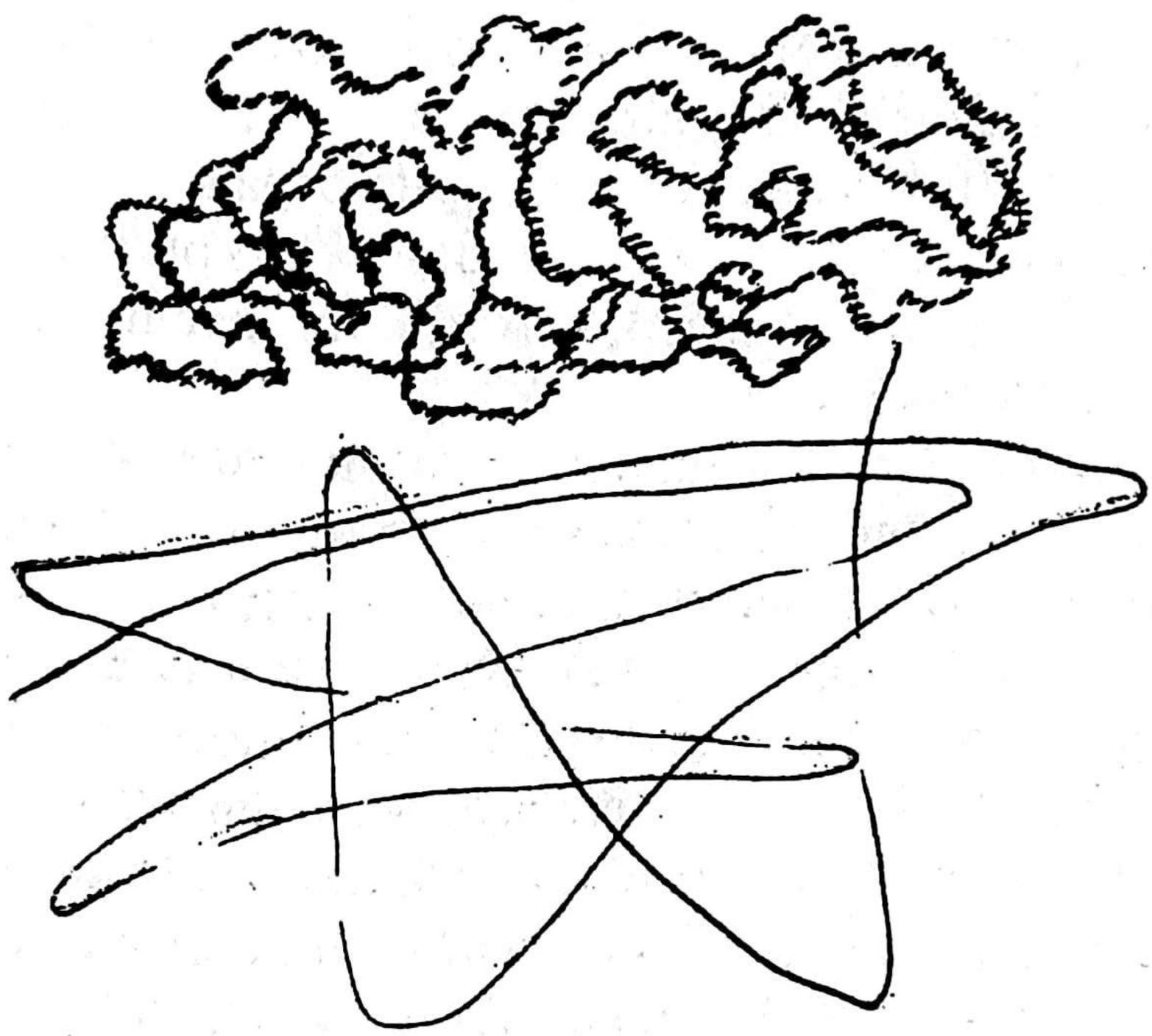
Мы могли бы осознать это духовно-душевное существо в его действенности, так же, как и физическую, подобную папье-маше оболочку Солнца. С точки зрения физического знания мы говорим: "Солнце светит на Землю, оно сверкает на камнях и на почве. Свет отражается. Поэтому мы видим все минеральное. Лучи Солнца проникают в растения, заставляя их зеленеть, заставляя их прорастать." Все это внешнее. — Если мы видим духовно-душевную сущность Солнца, мы не можем просто сказать: "Солнечный свет сверкает на минералах, солнечный свет отражается и тем самым позволяет увидеть минералы, свет и тепло Солнца проникают в растения, отчего они зеленеют", — но мы должны сказать, имея теперь в виду бесчисленных духовных существ, населяющих Солнце и составляющих его душевно-духовное: "Солнце грезит, и его грезы окутывают Землю и формируют растения."

Если вы представляете себе поверхность Земли с физическими растениями, произрастающими из нее, расцветающими, то здесь вы имеете действие физических лучей Солнца. Но сверх того здесь живет и ткет мир грез Солнца. Это чистые имагинации. И можно сказать: "Когда весной тает снежный покров, Солнце вновь обретает свою мощь, и тогда имагинации Солнца вновь окружают и овевают Землю."

Эти имагинации Солнца есть имагинативные силы, действующие на мир растений. Хотя и верно, что этот имагинативный мир, эта имагинативная атмосфера, окружающая Землю, особенно жизненна с весны до осени в той области Земли, где как раз наблюдаются весна или осень, однако этот грезообразный элемент солнечной активности в известном смысле присутствует и в течение зимы. Только в зимнее время, можно сказать, грезы и сновидения как бы пасмурны и печальны, в то время как летом они подвижные, творческие и формообразующие. Так вот, именно в этом элементе, в котором развертываются имагинации Солнца, живет и действует "Я" и астральное тело человека, когда они находятся вне его физического и эфирного тел.

Из того, что я сказал, мы должны сделать вывод, что сон летом совершенно отличен от сна зимой, хотя на настоящей стадии эволюции человеческая жизнь и сознание столь туманны и лишены жизненности, что такие вещи проходят незамеченными. В прежние времена развития человечества люди очень точно различали своими чувствами зимний сон и летний сон. И они знали, какое имеет для них значение сон летний и сон зимний. В эти древние времена люди знали, что о летнем сне можно сказать: в течение лета Земля окутана мыслеобразами. — И они выражали это, говоря: верхние боги опускаются летом вниз и парят вокруг Земли; и в течение зимы нижние боги поднимаются из Земли и парят вокруг нее. — Этот имагинативный мир, различно построенный зимою и летом, рассматривался как деятельность верхних и нижних богов. Но в те старые времена людям было также известно, что сам человек своим "Я" и астральным телом живет в мире сотканных имагинаций.

И именно эти факты, о которых я здесь говорил, показывают нам, если мы взвесим их в свете духовной науки, в каком отношении человек находится уже во время своего земного бытия во внеземной Вселенной. Летом, то есть когда в какой-либо области Земли лето, человеческое существо во время сна всегда оплетено отчетливыми космическими имагинациями. Вследствие этого он в летнее время, так сказать, своим духовно-душевным существом прижат близко к Земле. В зимнее время это обстоит иначе. В зимнее время очертания, контуры этих космических имагинаций как бы отдаленней.



В течение лета наше "Я" и астральное тело живут во время сна среди очень четко очерченных имагинаций, среди множества фигур и форм. Во время зимы эти образы как бы расходятся, отдаляются, и в результате этого с началом осени то, что живет в нашем "Я" и астральном теле, уносится по ночам во Вселенную. Жарким летом то, что живет в нашем "Я" и астральном теле, остается более, так сказать, в духовно-душевной атмосфере человека. Зимой то, что мы переживаем нашим "Я"-существом и астальным телом, уносится в мировые дали. И действительно, вовсе не образно, но совершенно реально можно

сказать: то, что человек культивирует в себе, в своей душе, то, что с помощью "Я" и астрального тела он может извлечь из своих физического и эфирного тел во время между засыпанием и пробуждением, это накапливается в течение лета и устремляется зимой в широкие просторы Космоса.

Мы как люди не вправе думать, что мы как бы замкнуты в земном бытии и что просторы Вселенной ничего не знают о нас. Это вовсе не так. Правда, в середине лета, в Иоанновы дни, человек может скрыться от мирового духа, и может развивать также заслуживающие порицания чувства; плотная сеть имагинаций не пропускает эти чувства. Но они остаются. И во время Рождества Боги смотрят на Землю, и все, что живет в человеческой природе, выдает себя и восходит с его "Я" и астральным существом. Употребляя образ, верно отражающий факты, мы можем сказать: зимой окна Земли открыты, и ангелы и архангелы взирают на то, чем в действительности является человек на Земле.

Мы на Земле в нашей современной цивилизации постепенно привыкли выражать все то, что мы допускаем происходящим в области знания, сухим, банальным, непоэтичным образом. Высшие сущности всегда были поэтами, поэтому мы не можем дать истинного описания их природы, если говорим о ней скучными физическими словами; мы должны прибегать к таким словам, какие я только что употребил: во время Рождества окна Земли открыты и ангелы и архангелы взирают на то, чем были человеческие деяния в течение всего года. Сущности высших Иерархий — поэты и художники даже в своем мышлении. Логика, которую мы так стремимся применять, есть просто результат земного тяготения — этим я вовсе не хочу сказать, что она не является в высшей степени полезной на Земле.

Именно то, что живет в умах и сердцах людей, как я только что изобразил, имеет важный интерес для этих высоких сущностей; ангелы, которые смотрят сквозь рождественские окна, не заинтересованы в размышлениях профессоров; они не обращают на них внимания. Не очень-то они обращают внимание и на человеческие мысли. Их интересует то, что происходит в чувствах, в сердце чело-

века — то, что в космическом аспекте связано с ежегодным обращением Солнца. Поэтому в Рождественское время перед взором божественно-духовных сущностей проходит не то, умны или глупы мы на Земле, но лишь добрые мы или злые люди, переживаем ли мы за других или мы эгоисты. Вот что сообщается космическим мирам в ходе смены времен года.

Вы можете подумать, что наши мысли остаются около Земли, так как я сказал, что ангелы и архангелы не заинтересованы в них, когда они смотрят сквозь Рождественские окна. Они не заинтересованы в наших мыслях потому — если я могу употребить столь прозаический оборот речи, — что они получают более дорогие, более ценные монеты, которые чеканятся в душевно-духовном человека. И эти более ценные монеты чеканятся сердцем и чувствами — тем, чего человек стоит в силу содержания своего сердца и чувств. Для Космоса наши мысли — мелкая монета, и эта мелкая монета исследуется каждую ночь подчиненными духовными сущностями. Умны мы или глупы, разузнается для Космоса каждую ночь — не для дальних областей Космоса, но только для областей, ближайших к Земле, — разузнается сущностями, наиболее близкими к Земле и ее окружению и потому наиболее низшими по рангу. Дневное обращение Солнца имеет целью сообщить Космосу ценность наших мыслей, настолько простираются наши мысли; они принадлежат главным образом окружению Земли. Годовое обращение Солнца имеет целью унести нашу сердечную сущность, сущность наших чувств дальше, в космические миры.

Но наша волевая природа не может быть унесена таким путем в Космос. Ибо цикл дня строго отрегулирован; он проходит свой путь за двадцать четыре часа. Годичный путь Солнца также строго отрегулирован. Мы ощущаем регулярность дневного цикла по строгой логической последовательности наших мыслей. Регулярность годичного цикла — мы ощущаем его результат в нашем сердце и душе по наличию в них некоторых чувств, которые одни поступки человека одобряют, а другие порицают.

Но в человеке есть еще и третья способность, а именно, воля. Хотя воля и связана с чувствованием, оно может только сказать, что некоторые поступки нравствен-

но хороши, а другие нравственно нехороши. —Воля же может делать и то, что нравственно хорошо, и то, что нравственно плохо. Здесь не существует строгой урегулированности. Связь нашей воли с нашей человеческой природой не регулируется так строго в том смысле, в котором регулируется мышление и чувствование. Мы не можем назвать скверный поступок хорошим или хороший поступок плохим, так же как не можем назвать логическую мысль нелогичной или наоборот. Этим мы обязаны тому факту, что наши мысли находятся под влиянием дневного обращения Солнца, наши чувства под влиянием его годичного обращения. Воля же оставлена на Земле в руках человечества. И человек может сказать: "Самое большое, что может со мной случиться, если я мыслю нелогично, это то, что мои нелогичные мысли будут уноситься каждую ночь в Космос и причинять там вред — но какое это имеет значение для меня? Я ведь здесь не для того, чтобы наводить порядок в Космосе." Здесь, на Земле, где жизнь человека проходит в иллюзиях, при некоторых обстоятельствах он может говорить таким образом, но между смертью и новым рождением он никогда не будет так говорить, потому что между смертью и новым рождением он сам находится в мире, где он мог причинить зло своими безрассудными мыслями; и он должен жить среди всего того зла, которое он сам причинил. Равным образом между смертью и новым рождением он живет в тех мирах, в которые уносились его чувства и его душевность. И об этом он мог бы сказать на Земле: "То, что живет в моих чувствах, испаряется в Космос, но я предоставляю Богам бороться с тем злом, которое могло быть причинено через меня."

Однако моя воля на Земле никак не урегулирована. Материалист, который рассматривает человеческую жизнь ограниченной временем между рождением и смертью, никогда не поймет, что его воля может иметь какое-либо космическое значение. Правда, он не может также понять, что человеческие мысли или чувства имеют какое-то значение для Космоса. Но даже тот, кто прекрасно знает, что мысли имеют космическое значение в силу дневного обращения Солнца, а чувства в силу его годичного

обращения, даже он, видя, что совершается человеком на Земле посредством его доброй или злой воли, должен обратиться от Космоса к самой человеческой природе, дабы увидеть, как то, что действует в человеческом волении, выходит в Космос. Это та, поскольку то, что действует в человеческом волении, должно быть вынесено в Космос самим человеком, и он выносит это, когда проходит через врата смерти. Поэтому не через дневные или годичные циклы, но через врата смерти выносит человек добро и зло, которые он содеял здесь на Земле посредством своей воли.

Примечательную связь имеет человек с Космосом в жизни своей души. Мы говорим о своих мыслях: *мы* имеем мысли. — Но они не подвластны нашему произволу; мы должны сообразовываться с законами Вселенной, когда мы мыслим, иначе мы придем в конфликт со всем, что происходит в мире. Если передо мной стоить маленький ребенок, и я думаю, что это старый человек, — может быть, я и вправе по своему произволу предаваться такой мысли, но тогда я, безусловно, потерял контакт с миром. Поэтому в отношении наших мыслей мы отнюдь не независимы, и мы столь мало независимы, что все наши мысли уносятся в Космос дневным циклом Солнца.

Не независимы мы и в жизни наших чувств; и они уносятся годичным циклом Солнца. Поэтому даже в земном бытии то, что живет в нашей голове через наши мысли и в нашей груди через наши чувства, живет не только внутри нас, но участвует также и в космическом бытии. Только то, что живет в нашей воле, мы удерживаем в себе вплоть до своей смерти. И тогда, когда мы сбрасываем тело, когда мы не имеем больше дела с земными силами, мы уносим это с собой через врата смерти.

Человек проходит через врата смерти нагруженный тем, что возникло из актов его воли. Как здесь на Земле он имеет вокруг себя все то, что живет в минералах, растениях, животных и физическом человечестве, все, что живет в облаках, потоках, горах, звездах, видимых внешне благодаря своему свету, — как он имеет все это вокруг себя в течение своей жизни между рождением и смертью, так же, отбросив физическое и эфирное тела и пройдя

через врата смерти, имеет он мир вокруг себя. И поистине вокруг него мир, в который входили еженощно его мысли, в который входили его чувства с завершением каждого годичного цикла: все, что ты думал, все, что ты чувствовал. — И теперь ему кажется, что сущности высших Иерархий несут к нему его мысли и чувства. Они воспринял их, как я указывал. Его умственная жизнь и его жизнь чувств теперь струятся к нему. Как здесь в земном существовании Солнце светит с утра до вечера; как оно закатывается и наступает ночь, так, когда мы проходим через врата смерти, наша мудрость светит нам как день; а от собранной вместе нашей глупости духовный свет тускнеет и темнеет вокруг нас, и наступает ночь. Здесь на Земле мы имеем день и ночь; пройдя врата смерти, мы имеем как день и ночь плоды нашей мудрости или нашей глупости. А то, что человек переживает здесь, на Земле, как весну, лето, осень, зиму, как изменения температуры и другие ощущаемые им изменения, все это он переживает, пройдя через врата смерти, также как своего рода круговорот, но значительно большей длительности. Он ощущает согревающее, дарующее жизнь (дарующее жизнь, конечно, его Самодуху) качество его добрых чувств, его симпатии к добру; он испытывает ледяной холод своей симпатической связи со злом, с безнравственностью. Так же, как здесь на Земле мы живем в летней жаре и зимнем холоде, так же мы живем и после смерти, согреваемые нашими добрыми чувствами, замерзая от наших злых чувств; и мы несем результаты нашей воли через эти духовные времена года, через духовные дни и ночи.

После смерти мы являемся прежде всего плодом нашей нравственной жизни на Земле. И наше окружение пронизано нашим безумием и нашей мудростью, нашими симпатиями и антипатиями к добру.

Так что мы можем сказать: также как здесь, на Земле, вокруг нас то летний воздух, дающий тепло и жизнь, то холодный и морозный зимний воздух, так и после смерти мы окружены атмосферой душевно-духовного, которая тепла и жизнедарующа, когда она создается нашими добрыми чувствами, и замораживает нас, когда создается нашими злыми чувствами. — Здесь, на Земле, по крайней мере, в определенных областях, температура зимы и лета

одинакова для всех нас. Во время после смерти каждое человеческое существо имеет свою собственную атмосферу, порожденную им самим. И самые волнующие переживания после смерти связаны с тем фактом, что один человек живет в ледяном холоде, в то время как другой рядом с ним в дарующем жизнь тепле.

Таковы переживания, которые должны быть пройдены после смерти. Как я описывал в моей книге "Теософия", одним из главных переживаний в душевном мире является то, что человеческие существа, развивавшие здесь на Земле злые чувства, должны иметь тяжелые переживания в виду тех, кто питал добрые чувства.

И действительно, можно сказать: все, что остается скрытым во внутреннем существе человека, раскрывается, когда он проходит через врата смерти. Сон также приобретает космическое значение, подобно нашей жизни в зимнее время. Мы спим каждую ночь с целью подготовиться к свету, в котором мы должны жить после смерти, мы проходим через зимние переживания с целью подготовить душевно-духовное тепло, в которое мы войдем после смерти. И в этой атмосфере духовного мира, которую мы сами подготавливаем, мы несем последствия наших деяний.

Здесь на Земле мы живем из-за нашего физического тела как подверженное силе земного тяготения существо. Через наше дыхание мы живем в окружающем воздухе и видим вдали звезды. Когда мы проходим врата смерти, мы оказываемся в душевно-духовном мире, удаленном от Земли; мы находимся как бы за пределами звезд, мы видим звезды с другой стороны, оглядываемся на мир звезд. Мы не стоим на земной почве, мы пребываем в космических мыслях и космических силах. Мы живем в атмосфере, которую душевно-духовно сами подготовили, как я это описал. Оборачиваясь на звезды, мы не видим их более сияющими, но вместо этого видим Иерархии, Духовные сущности, и физические звезды — это просто их отражения.

Так человек может здесь на Земле достичь все большего и большего познания того, какова будет его жизнь, когда он пройдет через врата смерти. Если люди, которые говорят: к чему нужно мне знать все это? Я же увижу это

после смерти! — Это отношение подобно тому, как если бы человек сомневался бы в ценности зрения. Ведь в ходе эволюции Земли человек все больше и больше входит в такую жизнь, в которой он, прежде всего охватывая это мыслями здесь на Земле, должен обретать сопереживание того, что я описал, для времени после смерти. Исключать познание духовного мира здесь на Земле — это оставлять себя духовно-душевно слепым после смерти. Человек войдет в духовный мир как калека, когда пройдет через врата смерти, если здесь, в этом мире, он пренебрежет изучением духовного мира, ибо человечество развивается к свободе.

Это должно становиться все яснее и яснее человечеству и должно заставить человека понять настоятельную необходимость знания о духовном мире.

ТРЕТИЙ ДОКЛАД

Дорнах, 3 декабря 1922

Мне хотелось бы, чтобы в ходе настоящих рассмотрений становилось все более ясным, что человек принадлежит своим существом не одной Земле, не только земному бытию, но также и бытию Космоса, мира звезд. Многое из того, что можно сказать в этом отношении, я уже изложил. Я хочу теперь начать с короткого замечания во избежание неправильного понимания. Тот, кто говорит о связи человека с миром звезд, может быть обвинен в склонности к дилетантской астрологии, столь широко распространенной в наше время. Но если то, что говорится по этому поводу, будет понято правильно, сразу же выявится огромная разница между тем, что имеется в виду здесь, и дилетантскими интерпретациями древних астрологических традиций, столь обычными сегодня.

Когда мы говорим, что человек между рождением и смертью является существом, связанным с Землей и земными событиями, что имеется при этом в виду? Мы имеем в виду, что человек обязан своим существованием между рождением и смертью прежде всего тому факту, что он принимает субстанции Земли в свою систему обмена веществ как питание и перерабатывает их в своем организме; затем тому, что посредством дыхания и внутренних процессов, связанных с дыханием, он еще иным путем связан с Землей, иначе говоря, с атмосферой, окружающей Землю. Мы можем также сказать, что человек ощущает внешние вещи Земли с помощью своих органов чувств, ощущает также отражения того, что является внеземным — отражения, которые, однако, носят более земной характер, чем это обычно полагают. То есть в целом

можно сказать, что человек участвует в земном бытии при помощи своих органов чувств, своей ритмической системы и своей системы обмена веществ, и имеет внутри себя продолжение процессов, возбужденных земным бытием и его процессами. Но равным образом внутри человека имеет место продолжение космических, внеземных процессов. Только не следует полагать, когда говорится, что человек испытывает влияния Луны, Венеры или Марса, что это нужно понимать как простое пронизывание его лучами, посылаемыми с Марса, или Венеры или с Луны. Когда, например, говорится, что человек подвержен влиянию Луны, это должно приниматься аналогично тому, что имеется в виду, когда говорят о подверженности человека влиянию субстанций Земли.

Когда кто-либо проходит мимо яблони, срывает и съедает яблоко, то можно сказать, что яблоня имеет на него влияние; но мы не должны принимать это буквально, будто яблоня посылает ему свои лучи. Или, если хотите, когда человек проходит через луг с пасущимся на нем быком, а потом через неделю ест его мясо, мы не должны столь непосредственно себе представлять, что бык имеет влияние на человека. Также, естественно, не должны мы понимать буквально и то, что говорится о влиянии на человека мира звезд. И все же отношение мира звезд к человеку и человека к миру звезд реально, как и отношение человека к быку, мимо которого он прошел по лугу и мясо которого он впоследствии ест.

Сегодня я должен говорить о некоторых связях, которые существуют между человеком и миром как земного, так и внеземного бытия. Если мы снова обратим наше внимание на перемежающиеся состояния бодрствования и сна, мы должны прежде всего уяснить себе, что именно в бодрствующем состоянии устанавливаются взаимосвязи с земными субстанциями и земными силами. Во время бодрствования человек ощущает с помощью своих органов чувств; во время сна этого не происходит. Кроме того, он пьет и ест только тогда, когда он пробужден — хотя, быть может, некоторые люди хотели бы делать это и во сне. Процесс дыхания и другой процесс, связанный с дыханием, то есть циркуляция крови — как и вообще ритмические процессы, — продолжаются в человеке и в

бодрствующем, и в спящем состоянии. Но они различны в этих двух состояниях. Я намерен позже сказать о разнице между дыханием в бодрствующей жизни и во сне. Но сначала мы займемся тем, что человек связан с внешним миром в бодрственном состоянии посредством своих органов чувств и своего обмена веществ, сначала о тех вещах, которые общеизвестны; это должно быть не чем иным, как констатацией известных фактов.

Начнем с того, что человек принимает в себя вещества пищи из внешнего мира во время бодрствования. Также во время бодствования в человеке возникает определенная внутренняя деятельность под влиянием переработки питательных веществ. Однако не следует забывать, что после того как в бодрственном состоянии была принята пища и теперь под влиянием принятых питательных веществ происходит внутренняя физическая и также эфирная деятельность в человеке, что этот человеческий организм, как физический, так и эфирный, пронизан его "Я" -организацией и астральным телом.

В этом случае во время бодрствования человеческое "Я" и астральная сущность овладевают тем, что происходит в физическом и эфирном организме в связи с питанием. Но то, что тут происходит под влиянием "Я" и астральной сущности, не продолжается во сне. Во сне над физическим и эфирным телом человека работают силы, проистекающие не от Земли, а из космического окружения Земли, от мира звезд.

Можно сказать, и не только в переносном смысле, но это имеет вполне реальный смысл, что днем человек ест субстанции Земли, а ночью принимает в себя то, что дают ему звезды и их деятельность. Поэтому в некотором смысле человек связан с Землей, когда он бодрствует, и удален от Земли, когда спит; и когда он спит, в нем разыгрываются, если можно так выразиться, небесные процессы, в его физическом и эфирном теле происходят небесные процессы.

Материалистическое познание полагает, что когда человек спит, то вещества, которые он поглотил, просто активизируют в нем собственные силы, в то время как в действительности, какие бы вещества человек ни принял, в нем во время сна эти вещества перерабатывают косми-

ческие силы из окружения Земли. Предположим, что мы поглотили белок яйца. Этот белок только потому привязан к Земле, что в бодрственном состоянии мы как люди пронизаны нашим душевным и духовным, а именно, нашим астральным телом и "Я". Во время сна над этим белком работает вся планетная система от Луны до Сатурна и весь мир постоянных звезд. И химик, пожелавший изучать внутренние процессы, имеющие место в человеке во время его сна, должен быть знатоком не только земной, но и духовной химии, так как процессы эти отличны от тех, которые протекают в бодрственной жизни.

Подобным образом обстоит дело и с "Я" и астральным телом человека, которые отделены от его физического и эфирного тел во время сна. Они связаны хоть и не непосредственно с миром звезд, но с сущностями, физическим отражением которых являются Солнце, Луна и звезды - то есть с сущностями высших Иерархий. Так что можно сказать: спящий человек двойственен; его "Я" и астральное тело — я могу также сказать, его дух и его душа — становятся подвластны духовным сущностям высших царств Вселенной. Его тела, физическое и эфирное, подвластны физическим отблескам, физическим отражениям, космически-физическим отражениям этих высших сущностей. — Сознавая себя земным существом, человек под влиянием интеллектуализма все более становится материалистическим филистером. Почти с тем же успехом, как современную эпоху называют веком интеллектуального и научного прогресса, можно назвать ее и эпохой материалистического филистерства. Человек не сознает, что он зависит от чего-либо еще, кроме чувственных ощущений, приходящих от Земли, ритмических процессов, вызываемых в нем земными процессами, процессов обмена веществ, также вызываемых в нем земными условиями. Поэтому он не знает своего истинного места во Вселенной. Это включенность его во Вселенную невероятно сложна. Как только, хотел бы я сказать, откинуто покрывало, расстилающееся перед человеком для того, чтобы он видел только чувственный, но не духовный, лежащий за ним, мир, жизнь становится необычайно сложной. Прежде всего обнаруживается, что на человека влияют не только те сущности, физические отражения которых,

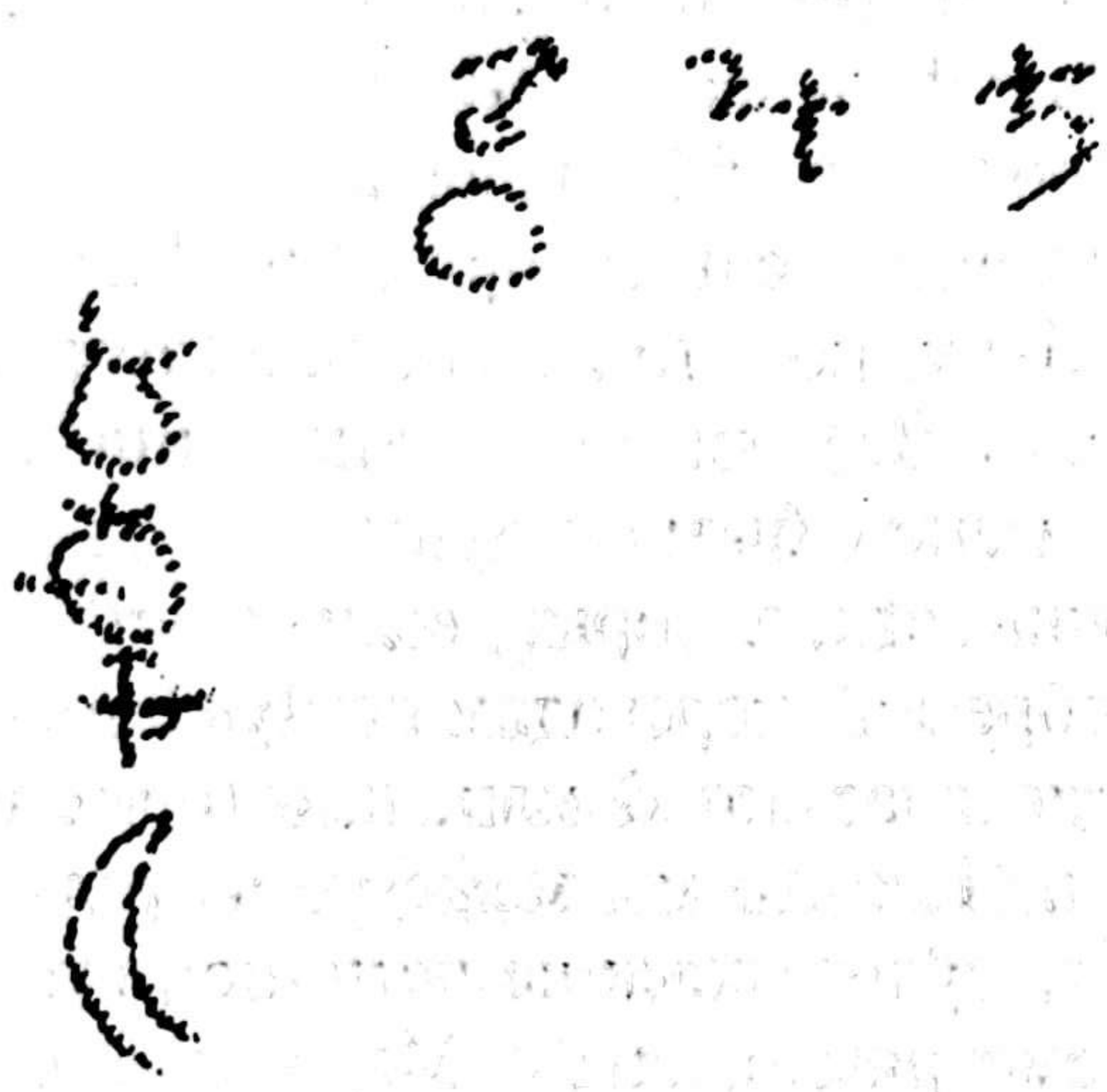
звезды, могут быть непосредственно наблюдаемы, но что внутри самого земного бытия пребывают сверхчувственные сущности, сходные со звездными сущностями, которые как бы избрали область земного местом своего пребывания.

Вы знаете, что народ Ветхого Завета поклонялся Яхве. Это было поклонение реальному существу, связанному с тем, что в физическом мире проявляется как Луна. Конечно, это только в большей или меньшей степени образное выражение, если говорят, что Яхве имеет местом обитания Луну, но в то же время в этом выражении есть и реальность. Все, имеющее отношение к этой сущности-Яхве, связано с бытием Луны.

Были сущности, которые, если можно это так выразить, "пренебрегли" переходом на Луну вместе с Яхве, когда Луна отделялась от Земли, и которые остались в земной области. Так что мы можем некоторым образом предчувствовать существование истинной сущности Яхве, когда мы смотрим на Луну. Мы можем сказать: это физический образ всего, что по праву участвует в мировом порядке как сущность Яхве. — Но когда мы знакомимся с тем, что разыгрывается внутри под поверхностью Земли, в твердом или водном ее составе, мы находим сущностей, которые сочли ниже своего достоинства перенести место своего обитания на Луну и потому незаконным образом сделали Землю своим обиталищем.

Эти лунные сущности, как я буду их называть, имели помощников. Эти помощники принадлежали к Меркурию и Венере, подобно тому как лунные сущности принадлежали к Луне. Сущности Венеры, сущности Меркурия и сущности Луны образуют своего рода триединство. Закономерные сущности этого рода во Вселенной принадлежат этим звездам. Но и в твердом, и в водном составе Земли мы находим сущности, принадлежащие, правда, к той же категории, но, можно сказать, к иной эпохе времени, которые не сопровождали космическое становление земного через Луну, Венеру и так далее. Эти сущности влияют на спящего человека подобно тому, как и сами космические сущности; но их влияние пагубно. Они имеют пагубное влияние, и я могу охарактеризовать его, сказав: когда человек засыпает, тогда в его сонном состоянии,

между засыпанием и пробуждением, эти незаконные сущности Луны, Венеры и Меркурия приближаются к нему и начинают свое дело, убеждают его, что добро есть зло, а зло есть добро. Все это имеет место в бессознательном состоянии человека, между засыпанием и пробуждением.



Это является потрясающим переживанием, необычайно болезненным, приходящим с посвящением, что за порогом обычного сознания встречаются вещи, отнюдь не безопасные для человечества. Люди, придерживающиеся материалистических взглядов на жизнь, не имеют представления, чему подвергается человек между засыпанием и пробуждением. Он действительно подвергается влиянию этих сущностей, которые убеждают его в спящем состоянии, что добро есть зло, а зло есть добро. Ведь морально-земной порядок связан с человеческим эфирным телом, и когда человек спит, он оставляет свои моральные достижения подле себя в постели. Он не переходит в состояние сна вооруженным своими моральными качествами.

Современное естествознание повсюду сегодня уже прикасается к краешку вещей, которые необходимо объяснять духовной наукой. Вы могли недавно прочитать в газетах интересные сообщения, статистически обоснованные и основывающиеся на истине. Установлено, что преступники в тюрьмах имеют самый крепкий сон. Действи-

тельно, закоренелый преступник никогда не мучается во сне кошмарами или чем-либо подобным. Подобное происходит только тогда, когда он снова погружается в свое эфирное тело, так как в нем находятся нравственные свойства. Это гораздо легче может случиться с кем-либо, стремящимся быть нравственным, могущим перенести нечто из конституции своего эфирного тела в астральное и потому мучающимся во сне в результате сравнительно незначительных аморальностей. Но обычно человек не переносит совсем или переносит в очень незначительной степени в состояние сна свою моральную конституцию, которую он приобретает в течение земного бытия, и потому во время сна он, например, подвержен влиянию упомянутых сущностей.

Эти сущности идентичны тем, которых я всегда обозначал как ариманические. Они поставили себе целью удерживать человека на Земле всеми возможными способами. Вы знаете из книги "Очерк тайноведения", что Земля однажды перейдет в состояние Юпитера. Именно это эти сущности и хотят предотвратить, правильное развитие человека вместе с Землей и переход ее в состояние Юпитера нормальным путем, они хотят законсервировать Землю в ее бытии, сохранить Землю как Землю и человечество для Земли. Поэтому эти сущности работают непрестанно и интенсивно для достижения следующего. Мы должны помнить, что существуют вещи, происходящие как бы за кулисами бытия — реальные процессы, которые происходят с момента появления человеческой расы на Земле. Человек переходит в сонное состояние в своем "Я"-существе и астральном существе. Эти сущности Луны, Венеры и Меркурия, незаконно живущие на Земле, стремятся всякий раз дать человеку во время его сна эфирное тело, составленное из земного эфира. Они почти никогда не преуспевают в этом. В редких случаях, о которых я скажу позже, им это удается; но это почти никогда не случается. Все же они не оставляют этих попыток, полагая, что когда-нибудь их усилия дадут результат и они смогут окружить, пронизать человека, пока он спит и оставляет свое эфирное тело, другим эфирным телом, построенным из земного эфира. Вот чего хотят эти сущности.

Если ариманической сущности этой категории удастся шаг за шагом полностью внести эфирное тело в человека, когда он раз за разом спит, такой человек может после смерти, живя в эфирном теле, удержать себя в этом эфирном теле. Обычно, как вы знаете, эфирное тело растворяется в несколько дней. Но человек, с которым случилось описанное выше, может продолжать существовать в эфирном теле, и спустя некоторое время может возникнуть целая раса эфирных людей. Именно этого желает эта часть духовного мира, потому что подобными средствами можно будет сохранить Землю. В твердых и жидких составных частях Земли находятся поистине сонмы подобных сущностей. Они желают постепенно до конца земной эволюции превратить человечество в сплошных призраков, эфирных призраков, так чтобы цель, нормальная цель земного развития не была достигнута. И в ночное время эти сущности ни в коем случае не теряют мужества; вновь и вновь они верят, что их усилия увенчаются успехом.

Нужно уяснить себе: мы как люди имеем вполне сносный рассудок; особенно рискованный оборот приняло развитие этого рассудка в наши дни все растущего филистерства. Человек может, конечно, гордиться обладанием умом. Этот ум, однако, и отдаленно не равен разуму тех высших сущностей, которые стремятся достичь того, что я только что описал вам. И не говорите, что эти сущности должны быть ужасно глупы. Они безусловно не глупы. Принимая во внимание, что они работают над человеческим существом только во время его сна, нет ничего, что могло бы удержать их от уверенности, что им удастся отвратить до конца эволюции Земли большую часть человечества от достижения им его будущего назначения — назначения, связанного с перевоплощением Земли в Юпитер.

Но тот, кто в состоянии видеть происходящее за кулисами видимого бытия, может увидеть, что иногда эти сущности теряют мужество, разочарованы. И разочарование, которое они испытывают, испытывается ими не ночью, а днем. Можно увидеть страдание от разочарования этих ариманических сущностей, натолкнувшись на них, например, в госпиталях. Конечно, болезни, которые при-

ключаются с людьми, имеют один аспект, который при всех обстоятельствах призывает нас сделать все возможное для их излечения. Но, с другой стороны, мы должны спросить, как из темных глубин природного бытия возникают болезни, от которых страдают люди? — Такие болезни не являются результатом внешних влияний, но возникают из внутренней конституции человека, они связаны с тем, что ариманическим сущностям в отношении этого человека почти удается достигнуть того, что он принимает в себя эфирное тело, не являющееся его обычным эфирным телом, и тогда такой человек, вместо внесения при пробуждении правильных законов эфирной телесности в физическое тело и в свое собственное привычное эфирное тело, несет в себе причины болезней. Именно этими причинами болезней истинные сущности Венеры, Меркурия и Луны защищаются от вредных влияний незаконных сущностей. В самом деле, если человек рано или поздно не заболеет, он будет подвержен той опасности, о которой я только что говорил. В любой болезни его тело испытывает упадок сил, изнеможение, для того чтобы с испариной, с потом мог быть выведен, если позволите такой образ, тот неправильный эфирный процесс, который он принял в себя под влиянием ариманических сущностей.

Следующим, что возникает как реакция, дабы предупредить подпадение человека ариманическому влиянию, является возможность заблуждения. И третье это эгоизм. Человек не предназначен ни болеть, ни становиться жертвой ошибок, ни быть эгоистом в преувеличенной степени. Эгоизм как таковой является средством удержать человека в рамках нормального земного развития, дабы он не был вырван из него ариманическими сущностями.

Таков один род сущностей, которые могут быть открыты за кулисами обычного чувственного бытия. Сформировать понятие сущностей другого порядка можно, зная, что не только Луна, Меркурий и Венера влияют на человека, но что человек испытывает влияния, идущие из-за Солнца — от Марса, Юпитера и Сатурна.

Вы знаете из докладов, которые я читал в так называемом "французском курсе", что Луна является физическим отражением тех сущностей, которые привели че-

ловека в физический мир. Сатурн является физическим отражением тех сущностей, которые унесут его вновь из физического мира. Луна привлекает людей к Земле; Сатурн увлекает их снова во Вселенную и затем в духовный мир. Точно так же, как Яхве, лунное божество, имеет сущностей Венеры и Меркурия как своих помощников, так и Сатурн имеет сущностей Юпитера и Марса как помощников, чтобы уносить человека в Космос и в духовный мир. Их влияния и влияния, связанные с сущностями Луны, действуют на человека совершенно противоположным образом.

Дело обстоит так, что влияния Луны, Венеры и Меркурия на нас преобладают до наших семнадцати и восемнадцати лет. Позже, когда мы переходим в наш двадцатый и двадцать первый год, делаются особенно активными влияния Марса, Юпитера и Сатурна; правда, только в более поздние годы достигают они пункта, увлекающего нас от земного бытия в духовный мир. Внутренняя конституция человека зависит от этого перехода, если можно так сказать, от внутренних планет к внешним планетам. До 17-18 лет мы зависим, например, преимущественно от большого круга кровообращения, который воздействует на все тело. Позднее в нашей жизни мы больше зависимы от малого круга кровообращения. Но это мы оставляем для следующих докладов. Сейчас мы должны обратить внимание на тот факт, что незаконные сущности Луны, Венеры и Меркурия обитают в твердых и жидких компонентах Земли, в то время как незаконные сущности Марса, Юпитера и Сатурна нашли условия для своего существования, или, говоря образно, свое обиталище, в тепле и воздухе, окружающих Землю. И эти сущности имеют, опять-таки, большое влияние на человека в его спящем состоянии. Но их влияние действует в совершенно противоположном смысле.

Целью этих сущностей является превращение человека в морального автомата — если позволите так выразиться, — в морального автомата такого рода, чтобы в своем бодрствующем состоянии он не прислушивался бы к своим собственным инстинктам, своим желаниям или голосу крови, но отвергал бы это все с презрением и слу-

шал бы только инспирации этих незаконных сущностей Марса, Юпитера и Сатурна, то есть стал бы моральным автоматом без всяких перспектив на возникновение когда-либо свободы. Этого и хотят эти сущности; и влияние их очень сильно, исключительно сильно. Это они каждую ночь хотят, чтобы человек принимал в себя влияние мира звезд и никогда больше не принимал влияния Земли. Они бы с радостью унесли человека вообще прочь от земного существования. Они хотят — и хотели этого с самого появления человеческой расы на Земле — чтобы человек с презрением отверг Землю, чтобы он не пробудился к свободе на Земле, где это только и возможно. Они хотят, чтобы он оставался моральным автоматом, каким он был в предшествовавшей метаморфозе Земли, на старой Луне.

И посреди этих двух сонмов, одни из которых расположились в элементах тепла и воздуха, в другие в элементах земли и воды, между этими двумя враждебными космическими сонмами стоит человек. То, что он пребывает в физическом теле, скрывает от него тот факт, что в Космосе ведется жестокая битва за обладание его существом. Сегодня человек должен сознательно найти путь к подобному знанию, потому что это имеет отношение к нему как человеку, ведь в сущности он именно потому человек, что над ним работают силы из духовного мира. Сегодня для человека важно иметь познание своего истинного положения во Вселенной.

Придет время, и люди с гораздо большим правом будут более скромно оценивать наше сегодняшнее темное материалистическое познание в сравнении с тем, что будет известно в будущем о духовной реальности, стоящей за всем физическим, нежели правы сегодня мы, говорящие, что научное познание греков было младенческим, что они были просто детьми, в то время как мы ушли так замечательно далеко! — В филистерстве мы действительно зашли очень далеко, и мы будем иметь гораздо больше прав на подобную критику, когда будем говорить с полным знанием о той битве, что ведется на Земле за обладание существом человека.

Но знание этих вещей должно начать распространяться в наше время, и первые признаки этого уже есть. Безусловно, то, что я сказал вам сегодня о битве ариманических и люциферических сущностей в Космосе за человека, все еще скрыто от большинства людей в темных уголках их внутренней природы. Но эти битвы начинают теперь посылать свои волны в ту область, существование которой человеком вполне осознается. И сегодня, если мы не хотим развивать в нашей цивилизации сонное бытие, мы должны научиться распознавать эти волны, накатывающие на нас из тех областей духовного мира, которые я только что охарактеризовал.

Эти два сонма — люциферический в тепловом и воздушном элементе Земли, и ариманический в твердом и жидком, — эти два сонма посылают свои волны в нашу современную культурную жизнь. Люциферические сонмы заражают сегодня прежде всего устаревшую теологию, и в нашей культурной жизни мы встречаем как поток люциферической силы утверждения, пытающиеся представить Христа мифом. Христос низошел на Землю через Мистерию Голгофы как реальная сущность. И это, естественно, то, что прежде всего нарушает намерения тех сущностей, которые хотели бы превратить человека в морального автомата, лишенного свободы. Поэтому — долой реальность Христа, Христос это миф! Вы можете найти в литературе девятнадцатого столетия, как умны и изобретательны были гипотезы теологов, таких как Давид Фридрих Штраус, Кальтгоф и тому подобных, их последователей — или, лучше сказать, пересказывателей — как Артур Древс; повсюду выдвигается точка зрения, что Христос мифологическая фигура, просто образ, запечатленный в человеческом воображении. — Будет еще много атак со стороны этих сонмов! Но это первая волна.

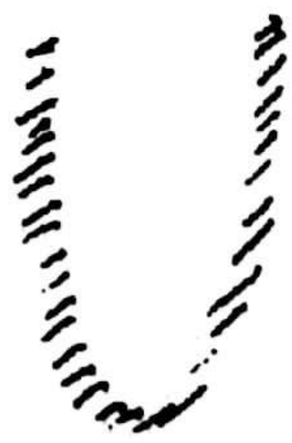
Иные первые волны, исходящие из ариманических сонмов в твердых и водных элементах Земли, выдвигают противоположную точку зрения: здесь Христос отрицается и обоснованным допускается только "простой человек из Назарета", Иисус как физическая личность — еще одна теологическая новинка!

Превратить Христа в миф — это чисто люциферическая деятельность. Сделать Прошедшего через Мисте-

рию Голгофы просто человеком — чисто ариманическая деятельность. Это, однако, не так легко достижимо, так как должно быть устранено много свидетельств и традиций, прежде чем предъявить "простого человека из Назарета". И тем не менее эта вторая новинка теологии свидетельствует о том, что ариманический прибой обрушивается на человеческую культуру.

Если правильно судят об этих вещах, их могут обнаруживать за кулисами обычного земного бытия. В противном случае, если люди не хотят обращать внимания на то, что может быть сказано сегодня из духовного мира, они будут все менее и менее в состоянии правильно судить об этих явлениях, и эти явления будут отражаться в подсознании. Но подчиняться подсознательному станет для людей все более и более опасным. Ясное, вдумчивое наблюдение реально существующего, чувство реальности — вот в чем все больше и больше нуждается человечество.

Возможно, мы можем проследить более определенно, где должна применяться эта вдумчивость, это чувство реальности, когда мы ощущаем увеличение столь необычных явлений в теологии, как отрицание Христа, с одной стороны, и превращение Христа в миф, с другой. Такие явления становятся все более распространенными, и чтобы они не привели людей к погибели, человечество должно овладеть ясным, не сворачивающим с пути восприятием духовных влияний на физический мир и особенно на самого человека.



Я уже однажды рассказывал вам о двух людях, которые нашли кусок железа, изогнутый определенным образом. Один сказал: хорошая подкова! Я подкую ею мою лошадь. — Другой же сказал: ничего подобного! Это магнит и должен применяться совсем для других целей, чем подковывание лошади! — Я не вижу здесь ничего похо-

жего на магнит, сказал первый человек. Ты просто сумасшедший, что говоришь, будто здесь есть какие-то невидимые магнетические силы. Это подкова, вот ее применение!

Это очень похоже на современных людей, которые не желают получать познания, приходящие из духовного мира. Они хотят "подковать" все на свете — если можно так выразиться, — потому что они не признают реальности сверхчувственных сил. Они хотят подковывать лошадей — и не делать ничего, где можно было бы применить магнитные силы. Было время — оно не так далеко от нас, — когда кусок железа такой формы шел только на то, чтобы подковывать лошадей. Но теперь это долее невозможно.

Придет время, когда человек также и в обычной социальной жизни будет нуждаться в том, что сообщается из духовного мира. Мы должны это иметь в виду, и тогда антропософия проникнет не только в умы — это наименее важно, — но больше всего в волю — и это очень важно. Об этом мы будем размышлять все более и более глубоко.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДОКЛАД

Дорнах, 15 декабря 1922

Я прошу вас вспомнить то обсуждение, в котором я говорил вам о переживаниях человека между смертью и новым рождением. Из различных описаний можно было понять, что эта жизнь человека, и прежде всего ее главный период, примерно в середине времени между смертью и новым рождением, таковы, что человек живет в общении с сущностями, которые названы в книге "Очерк тайноведения" сущностями высших Иерархий. Жизнь человека в общении с этими высшими сущностями можно сравнить с жизнью, которую он ведет здесь, в физическом теле, в общении с сущностями трех природных царств.

Собственно, все, что мы имеем в своем земном окружении, принадлежит к одному из трех царств природы, к минеральному, растительному или животному царствам, или же к физическому человеческому царству, которое в этом отношении может быть отнесено к животному царству. Человек имеет органы чувств, и с помощью своих чувственных впечатлений он живет в общении с существами всех трех царств природы. То, что развертывается в его жизни чувств между рождением и смертью, в той мере, в какой оно является результатом переживаний, возникающих из его окружения, связано также с тремя царствами природы. Равным образом это применимо к тому, что проистекает из воли, то есть к человеческим поступкам. То есть между рождением и смертью человек сплетен с тем, что приносят ему его чувства из трех царств природы.

Подобным же образом в рассматриваемое время между смертью и новым рождением человек живет в высших областях, среди сущностей высших Иерархий. Это

совместное бытие с сущностями высших Иерархий в действительности является действием, непрекращающейся деятельностью. Мы слышали, как духовное зерно физического тела образуется в совместной работе с этими высшими сущностями. Здесь на Земле, когда мы воспринимаем или связываем себя с существами, принадлежащими трем царствам природы, мы чувствуем себя вне их. А между смертью и новым рождением речь идет о состоянии, когда мы находим себя полностью внутри сущностей высших Иерархий; мы полностью отдались им. Таково состояние, в котором мы там живем. Представим это яснее.

Здесь на Земле, когда мы, например, срываем цветок, этот факт будет правильно описан, если мы скажем: "Я сорвал цветок". — Но если такой способ выражения применить к нашей совместной жизни с сущностями высших Иерархий, факты будут выражены неверно. Когда мы делаем что-либо в общении с этими сущностями, мы должны сказать: другая сущность действует во мне. — Таким образом, мы находимся в состоянии, которое то и дело понуждает нас называть деятельностью не нашу собственную деятельность, но деятельность сущностей высших Иерархий в нас, в которой, конечно, мы сами также участвуем. Мы обладаем поистине космическим сознанием. Как здесь мы чувствуем сердце, легкие и тому подобное находящимися в нас, так там чувствуем мы в себе мир, но это мир сущностей высших Иерархий, и все, что происходит, происходит в силу деятельности, в которую мы сами также вовлечены. Но чтобы описать факты правильно, мы должны сказать: такая-то и такая-то сущность высших Иерархий действует в нас. — Но это лишь одно из состояний, и мы не были бы людьми в истинном смысле, если бы жили в одном только этом состоянии. В духовном мире между смертью и новым рождением мы столь же мало могли бы находиться только в одном этом состоянии, как здесь на Земле мы не могли бы только вдыхать, не выдыхая. Состояние, которое я только что описал, должно чередоваться с другим, когда мы изглаживаем своим космическим сознанием все мышление и чувствование о сущностях высших Иерархий, когда мы

изглаживаем также все воление, которое действует таким путем в нас, исходя от сущностей высших Иерархий.

Таким образом, мы можем сказать, что существует время в жизни между смертью и новым рождением, когда мы находим себя всецело наполненными сущностями высших Иерархий и их излучениями, мы чувствуем их внутри себя. Но существует и другое состояние, в котором мы сначала подавляем, а затем полностью изглаживаем это сознание о высших сущностях, которое проявлялось в нас. Затем, если употребить земные выражения, мы оказываемся "вне своего тела" — состояние безусловно полностью духовное, но все же выразим его так: мы находимся вне нашего тела. В этом состоянии мы ничего не знаем о том мире, который живет в нас, но мы как бы "пришли к себе". Мы не живем более в других сущностях Иерархий, но мы полностью живем в самих себе. Между смертью и новым рождением мы никогда не осознали бы самих себя, если бы жили только в одном состоянии. Подобно тому как здесь на Земле вдох должен чередоваться с выдохом или сон с бодрственной жизнью, так между смертью и новым рождением должно иметь место ритмическое чередование внутреннего переживания в себе всего мира Иерархий и состояния, при котором мы возвращаемся к себе.

В некотором смысле вся земная жизнь является результатом того, что мы переживали в доземном бытии между смертью и новым рождением. Вы помните, я говорил вам, как даже такие способности в человеческой земной жизни, как ходьба, речь и мышление, являются трансформацией некоторых деяний в доземном бытии. Сегодня мы особенно обратим наше внимание на душевное.

То, что мы переживаем в доземном бытии вместе с сущностями высших иерархий, оставляет в наследство для нашей земной жизни как бы слабую тень этой совместной жизни с существами высших Иерархий. Если между смертью и новым рождением мы не имели такой общности жизни с сущностями высших Иерархий, мы не сможем развить здесь на Земле способность любви. Ибо то, что мы раскрываем здесь на Земле как силу любви, является, конечно, слабым отражением, тенью нашего общения с

духовными сущностями высших Иерархий между смертью и новым рождением, но все же это является отражением того общения. То, что здесь на Земле мы в состоянии проявлять человеческую любовь, сочувственное понимание других человеческих существ, обязано тому факту, что между смертью и новым рождением мы в состоянии жить в общении с сущностями высших Иерархий. Духовнонаучное видение позволять нам видеть, что случается с тем, кто в предыдущих земных жизнях приобрел слишком небольшую склонность — мы сейчас не будем говорить о том, как она приобретается — к тому, чтобы в течение определенного периода после смерти правильно вести совместную жизнь с сущностями высших Иерархий, в некоторых состояниях полностью отдавшись им. Такие люди здесь на Земле не в состоянии раскрыть истинно сильную любовь, не в состоянии проявлять эту всеобъемлющую любовь, которая находит свое выражение в способности понимать других людей.

Мы можем сказать с достоверностью, что среди Богов, в доземном бытии, мы приобретаем дар наблюдения других людей, замечать, как они мыслят и чувствуют, понимать их с внутренним сочувствием. Если мы лишены этого общения с Богами — именно так это может быть названо — мы никогда не будем в состоянии раскрыть здесь на Земле эту способность проникновения в другие человеческие существа, которая одна делает возможной земную любовь. Когда я говорю в этой связи о любви, и особенно о всеобъемлющей человеческой любви, вы должны думать о любви, имеющей это реальное и конкретное значение, как я описал: действительно сердечное понимание другого человека. Если к всеобъемлющей любви к человечеству добавляется это понимание других людей, мы имеем в то же время все, что составляет человеческую нравственность. Так как земная человеческая нравственность, если она не является просто пустой фразой или красным словцом, или решениями, впоследствии не исполняемыми, зависит от интереса, который один человек принимает в другом, от способности вглядываться в другого человека.

Люди, обладающие даром понимать другие человеческие существа, получают от этого понимания импуль-

сы к социально-нравственной жизни. Поэтому мы можем также сказать: все, что составляет моральную жизнь в земном существовании, было приобретено человеком в доземном бытии; от его общения с Богами в нем осталось стремление к развитию этой совместной жизни, по крайней мере в душе, также и на Земле. И это развитие жизни, где один человек вместе с другими выполняет задачи и миссию Земли — только это одно в действительности ведет к нравственной жизни на Земле. Таким образом, мы видим, что любовь и результат любви, нравственность, являются поистине последствиями того, что человек переживает духовно в доземном бытии.

Теперь подумаем о другом состоянии жизни между смертью и новым рождением, когда осознание человеком общения с сущностями высших Иерархий затемнено, когда, как в земном сне, впечатления окружающего умолкают, когда свободное общение с высшими сущностями прекращается и человек "приходит в себя". Это состояние также имеет последствия, отзвук, наследство здесь в земной жизни — и это способность пямати.

Возможность иметь переживание в определенный момент, а затем через некоторое время извлечь из глубин нашего существа нечто, что привносит образы этого переживания в наше сознание — эта способность памяти, так необходимая в нашей земной жизни, является слабым отражением, тенью нашей самостоятельной жизни в духовном мире. Мы могли бы здесь на Земле жить только в проходящем моменте, а не во всей нашей прошедшей земной жизни, начиная с первых лет после нашего рождения, если бы мы были между смертью и новым рождением не в состоянии как бы выйти из всемирного существа и пребывать всецело в самих себе.

Когда мы спим здесь на Земле, наши физическое и эфирное тела лежат в постели; наше астральное тело и наше "Я" находятся вне физического и эфирного тел и в состоянии переживать — правда, бессознательно — духовно-душевное окружение человека. Человек бессознателен между засыпанием и пробуждением. И тем не менее, как я уже описывал, он имеет переживания между засыпанием и пробуждением. Я описал вам некоторые переживания, но эти переживания не доходят до созна-

ния. Так и должно быть в земной жизни. Почему? Если во время от засыпания до пробуждения мы в действительности будем переживать в нашем астральном теле и "Я" то, что мы переживаем, с такой силой и интенсивностью, что будем в состоянии внести это в наше сознание, тогда каждый раз при пробуждении мы будем стремиться запечатлеть в наших физическом и эфирном телах то, что мы пережили во сне; мы будем каждый раз стремиться изменить наше физическое и эфирное тела. Имеющий знание о переживаниях между засыпанием и пробуждением должен приучить себя к акту отречения. Он должен быть в состоянии сказать себе: я воздержусь от желания запечатлеть в физическом и эфирном телах то, что переживаю вместе с моим "Я" и астральным телом во время сна, так как в земной жизни эти тела не вынесут этого.

Об этих вещах вполне возможно говорить гротескным образом; тогда они могут даже показаться комичными, хотя под ними подразумеваются очень серьезные вещи. Во время сна человек переживает в действительности, как я однажды описывал, картины Космоса. По этой причине он постоянно соблазняется в результате своего сна придавать себе, например, иную внешность. Если это не достигает сознания, не входит в сознание человека, он будет то и дело стремиться изменить свое лицо, так как то, которым он обладает, будет постоянно напоминать ему о его прежних жизнях, о грехах его прежней жизни. По утрам, перед пробуждением, в человеке появляется очень сильное стремление сделать что-то для своего физического тела, подобное одеванию его в одежды. Тот, кто знает об этом, должен сознательно воздерживаться от этого стремления, иначе он впадает в совершенно дезорганизованное состояние; он будет постоянно стремиться изменить весь свой организм, в особенности ту его часть, которая не совсем здорова или с которой что-либо не в порядке.

Но в течение нашей жизни между смертью и новым рождением мы все переживаем столь сознательно, что это сознание ведет к образованию и формированию нашего предстоящего физического тела. Если бы это было доверено нам одним, мы не в состоянии были бы сфор-

мировать наше физическое тело в соответствии с нашей кармой. Однако в действительности мы формируем его вместе с сущностями высших Иерархий, сущностями, которые следят за нашей кармой. И таким образом мы получаем глаза, нос и прочее, что, наверное, не получили бы, будучи предоставлены самим себе. Ибо некоторое время между смертью и новым рождением мы бываем необычайно эгоистичными, а именно в те периоды, когда сознание нашей общности с сущностями высших Иерархий бывает затемнено. Наши переживания в это время столь сильны и интенсивны, что из сил, которые они содержат, может быть сформировано физическое тело; и мы на самом деле делаем это. Это переживание столь интенсивно, что содержит в себе зерно творения. И затем в земной жизни, когда оно очень ослаблено, оно переживается отчасти как земная любовь и отчасти, я описывал это, как воспоминание, как способность иметь воспоминания, память.

Здесь на Земле тот факт, что мы столь сильно чувствуем себя в своем "Я", зависит от памяти. Если бы мы жили только настоящим и не имели памяти, наше "Я" не имело бы внутренней связности. Мы фактически — я часто говорил об этом — совсем не могли бы ощущать себя в каком-то явном "Я". Вы должны понять, каким образом возникает память как земная, подобная тени способность. Она появляется благодаря тому, что в доземном бытии в духовном мире присутствует способность исключительной силы — способность, посредством которой в периоды, когда мы "входим в себя", мы подготавливаем наше тело в соответствии с указаниями, полученными от сущностей высших Иерархий в тот период существования, когда мы жили в общении с ними.

Эта способность действует как формообразующая сила в нашем теле, еще в ребенке действует как формообразующая сила, пока он не имеет сознания, ведущего к памяти, то есть в самый ранний период детства, мы видим эту сильную творческую силу, как она вступает и работает вместе с силами роста. Затем нечто более тонкое, более разреженное, как бы отделенное от этой могучей силы проявляется как человеческая способность памяти.

мировать наше физическое тело в соответствии с нашей кармой. Однако в действительности мы формируем его вместе с сущностями высших Иерархий, сущностями, которые следят за нашей кармой. И таким образом мы получаем глаза, нос и прочее, что, наверное, не получили бы, будучи предоставлены самим себе. Ибо некоторое время между смертью и новым рождением мы бываем необычайно эгоистичными, а именно в те периоды, когда сознание нашей общности с сущностями высших Иерархий бывает затемнено. Наши переживания в это время столь сильны и интенсивны, что из сил, которые они содержат, может быть сформировано физическое тело; и мы на самом деле делаем это. Это переживание столь интенсивно, что содержит в себе зерно творения. И затем в земной жизни, когда оно очень ослаблено, оно переживается отчасти как земная любовь и отчасти, я описывал это, как воспоминание, как способность иметь воспоминания, память.

Здесь на Земле тот факт, что мы столь сильно чувствуем себя в своем "Я", зависит от памяти. Если бы мы жили только настоящим и не имели памяти, наше "Я" не имело бы внутренней связности. Мы фактически — я часто говорил об этом — совсем не могли бы ощущать себя в каком-то явном "Я". Вы должны понять, каким образом возникает память как земная, подобная тени способность. Она появляется благодаря тому, что в доземном бытии в духовном мире присутствует способность исключительной силы — способность, посредством которой в периоды, когда мы "входим в себя", мы подготавливаем наше тело в соответствии с указаниями, полученными от сущностей высших Иерархий в тот период существования, когда мы жили в общении с ними.

Эта способность действует как формообразующая сила в нашем теле, еще в ребенке действует как формообразующая сила, пока он не имеет сознания, ведущего к памяти, то есть в самый ранний период детства, мы видим эту сильную творческую силу, как она вступает и работает вместе с силами роста. Затем нечто более тонкое, более разреженное, как бы отделенное от этой могучей силы проявляется как человеческая способность памяти.

Тот факт, что здесь на Земле человек первоначально живет в себе, опять-таки связан со способностью памяти. Память также весьма связана, с одной стороны, с человеческим эгоизмом, и с другой стороны — с человеческой свободой. Свобода становится реальностью в человеческом существе, в жизни которого на Земле существует истинное эхо переживаний доземного бытия в виде некоторого ритма: именно, ощущения себя связанным с сущностью Иерархий, освобождения, вновь соединения, и так далее. Здесь, на Земле, это выражается не в виде ритма, а как две сосуществующие человеческие способности: способность любви и способность памяти. Но известное наследие этого ритма доземного существования может оставаться в человеке. И тогда в земной жизни в нем также устанавливается истинная связь между памятью и любовью. С одной стороны, он будет в состоянии развить понимание, любовное понимание другого человека, и он будет также вносить в свое вспоминающее мышление то, что способствует его собственному совершенствованию, укреплению его собственного существа из его переживаний мира вместе с другими людьми.

Истинная связь подобного рода может быть остатком ритма, столь необходимого в доземном бытии, но эта связь может быть нарушена, может случиться, например, что человек захочет руководствоваться только тем, что он сам пережил. Это особенно выступает в том случае, когда человек мало интересуется переживаниями других, мало способен вглядываться в сердца и умы других, когда его интересы ограничены почти полностью тем, что постепенно накапливается в его собственных хранилищах памяти, тогда это опять-таки тесно связано с его "Я", усиливает эгоизм.

Такой человек становится "не в ладу" с собой, потому что истинная связь, существующая между смертью и новым рождением, в нем отсутствует, а именно, ему недостает определенного ритма. В то время, когда человек интересуется только тем, что накапливается в его собственной душе, когда он все время занят только самим собой, тогда он делается совершенно неспособным, если можно так выразиться, к переживаниям между смертью и новым рождением. Будучи заинтересован только в себе,

человек сам отрезает себя в некотором отношении от общения с сущностями высших Иерархий.

Человек, в котором любовь и память находятся в правильном соотношении, развивает чувство истинной человеческой свободы вместо эгоистического самонаблюдения. Ибо в другом аспекте это чувство человеческой свободы также представляет собой отзвук общения с сущностями высших Иерархий между смертью и новым рождением. Чувство свободы — это здоровый отзвук этого общения; эгоизм же — болезненный. — И как жизнь вместе с сущностями высших Иерархий между смертью и новым рождением является основой моральности человека на Земле, так и неизбежный отрыв от этого общения с ними является в то же время основой безнравственности людей на Земле, их отстранения одного от другого, их действий, идущих вразрез с действиями других людей, и тому подобного. Ибо все это составляет корни безнравственности. Вы видите, что для человека необходимо сознавать, насколько то, что появляется здесь на Земле как нечто несправедливое, имеет определенное значение для высших миров. Здесь на Земле воздух, который мы вдыхаем — здоровый воздух, выдыхаем же мы нездоровый воздух, могущий причинять болезни, так как мы выдыхаем углекислоту. Так то, что лежит в основе безнравственности здесь на Земле, это нечто необходимое для наших переживаний в духовном мире.

Эти связи должны быть изучаемы, так как нравственность и безнравственность не могут быть объяснены в свете земных отношений. Каждый, кто попытается найти такое объяснение, пойдет по неверному пути. Ведь тем фактом, что человек морален или аморален, он связывает себя душевно с миром, лежащим в сфере сверхчувственного. И мы можем сказать: направляя ум людей к изучению этих связей с духовным миром, антропософская духовная наука делает впервые возможным постичь основу для понимания нравственности. По мнению мира, желающего признавать лишь познание природы, нравственность представляет собой только отблески, только иллюзии, проистекающие из процессов природы, которые, как полагают, разыгрываются и в человечестве.

Предположите на минуту, что космическая туманность Канта и Лапласа с ее механическими силами и механическими законами действительно является началом существования Земли. Предположите, что из этих вращающихся туманностей в силу действия равнодушных, нейтральных законов природы постепенно возникли царства земного бытия и, наконец, человек. Если это так, то человеческие нравственные импульсы были бы просто грезами. Ибо все, что человек зовет нравственным, исчезнет, когда в соответствии с механическими законами Земля подойдет к своему концу и наступит тепловая смерть. На основе подобного взгляда на мир, если он честно будет доведен до завершения, не может возникнуть никакого оправдания реальности нравственной жизни. Оправдание нравственности может последовать только тогда, когда подобно тому, как это имеет место в антропософской духовной науке, будут раскрыты те области бытия, где нравственность является такой же реальностью, какой является мир природы здесь, в жизни между рождением и смертью. Как растут и цветут здесь растения, так между смертью и новым рождением, когда человек живет среди Богов, раскрываются некоторые деяния. Эти деяния — нравственный элемент в его реальности, реальность нравственного элемента. В этой области нравственность имеет реальное существование, в то время как здесь на Земле это только отражение реальности. Но человек, мы должны это помнить, принадлежит к обоим мирам. Поэтому для него, если он осознает эти факты в свете духовной науки, нравственный мир имеет реальность, но знание об этой реальности никогда не может быть извлечено из физического бытия.

Здесь вы имеете одну из причин, почему человеку необходимо достичь понимания духовной науки. Без духовной науки он не может быть по-настоящему честен в своем познании. Он не может честно приписать реальность нравственному миру, потому что он не хочет исследовать область, где эта реальность имеет место. Правильно понять такое утверждение, это имеет неимоверно большое значение.

Но еще и в другом отношении, которое я хочу сегодня подчеркнуть, для людей важно познание, дости-

жимое с помощью духовной науки. Здесь мы должны обратиться вновь к реальностям иного мира. Когда мы уже достигаем имагинативного познания, познания, которое позволяет нам жить в эфирном мире вместо физического мира, когда вместо физических вещей мы воспринимаем деятельности — ибо это деятельность — в эфире, и когда это уже достигнуто, тогда становится ненужным то пространство, которое мы имеем на Земле. Говорить о трехмерном пространстве делается бессмысленным, так как мы в существенном живем тогда во времени. Я уже говорил, хотя и с других точек зрения, об эфирном теле как об организме времени. Я говорил, например, что в пространственном организме мы имеем голову и, скажем, ногу. И если мы уколем или порежем нашу ногу, то голова чувствует это. Пространственно в пространственном теле каждый орган связан с другим. Так и во временном теле, которое состоит из процессов — процессов, в которые вовлечено все, лежащее в глубине основ нашей человеческой жизни между рождением и смертью, — каждая часть связана со всеми другими.

Вспомните, как в докладах о педагогике я говорил: если в определенном детском возрасте вы научились испытывать благоговение, то эта сила благоговения в более поздние годы преображается в силу благословения, которое проявляют по отношению к другим людям. С другой стороны, тот, кто в детстве ни перед чем по-настоящему не благоговел, никогда не раскроет этой силы благости в поздние годы. — Как в пространственном организме ступня или нога связаны с головой, так юность связана со старостью, а старость с юностью. Это только во внешнем физическом видении мир течет в одном направлении, от прошлого к будущему. Для высшего видения существует и обратный поток, от будущего в прошлое. И в этот поток, как я уже описывал, мы входим после смерти, путешествуя в прошлое. Во временном организме все взаимосвязано. И как в пространственном организме вы не можете удалить никакого органа, как каждый из них необходим, дабы весь организм в целом был в порядке, как вы не можете, например, удалить значительную часть вашего лица, не погубив весь организм, так не можете вы

отнять и ничего из того, что протекает у человека во времени.

Предположите, что в пространственном организме на месте, где обычно расположены ваши глаза, у вас какое-то иное разрастание, вместо глаз какая-то опухоль. Тогда вы не сможете видеть. Как глаза расположены в определенном месте пространственного организма, так и во временном организме — а я сейчас имею в виду не только временной организм между рождением и смертью, но тот временной организм в человеке, который простирается за пределы всех рождений и смертей — в этом временном организме вчленено все, что существует между рождением и смертью и в этой жизни развивается в виде концепций, идей, мысленных образов духовного мира. И то, что таким образом развивается, является глазами для видения сверхчувственного бытия. Если между рождением и смертью не разовьется познания сверхчувственного мира, это будет означать слепоту в жизни в сверхчувственном мире между смертью и новым рождением, точно так же, как отсутствие глаз означает слепоту в пространственном организме. Человек проходит через смерть и в том случае, когда он не достиг познания сверхчувственного мира; но тогда он входит в мир, в котором он ничего не видит, где он лишь ощупью находит свой путь.

Это мучительное переживание представляется для того, кто действительно сведущ в современной науке посвящения, можно сказать, естественным плодом материалистического века. Он видит, как человек впадает в материализм: но он также знает и то, что означает это падение для духовной жизни. Он знает, что это означает уничтожение глаз, что в бытии, ожидающем людей после смерти, они смогут только ощупью находить свой путь. В древние времена, когда существовало инстинктивное познание сверхчувственного мира, человек проходил через врата смерти, будучи в состоянии видеть. Это древнее сверхчувственное инстинктивное познание теперь угасло. Теперь духовное познание должно быть достигнуто сознательно: духовное познание, а не ясновидение! Как я неоднократно подчеркивал, ясновидение тоже может быть достигнуто, но это не столь важно здесь. Важно, чтобы открывающееся посредством ясновидческого исследова-

ния было понято — а оно может быть понято — обычным человеческим разумом, здоровым человеческим разумом.

Ясновидение необходимо для исследования этих вещей, но оно вовсе не является необходимым для достижения способности видеть в сверхчувственном мире после смерти. И каждый, кто заявляет, что обычное познание, достигаемое посредством здорового человеческого разума, не дает ему зрения для сверхчувственного бытия, что для этого необходимо ясновидение — каждый, кто так говорит, с таким же успехом может заявить, что человек не может мыслить, пока его глаза не станут способными к мышлению. Как в физической жизни для мышления не нужны глаза, так и познание сверхчувственных миров не нуждается в ясновидении для тех целей, о которых я говорил сегодня. Естественно, на Земле не было бы сверхчувственного познания, если бы не было ясновидения; но даже ясновидящий должен понятно объяснить то, что он видит в сверхчувственном. Как бы могуча ни была сила ясновидения в человеке в земной жизни, как бы ясно ни было его видение духовного мира, если он слишком беспечен в оформлении в логические, понятные идеи того, что он видит в духовном мире, он будет все же слеп в духовном мире после смерти.

Это мучительное переживание для того, кто прозревает современную науку посвящения, что он должен признать: материализм делает слепым человека, когда он проходит через врата смерти. — И здесь опять-таки имеется нечто, указывающее на значение для реальности, для всего космического бытия, имеет ли современный человек склонность к сверхчувственному познанию, или нет. Время для этого наступило. Это принадлежит поступательному развитию человечества, достичь сегодня сверхчувственного знания.

ПЯТЫЙ ДОКЛАД

Дорнах, 16 декабря 1922

Способности, необходимые человеку, чтобы он был в состоянии противостоять миру и работать в нем во время земной жизни, связаны, как я показал, с его деятельностью в духовном мире между смертью и новым рождением. Но это означает, что здесь на Земле человек определенным образом взаимосвязан с тем, что не является реальным на Земле, что являет свою реальность, только будучи наблюдаемо в сверхчувственной области.

Мы хотим обратить сегодня внимание на три области, которые в сущности включают всю человеческую деятельность на Земле: на мысли, с помощью которых человек стремится усвоить истину о мире; на чувства, поскольку человек с помощью своих чувств стремится усвоить прекрасное; на его волевую природу, в той мере как она означает привнесение в его действия добра.

Когда мы говорим о мыслях, мы имеем в виду ту область, с помощью которой может быть усвоена истина. Но мысли сами по себе не могут быть действительностью. Именно тогда, когда нам ясно, что с помощью мыслей мы должны собирать сведения об истине в ее действительности, мы должны признать, что мысли как таковые не могут быть действительностью. Представьте на мгновение, что вы так же находитесь в своих мыслях, как в своем мозге или в сердце; тогда эти мысли были бы чем-то действительным сами по себе. Вы не могли бы с помощью этих мыслей познавать действительность. Также мы не смогли бы человеческой речью выразить то, что должно быть выражено, если бы человеческая речь содержала полную действительность в обычном земном смысле. Если бы каждый раз, произнося фразу, мы дол-

жны были бы выпустить нечто тяжелое изо рта, мы могли бы не изображать, а скорее производить. В этом смысле то, что высказано, не является самой действительностью, но "обозначает" действительность, так же как мысли сами по себе не являются действительностью, но просто обозначают действительность.

Если мы рассматриваем добро, благо, то мы найдем, что само по себе образованное посредством физической действительности не может быть названо добром. Мы должны привнести из глубин нашего существа импульс к добру вначале как нечто совершенно не являющееся действительностью, и затем воплотить его в действительность. Если импульс к добру возникает подобно голоду, как внешняя действительность, то это не может быть добром.

И, наконец, если вы смотрите на статую, вам не приходит в голову, что вы можете разговаривать с ней. Это просто подобие; и в этом подобии проявляется нечто, и это красота. Как в истине, безусловно, "указана действительность", но сама истина движется в элементе, не являющемся действительностью, так же обстоит дело с красотой и с добром.

Но это необходимо для человека, чтобы его мысли не были сами в себе действительными. Только представьте: если мысли будут двигаться в голове, подобно свинцовым фигуркам, то вы, безусловно, будете вполне уверены в их реальности, но эти свинцовые мысли ничего не будут означать для вас, они будут какой-то действительностью сами по себе. Так же, как мысли, не могут быть непосредственной действительностью ни красота, ни добро, и все же совершенно очевидно, что для того чтобы мы имели мысли, чтобы красота проявлялась в мире через искусство и чтобы мы могли воплощать добро, в физически-земном мире необходима действительность.

Говоря об этом, я подхожу сегодня к той области духовнонаучных рассмотрений, которая может действительно глубоко завести нас в то, что окружает нас здесь на Земле как духовная сущность, что очень важно для земного бытия, но что совершенно скрыто от наблюдения, возможного с помощью внешних чувств, и поэтому не может быть охвачено обычным сознанием, которое все-

цело зависит от физического восприятия. Мы фактически повсюду окружены духовными существами самого разнообразного рода, только обычное сознание не воспринимает их. Но их существование необходимо, чтобы мы как люди были в состоянии развивать свои способности, иметь мысли в их нереальной легкости и мимолетности, так чтобы они не были в нашей голове подобными свинцовой тяжести, не были сами по себе чем-то реальным, действительным, но могли бы нечто обозначать. Для этого необходимо, чтобы в мире имелись существа, которые бы предотвращали немедленное исчезновение в нас наших мыслей в их нереальности. Мы, люди, в сущности, слишком тяжелы, слишком громоздки, чтобы быть в состоянии без затруднений удерживать наши мысли нашим обычным сознанием, возле нас должны быть элементарные существа — существа, которые постоянно помогают нам крепко удерживать наши мысли. Такие элементарные существа действительно присутствуют, но их необычайно трудно обнаружить, потому что они всегда, можно сказать, прячутся.

Когда мы спрашиваем себя: как это в действительности происходит, что мы в состоянии крепко удерживать мысли, хотя они вовсе не являются действительностью, кто помогает нам в этом? — то при этом легко можно обмануться, и именно когда вопрос рассматривается духовнонаучно. Ибо в тот самый момент, когда мы начинаем задавать себе вопрос: кем так крепко удерживаются мысли для людей? — то именно этим стремлением узнать о духовных существах, которые удерживают мысли, мы увлекаемся в область ариманических сущностей. Мы погружаемся в область этих сущностей и очень скоро начинаем верить — хотя это, безусловно, и ошибочная уверенность, — что человек должен поддерживаться ариманическими духами, чтобы удерживать свои мысли, чтобы они не исчезали в тот же момент, как мы овладеваем ими. И за это многие люди бессознательно благодарны ариманическим сущностям за поддержку их мышления. Но это не по назначению обращенная благодарность, так как существует целое царство существ, которые как раз помогают нам в нашем мире мыслей, и они ни в коем случае не ариманические.

Этих существ очень трудно найти в духовном мире, даже при хорошо натренированном видении. Иногда их можно найти, наблюдая за работой очень умного человека; если следить за таким человеком, то можно увидеть, что он в действительности имеет неуловимых быстротечных спутников. Он, в сущности, не ходит один, но имеет мимолетную толпу попутчиков, духовных существ, которые не принадлежат к ариманическому царству, но имеют очень примечательные свойства. Существ, которых познают лишь тогда, когда могут наблюдать принадлежащих к элементарному царству существ, которые таким образом неощутимы для чувственного зрения, которые действуют, например, при формировании в природе кристаллических форм и тому подобного. Деятельность этих сущностей лежит в основе всех форм; вы найдете их описание в моей драме-мистерии как сущностей, которые запечатлевают и выковывают твердые формы. Если вы вспомните гномоподобных существ в драме-мистерии "Пробуждение души", вы найдете в них сущностей, которые производят формы. Эти существа хитры и искусны — как вы можете увидеть это в драме, — и они насмехаются над скудной понятливостью человека. Припомните эти сцены из драмы-мистерии, если вы ее знаете.

Если мы наблюдаем действительно умного человека и его свиту, состоящую из целого сонма таких существ, как я описал, мы увидим, что гномы, духи элементарного мира, презирают этих существ, потому что они неуклюжи, а главным образом потому, что они ужасающе глупы. Глупость — их основная характеристика. И поэтому можно сказать, что самые умные люди в мире, когда мы можем наблюдать их с этой стороны, являются нам в сопровождении свиты из целого сонма глупцов из духовного мира. — Кажется, что эти глупые духи стремятся принадлежать кому-нибудь. И они, как сказано, страшно презираемы теми существами, которые формируют вещи в природе, как это описано в драме-мистерии. Поэтому мы можем сказать: среди миров, неведомых сначала для обычного сознания, есть один, населенный духовным народцем глупцов — глупцов, которые толкутся среди человеческой мудрости и ума.

В наше время эти существа не имеют своей собственной жизни. Они живут тем, что используют жизни тех, кто умирает, кто умирает от болезни, но в ком еще присутствуют жизненные силы. Эти существа могут использовать только прошедшую жизнь. Таким образом, есть духовные глупцы, которые используют жизнь, остающуюся от людей, они насыщаются жизнью, которая влачит жалкое существование на кладбищах и в тому подобных местах.

Только тогда, когда мы проникаем в подобные этому миры, мы понимаем, как плотно заселены области, лежащие позади мира, воспринимаемого органами чувств, как разнообразны классы духовных существ и как тесно связаны эти духовные существа с нашими способностями. Умный человек, развивающий свою деятельность, который просто умен, но не обладает ясновидением, может крепко удерживать свои мысли именно благодаря тому, что за ним следует стая духовных глупцов. Они цепляются за его мысли, тянутся к ним и придают им вес, так что мысли остаются с человеком, в то время как иначе они быстро бы улетучились от него.

Над этими существами необычайно сильно глумятся гномоподобные существа. Гномоподобные существа не хотят терпеть их в своем царстве, хотя они принадлежат к нему. Гномоподобные существа постоянно изгоняют их, и между народцем гномов и народцем духовных глупцов, с помощью которых только и возможна мудрость для человека, все время идет жестокая битва; иначе мудрость, едва возникнув, в то же мгновение улетучивалась бы, она не могла бы оставаться. Как было сказано, этих существ трудно обнаружить, и потому, задав соответствующий вопрос, легко тут же скатиться к ариманической области. Но их можно найти в случаях, на которые я указал, наблюдая очень умного человека, за которым следует целый сонм подобных существ. Кроме того, когда нет достаточно умных мыслей, связанных с каким-то человеком, этих существ можно, например, найти в библиотеках — хотя тоже достаточно трудно, — когда книги содержат что-то умное. Если же их содержание глупо, этих существ найти нельзя; они бывают только там, где есть нечто умное; к нему они приковывают себя.

Это дает нам некоторое понимание области, окружающей нас повсюду, всюду присутствующей, как присутствуют царства природы, имеющей отношение к нашим способностям, но очень трудно достижимой. Если мы хотим оценить их, мы должны положиться на гномоподобных существ, на их суждение — а они рассматривают этих существ как необычайно глупых и дерзких. Но эти существа имеют и другую характеристику. Когда они слишком сурово преследуются гномоподобными существами, они ускользают в человеческие головы, и хотя вовне, в природе, они почти гиганты, огромных размеров, они становятся совсем крохотными, когда оказываются внутри человеческой головы. Можно сказать, что они являются духами природы ненормального рода, однако тесно связанными со всей человеческой эволюцией на Земле.

Существа другого рода живут, главным образом, в водном и воздушном элементах, подобно существам, описанным в мистериях как сильфоподобные. Существа, на которые я теперь указываю, имеют главным образом дело с миром красоты, они создают прекрасные образы, они меньше привязываются к людям умным, нежели к артистичным по природе. Этих существ также очень трудно обнаружить, они очень легко прячутся. Их можно найти там, где находятся истинные произведения искусства, где, например, чудесно запечатлены природные формы или формы человека. Там их можно найти. Этих существ, как я сказал, можно найти с большим трудом. Когда мы, например, спрашиваем: почему эти прекрасные образы интересуют нас, почему так бывает, что мы получаем больше удовольствия от прекрасной статуи, чем от живого лица (правда, удовольствие иного рода, но все же большее), или почему мы восторгаемся и радуемся мелодиям и гармоническому звучанию? — когда мы спрашиваем себя об этом, мы легко впадаем в иное царство, в царство люциферических сущностей. Но вовсе не люциферические сущности поддерживают интерес к искусству, существует целое царство элементарных существ, при помощи которых у человека поддерживаются художественные интересы. Без таких существ человек не был бы расположен ин-

тересоваться образами красоты — просто потому, что они не являются действительностью.

Причина, по которой этих существ так трудно открыть, заключается в том, что они прячутся еще искуснее, чем духовные глупцы, потому что они присутствуют только там, где чувствуют силу красоты. А когда мы поглощены наслаждением прекрасным, мы, безусловно, не видим этих существ. Почему же?

С целью увидеть их нормальным путем мы должны постараться, отдаваясь каким-либо образом артистическим впечатлениям, направить ясновидящее зрение на существа, которые описаны в сценах драмы-мистерии как нимфо- или сильфоподобные существа; эти существа также принадлежат к элементарным царствам природы; и мы должны переноситься в них. Мы должны как бы смотреть вместе с этими водно-воздушными существами на других, присутствующих всегда, когда радуются красоте. А так как это очень трудно, мы должны прибегнуть к помощи других средств. К счастью, легче открыть этих существ, когда мы слушаем кого-либо, кто красиво говорит и чей язык мы не очень правильно понимаем; когда мы слышим только звуки, не понимая их значения. И если мы отдаемся переживанию этой красивой речи — но она должна быть действительно красивой речью, неподдельно ораторской, и мы не должны ее правильно понимать, — тогда мы можем приобрести способность, интимную и хрупкую, видеть этих существ. Таким образом, мы должны постараться как бы приобрести талант сильфов и усилить его тем талантом, который раскрывается, когда мы слушаем прекрасную речь, не пытаясь понять ее значение, но имея уши только для ее красоты. Тогда мы начинаем понимать существа, присутствующие везде, где есть красота, которые поддерживают человека в его искреннем интересе к ней.

А затем следует разочарование, приходит нечто, вызывающее сильное ужасное удивление. Ибо эти существа в действительности отвратительно безобразны, их облик столь безобразен, как только можно вообразить; они страшные существа, прототипы безобразности. И если мы развиваем необходимое духовное видение и посещаем какую-либо студию, где создается нечто художественное,

мы находим, что эти существа, присутствующие на Земле, как пауки на основе мирового бытия, имеют целью пробуждать в людях интерес к красоте. Именно посредством этих ужасных паукообразных существ элементарного порядка пробуждается интерес к красоте. Человек просто не мог бы иметь настоящего интереса к красоте, если бы не был жизнью своей души вплетен в мир ужасных паукообразных существ.

Идя по галерее, люди и не подозревают — ибо то, что я говорил, относится только к форме этих существ, присутствующих всегда и везде, где кто-либо наслаждается красотой, — люди и не подозревают, как укрепляется их интерес к прекрасным картинам этими ужасными паукообразными существами, вползающими в выползающими из их ушей и ноздрей. Человеческий энтузиазм к прекрасному возникает на основе безобразного. Это космическая тайна, мои дорогие друзья. Для проявления прекрасного необходимо подстрекательство безобразного. И величайшими художниками были люди, которые благодаря своей сильной телесной конституции выносили нашествие этих паукообразных существ, дабы создать, скажем, Сикстинскую мадонну или что-то подобное. Где бы ни была принесена в мир красота, она была поднята из моря безобразия энтузиазмом человеческой души.

Не следует думать, что за покровом материального мира, в области за его порогом, мы входим в область чистой красоты. Не считайте, что те, кто сведущи в этих вещах, говорят легкомысленно, когда утверждают, что если люди не подготовлены правильно, их следует удерживать на пороге духовного мира. — Потому что очень важно сначала основательно изучить простейшие основания того, что находится как бы по эту сторону занавеса и является возвышенным и поучительным. И если мы духовным взором движемся в элементарном мире, принадлежащем воздуху и воде, мы снова видим великую битву между миром летающих сильфов и миром ундин — и этими прототипами безобразности. Хотя я и говорил о них как о паукообразных существах, однако они сотканы иначе, чем пауки, они образованы из элементов воды и водяного пара. Это летучие воздушные образования, безобразность которых увеличивается тем, что каждую секунду

у них иная безобразность; и каждая последующая безобразность создает впечатление существа еще более безобразного, чем его предшественник. И это тот мир, который есть в воздухе и воде наряду со всем отрадным, что также есть в воздухе и воде.

И чтобы человек мог развить энтузиазм к добру, тоже имеется нечто. Если о других существах можно говорить, что они в большей или меньшей степени уже тут, то те существа, о которых я собираюсь говорить, постоянно возникают, и возникают именно тогда, когда у человека имеется достаточная внутренняя теплота к добру. В этом тепле как раз и развиваются эти существа; их собственная природа тепла и пламенна; они живут в настоящем, но по своей природе они подобны той, что я описывал в книге "Очерк тайноведения" в связи с существованием человека на Сатурне.

Каков был человек в существовании старого Сатурна, таковы эти существа сегодня. Это не значит, что они сформированы как человек, но природа их подобна. О них нельзя сказать, что они прекрасны или безобразны, или что-либо в этом роде; их можно оценивать, сравнивая с обычными элементарными существами тепла, которые, как вы знаете, также существуют. Все духовные исследования в этой области необычайно трудны. Очень трудно приблизиться к существам, которые полностью живут в теплоте, то есть, иначе говоря, в "огне" в древнем смысле, и когда подходишь к ним, это не очень приятно. К ним приближаются, например, когда лежат в сильном жаре, но в то время, как правило, не бывают объективным наблюдателем. Способность видеть этих тепловых существ можно развить теми средствами, на которые указано в моих книгах. Эти существа тепла имеют определенную связь с теми существами, которые появляются, если человек охвачен горячим энтузиазмом к добру, но связь эта весьма специфического рода.

Я хочу гипотетически допустить — ибо только так можно описывать подобные вещи, — что тепловые существа обычного типа своим присутствием возбуждают в человеке физическое тепло, которое, как вы знаете, больше, нежели тепло окружающей среды. Человек обладает собственным теплом, потому что эти специальные сущест-

ва находятся вблизи него. И у человека, обладающего внутренним энтузиазмом к добру, проявляются другие существа; они также тепловые существа, но иного рода. Если они находятся по соседству с обычными существами огня, они немедленно отдаляются от них и ускользают в самые глубокие уголки человеческой природы. Если приложить большие усилия, чтобы открыть их важнейшее отличие от нормальных тепловых существ, то окажется, что их характеризует очень явно выраженная застенчивость. Они категорически отказываются быть наблюдаемы другими существами духовного мира и скрываются, так как стыдятся быть увиденными; они скрываются прежде всего и главным образом в самой внутренней природе человека. Здесь их очень трудно обнаружить. И действительно, их можно обнаружить, если мы в состоянии наблюдать за собой в некоторые моменты, которые не всегда можно вызвать по желанию. Предположите, что вы, не будучи сентиментальными, тронуты до слез при чтении какой-либо сцены из книги, которая глубоко и драматично воздействует на вас, когда, например, какие-нибудь великие или добрые поступки описываются в романе. Если мы обладаем способностью самонаблюдения, мы можем обнаружить целые сонмы таких существ — которые имеют столь тонко и интимно образованное чувство стыдливости, что не желают быть видимы другими существами духовного мира, — летящих в ваше сердце, в вашу грудь, как они проходят к нам, как они ищут защиты от других существ элементарно-духовного мира, и особенно от других тепловых существ.

Существует очень значительная сила отталкивания между обычными тепловыми существами и этими другими тепловыми существами, столь застенчивыми, живущими в моральной сфере человека и избегающими контакта с другими духовными существами. Этих существ гораздо больше, чем предполагают, и это они внушают человеку энтузиазм к нравственному добру. Человеку нелегко было бы достичь этого энтузиазма к нравственному добру, если бы эти существа не приходили к нему на помощь; и когда человек любит нравственность, он имеет реальную связь, бессознательную связь с этими существами.

Некоторые из их характеристик таковы, что легко могут вызвать неправильное понимание всего этого царства. И действительно, почему эти существа столь застенчивы и стыдливы? А это потому, что другие существа элементарных царств духовного мира, в котором они живут, презирают их, не хотят иметь с ними дела. Они знают об этом, и поскольку они являются презираемыми существами, они вызывают энтузиазм к добру.

Эти существа имеют и другие свойства, о которых я не собираюсь говорить, так как человеческая душа, как можно было видеть, явно огорчается упоминанием о паукообразных безобразных существах. Поэтому я предпочитаю не упоминать о некоторых их особенностях. Во всяком случае, вы увидели, как то, что расцветает в царстве чувственных существ как истина, красота, добро, расцветает на основе, которая нуждается в трех описанных мною царствах, подобно тому как здесь на Земле мы нуждаемся в почве, по которой мы ходим. Эти существа не создают истины, красоты и добра. Но мысли, которые выражают истину, означают истину, нуждаются в духовных глупцах, которые понесут их на своих плечах. Красота, которую создает человек, нуждается в воздушно-водных пауках, чтобы подняться из океана безобразности. И добро нуждается в царстве существ, которые не могут показываться в царстве обычных тепловых существ, всегда борются с застенчивостью и тем самым пробуждают энтузиазм к добру.

Если бы не было всех этих существ, то вместо мыслей мы имели бы у себя в голове если и не свинцовых солдатиков, то во всяком случае тяжелый туман, и ничего умного не могло бы возникнуть. Чтобы создать красоту, мы нуждаемся в даре делать ее хоть немного жизненной, чтобы возбудить в людях интерес к ней, и так далее. И для того чтобы здесь, в мире чувств, имело место то, что нужно нам для активности мысли, для чувства красоты, для волевой деятельности во благо — для этого необходимы три подобные элементарные царства.

Нормальные элементарные царства, то есть царства гномов, сильфов, ундин и саламандр, говоря по-народному, это царства, которые еще только стремятся стать чем-то в мире. Они находятся на пути к приобретению форм,

подобных формам нашего чувственного мира; формы не будут теми же самыми, какие мы имеем в нашем чувственном мире, но однажды они станут воспринимаемы для чувств, которыми обладает сегодня человек, в то время как сегодня в своем элементарном бытии эти существа для обычных чувств невоспринимаемы.

Существа, которых я описал вам сейчас, уже проскочили стадию, на которой находится сегодня человек, животные или растения, они перескочили, они уже дальше. Если бы мы были в состоянии взглянуть назад на бытие старой Луны, предшествовавшее Земле, мы встретили бы там существ, находимых сегодня на Земле как застенчивые существа, связанные с моральными импульсами человека. На старой Луне они были как реальный животный мир, они были бы видимы для земного взора, можно сказать, снующими от дерева к дереву. Но вы должны вызвать в памяти бытие старой Луны, как я описывал его в книге "Очерк тайноведения". Все в этом лунном бытии было гибким и текучим, и постоянно происходили метаморфозы. Среди существ, сновавших туда-сюда, были и те безобразные существа, паукообразные существа, пронизывающие всю старую Луну и видимые на ней. Были также и существа, которые в настоящее время сопровождают как духовные глупцы мудрецов на Земле. Они там были, и они привели к разрушению старой Луны, с тем чтобы могла возникнуть Земля. И даже теперь, во время земного бытия, они получают удовольствие не от формирования кристаллов, а скорее от разрушения всего минерального.

Таким образом, если мы сможем сказать о нормальных элементарных существах, что однажды они станут видимы для наших чувств, об этих других существах мы должны сказать: когда-то они были воспринимаемы чувствами, а теперь перескочили в духовное — правда, через ариманическую и люциферическую духовность. Таким образом, существует два рода элементарных существ, поднимающиеся и опускающиеся. Мы можем сказать: из праха безобразности старой Луны — а ее на старой Луне было предостаточно, — из праха безобразности старой Луны возник наш мир красоты.

Вы имеете нечто подобное в природе, когда вывозите удобрение на поля, и на нем вырастают прекрасные растения. Здесь вы имеете аналогию с природой, за тем исключением, что навоз, удобрение воспринимаемы чувствами. Так же и тогда, когда духовно наблюдаешь то, что теперь полуреально как мир красоты. Постарайтесь рассмотреть этот наполовину реальный мир красоты отдельно от кишащей в трех природных царствах Земли жизни; позвольте предстать перед своим духом всему тому, что как прекрасное возникает на Земле. Подобно тому, как расцветают чудесные цветы, вы должны духовно представить себе этот прах, этот лунный навоз, в котором проявляются те безобразные паукообразные существа, которых я вам описал. Как капуста не вырастет, если почва не будет унавожена, так и красота не расцвела бы на Земле, если бы Боги не удобрили Землю безобразностью. Это внутренняя необходимость жизни. И внутренняя необходимость жизни должна быть известна нам, так как только такое знание может дать нам силу с пониманием противостоять тому, что в действительности окружает нас в природе.

Каждый, кто верит, что красота в искусстве может быть создана на Земле без основы в безобразности, подобен человеку, ужасающемуся тому, что люди применяют удобрение, настаивающему, что прекрасные вещи будут гораздо лучше расти без него. — Возникновение красоты невозможно без основы безобразности. И если люди не хотят создавать себе иллюзий в отношении мира, если они неподдельно хотят знать важное, а не иллюзорное, тогда они должны добиваться знания этих вещей. Кто верит, что в мире существует искусство без безобразия, тот не знает, что такое искусство. Почему? Просто по той причине, что тот, кто имеет понятие обо всем, что я описал вам сегодня, только тот наслаждается произведениями искусства правильным образом, так как он знает цену их создания в мире бытия. Кто хочет наслаждаться произведениями искусства, не имея этого сознания, тот подобен человеку, предпочитающему убрать удобрения с полей. Такой человек не имеет истинного познания того, что растет в природе; он имеет перед собой просто иллю-

зию, растения из папье-маше. Имея также и действительные растения, он берет растение из папье-маше! Кто не чувствует лежащей в основе безобразности, тот не имеет подлинного чувства наслаждения красотой.

Таков мировой порядок, и человек должен достичь познания его, если не хочет, подобно земляному червю, оставаться только в собственной стихии и не подниматься к действительности. Люди могут развить свои задатки, только если они беспристрастно и честно противостоят действительности. Но действительность достигается не просто разговорами время от времени о духе, духе и духе, но реальным стремлением к познанию духовного. Но тогда следует признать также, что в некоторых областях духовного мира будет встречаться нечто подобное тому, что я сегодня описывал.

ШЕСТОЙ ДОКЛАД

Дорнах, 17 декабря 1922

Я часто говорил о том, что примерно с первой трети пятнадцатого столетия в развитии человечества наступила особая эпоха. Можно сказать, что эпоха, начавшаяся за восемь столетий до Р.Х. и продолжавшаяся до первой трети пятнадцатого столетия, была эпохой греко-латинской культуры, и в этой точке времени, на которую я указал, началась новейшая временная фаза. Сегодня мы рассмотрим задачи современного человечества в связи с этим фактом.

Мы знаем, в основном из докладов, прочитанных здесь в последнее время, что человек в своем земном развитии, то есть между рождением и смертью, несет как в своем физическом, так и в своем душевном и в своем духовном развитии наследие того, что он пережил в доземном бытии. И, в частности, недавно мы рассмотрели, в каком смысле социальная и нравственная жизнь являются наследием состояния между смертью и новым рождением, когда человек живет в близком общении с сущностями высших Иерархий. Из этого общения — а оно переживается, как я описал, в ритмическом чередовании с другим состоянием — человек приносит с собой способность, силу любви, и эта сила любви является основой нравственности на Земле. Другим состоянием является то, когда человек заключен в себе самом, как бы отрывает себя от общения с сущностями Иерархий. И как наследие этого состояния он приносит с собой на Землю способность памяти, способность воспоминания, которая, правда, с одной стороны выражается в его эгоизме, но с другой предрасполагает его к свободе, ко всему, что

делает его внутренне сильным и самостоятельным. До греко-латинской эпохи то, что помогало человеку изнутри строить свою цивилизацию, было, в известном отношении, все еще наследием доземного бытия.

Если мы вернемся к еще более ранним временам в развитии человечества, к древнеиндийской, древнеперсидской и египетской эпохам, мы везде найдем доказательства наличия знаний, представлений, как бы исходящих из внутреннего существа человека, но связанных также с жизнью между смертью и новым рождением. В древнеиндийскую эпоху человек имел ясное сознание своей, можно сказать, принадлежности к той же "породе", что и божественно-духовные сущности других Иерархий. Знающий человек древней индийской культуры чувствовал себя менее гражданином Земли, чем тех миров, к которым принадлежат божественно-духовные сущности. Он чувствовал себя как бы посланным на Землю из рядов этих божественно-духовных сущностей, и он распространял по Земле цивилизацию, о которой этот древний индус чувствовал, что все это происходит для того, чтобы земные деяния человека и даже земные предметы и существа Земли могли бы быть образованы так, как это было намечено божественно-духовными существами, к которым он причислял и себя.

В человеке древней Персии это чувство родства несколько ослабло, но он все же чувствовал своим истинным домом то, что он называл Царством Света, царством, к которому он принадлежит между смертью и новым рождением, и он хотел быть воином на стороне духов этого Царства Света. Он как бы стремился бороться против существ, приходивших из тьмы Земли, дабы эти темные существа не причинили ущерба Царству Света; и он посвящал все свои дела служению духам Царства Света. Если мы перейдем к египетскому и халдейскому народам, мы увидим, что их наука насквозь пронизана знаниями, относящимися к движению звезд. Судьбы людей читались в том, что открывали звезды. Прежде чем что-либо сделать на Земле, запрашивали звезды, надо это делать или нет. Эта наука, в соответствии с которой регулировалась вся земная жизнь, также ощущалась на-

следием человеческого бытия между смертью и новым рождением, когда его переживания были таковы, что он был соединен с движением и законами звезд, как здесь на Земле между рождением и смертью он соединен с существами минерального, растительного и животного царств.

В четвертой послеатлантической греко-латинской эпохе, начавшейся в восьмом столетии до Р.Х. и длившейся до пятнадцатого столетия по Р.Х., человек чувствовал себя истинным гражданином Земли. Люди более не чувствовали в мире своих представлений между рождением и смертью отчетливого эха переживаний доземного бытия. Они как бы стремились быть дома на Земле. Но если мы проникнем поглубже в дух греков и даже ранних римлян, в их цивилизацию, мы сможем сказать нечто вроде следующего: люди, создавшие в этот период науку, стремились изучить все, что происходит в трех царствах природы на Земле, но изучить также и то, каким образом это знание связано со сверхземным бытием. — Среди греков было сильно чувство, что через знание, применяемое человеком на Земле, посредством которого он регулирует свои земные деяния, он должен иметь также и туманное воспоминание о божественно-духовном мире. Хотя грек знал, что он может получить свое знание только посредством наблюдения земного мира, но он имел ясное ощущение, что воспринимаемое им в минералах, растениях, животных, звездах, горах, реках и тому подобном должно быть отражением божествено-духовного, которое он может пережить в ином, нежели чувственно-воспринимаемый, мире.

Так было потому, что в ту эпоху человек еще чувствовал, что лучшей частью своего существа он принадлежит к сверхчувственному миру. Этот сверхчувственный мир, безусловно, затемнился для человеческого наблюдения — но люди стремились осветить его в течение своего земного бытия. И хотя в греко-латинскую эпоху люди не могли более, подобно древним египтянам или халдеям, регулировать свои поступки в соответствии с ходом звезд, поскольку их науку о звездах нельзя и сравнивать с халдейской и египетской; но, во всяком случае, они все же стремились хотя и наощупь, изучая выражения воли бо-

жественно-духовных существ, внести что-то божественно-духовное в земной мир.

В местах оракулов и в храмах люди пытались выяснить волю Богов от жриц и пророчиц, как вы знаете это из истории. И вы видите, как это стремление узнать волю божественно-духовных сущностей, с которыми человек соединен во время доземного бытия, было обычным также и в других областях Европы в то время, когда на юге был расцвет греко-римской культуры. Например, в германских областях Средней Европы высоко почитались жрицы и пророчицы; к ним шли паломники, и они в экстатическом состоянии сознания передавали людям познание воли Богов, так чтобы их поступки на Земле согласовывались с этой волей. Вы можете совершенно ясно видеть, как вплоть до двенадцатого, тринадцатого столетий — хотя тогда стремление было уже менее интенсивным — человек стремится сформулировать познание, которого он ищет таким образом, чтобы оно содержало в себе волю божественно-духовного мира. Сквозь все столетия средних веков, вплоть до двенадцатого и тринадцатого, мы находим места, которые все еще считались священными в это время, а позднее стали нашими абстрактными лабораториями и нашими абстрактными физическими кабинетами. Мы можем найти места, где так называемые алхимики исследовали силы субстанций и процессов природы. Мы можем прочесть писания, дававшие бледную картину такого рода мышления, которое применялось в этих древних центрах исследований, и мы везде откроем совершенно очевидное стремление найти такие комбинации веществ, которые своим взаимодействием дали возможность духовно-божественному действовать в фиале, в реторте.

В "Фаусте" *Гете* мы находим отзвук этого душевного состояния в сцене, где Вагнер работает в своей лаборатории с целью создать гомункулуса. И действительно, в западной цивилизации не ранее конца четырнадцатого-пятнадцатого столетий возникло стремление человека положить в основу науки полную независимость, без того чтобы непосредственно связывать свои представления и идеи с божественно-духовной волей, правящей миром. В этот период впервые возникает чисто человечес-

кая форма познания: это познание, освобожденное от божественно-духовной воли. И именно на основе этого чисто человеческого познания, освобожденного от божественной воли, построена наука Галилея и Коперника. Это наука, в которой Вселенная представлена человеку в том абстрактном образе, в каком сегодня представляют себе пространство — как первым увидел это *Джордано Бруно,* — со звездами, вращающимися как чисто материальные тела или пребывающими в состоянии покоя и принимающими участие в космических событиях. Эта картина Вселенной заставляет нас предполагать, что на Землю из космического пространства воздействует огромный механизм. И даже в исследованиях земных вещей люди ограничивают себя в основном тем, что может быть рассчитано и измерено, и таким образом может быть частью абстрактного механизма. Но это мир концепций и идей, который человек извлекает из самого себя с помощью внешних наблюдений и экспериментов, в которых, можно сказать, должны действовать друг на друга только сами вещества, должны проявляться только процессы природы, а божественно-духовное в природе более не ищется.

Есть огромная разница между этим миром идей и тем родом мышления, которое предшествовало ему в человеческой эволюции. Только с первой трети пятнадцатого столетия человеческие концепции и идеи стали чисто человеческими. И начиная с этого периода человек связал себя в своих представлениях главным образом с тем, что является пространственным.

Если вы вернетесь назад ко временам древнеиндийской, древнеперсидской и египетско-халдейской культур, везде вы обнаружите, что мировоззрение отсылает к седой древности мира. Они указывают назад, на древнюю эпоху, когда человечество еще общалось с богами, на Золотой Век. Они указывают назад на другую эпоху, когда человек по крайней мере еще переживал на Земле солнечное отражение божества, на Серебряный Век, и так далее. Время и течение времени играли видную роль в мировой картине ранних фаз человеческого развития. Когда вы подобным же образом рассматриваете греческую эпоху и даже тот образ мира, который был присущ север-

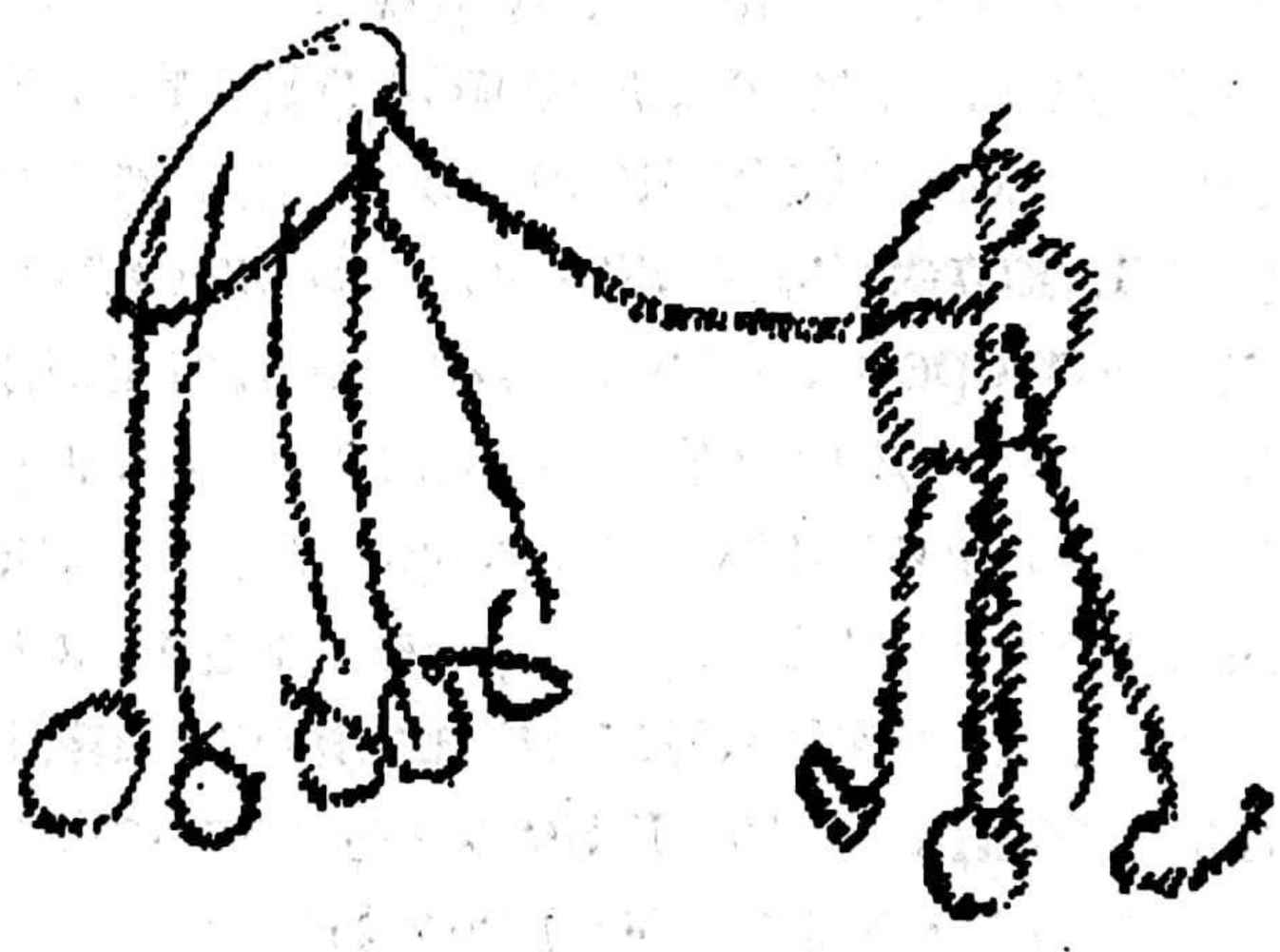
ной и средней Европе в то же время, вы найдете, что везде идея времени играла очень важную роль. Греки указывали назад на первобытные времена, когда космические события являлись результатом взаимодействия между Ураном и Геей. Они указывали на более поздний век, на Хроноса и Рею, затем на век, когда Космосом и Землей правили Зевс и другие боги греческой мифологии. То же самое мы находим в германской мифологии. Время играет самую важную роль в этих мировых картинах.

Значительно менее важную роль играет пространство. Пространственный элемент еще темен в нордических и германских картинах мира с их мировым деревом, ясенем, великаном Имиром и тому подобным. Что нечто происходит во времени, было совершенно ясно, но идея пространства еще туманно брезжила. И только в век Галилея, Коперника, Джордано Бруно пространство начинает играть значительную роль в картине Вселенной. Даже Птолемеева система мира, которая хотя уже и связана с пространством, все же больше строится на времени, чем та картина мира, которую человечество имеет с пятнадцатого века и в которой время является вторичным фактором. Сейчас за исходную точку принимается расположение звезд в космическом пространстве, и на основе расчетов делают заключение о картине мира в прежние времена. Но главной стала концепция пространства, пространственная картина мира, и поэтому все человеческие суждения основываются на пространстве.

Современный человек постепенно развил этот элемент пространства в своей картине внешнего мира, он развил его также в своем мышлении, и сегодня это мышление на языке пространства достигло, можно сказать, своей вершины. Подумайте, как трудно для современного человека следовать за чистым временным последовательным изложением. Он счастлив, если пространство вносится хотя бы в изображение чего-либо на доске. А уж если приводятся фотографии пространства, современный человек чувствует, что только тут и начинается настоящая учеба. Наглядность, под которой имеется в виду пространственность, это то, чего стремится достичь современный человек во всяком изложении. Время, так как оно находится в постоянном течении, сделалось для него

чем-то неудобным. Он придает ему еще некоторое значение в музыке; но даже здесь тенденция к пространственному совершенно очевидна.

Мы должны только обратить внимание на то, что стало определенной чертой современной жизни, и тогда мания современного человека привязываться к пространственному станет совершенно очевидной. В кинематографе он совершенно безразличен к элементу времени в картине. Он довольствуется любым отрезком времени и целиком отдается элементу пространства. Эта ориентация всей души на пространственное очень характерна для теперешнего времени. Мы с одной стороны имеем сегодня стремление исходить из пространственного. И тот, кто наблюдает современную культуру и цивилизацию с открытыми глазами, найдет ее повсюду.



С другой стороны, в антропософской духовной науке мы стремимся, как вы знаете, отойти от пространственного. Безусловно, мы идем навстречу стремлению к пространственному, если хотим придать духовному осязаемую форму. Это может помогать, не так ли, усиливать способность к формированию понятий. Только мы все время должны сознавать, что это просто иллюстрации, и что самым важным является стремление, по меньшей мере стремление выйти за пределы пространственного. Фанатики пространства среди нас часто причиняют затруднения, когда стремятся следующие одна за другой временные эпохи уложить в схему: вот первая эпоха и ее подэпохи, и так далее, и при этом нужно много сопро-

вождающих слов, относящихся к пространственному. Но мы стремимся отойти от этого пространственного. Мы стремимся войти в то, что связано с временем, в то, что вообще выводит из чувственного.

Чувственно-воспринимаемое е в своей наиболее грубой форме разыгрывается в пространственном, и имеет определенное направление. Я часто характеризовал то, к чему стремится антропософская духовная наука. Она вовсе не стремится пренебрежительно относиться или отклонять то, что достигнуто человеческим мышлением со времен Галилея, Коперника, Джордано Бруно. Наша антропософская духовная наука всецело считается с этими суждениями о пространстве. То есть она признает их. Поэтому она также должна быть в состоянии внести свет во все сферы научных представлений. Она должна вести себя по отношению к этим научным областям не дилетантски, но должна подмечать вещи, которые позволяют осветить эти специальные области. И мы постоянно должны подчеркивать, что с помощью антропософской духовной науки стремимся это направленное на пространство суждение, эти чисто человеческое знание, это эмансипировавшееся от божественно-духовного знание снова привести к божественно-духовному. Мы не стремимся вернуться к старому душевному состоянию, наоборот, мы хотим новейшее настроение души повернуть от склонности к чисто пространственному материальному в сторону духовного. Другими словами, мы хотим научиться, подобно тому, как в галилео-коперниканские времена привыкли говорить о веществе, о силах, теперь говорить о духовном. Так что фактически духовная наука благодаря своему способу рассмотрения вещей вырастает в нечто подобное тому, что для внешних чувственных вещей и явлений возникло как представления, начиная с первой трети 15 столетия. Она стремится к духовному знанию, которое сродни естествознанию, но также и противоположно ему, поскольку речь идет о сверхчувственном.

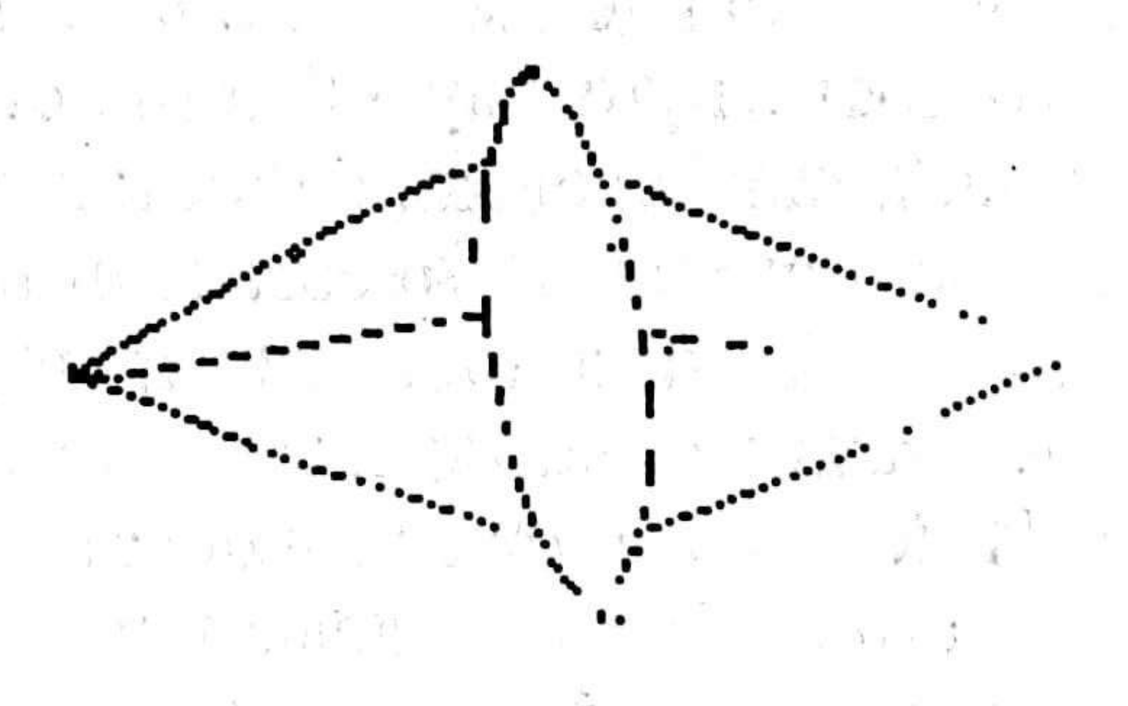
Внутреннее рассмотрение, чего мы хотим достичь с его помощью? Если мы мысленно поставим себя на место божественно-духовных существ, среди которых мы живем между смертью и новым рождением, и направим, можно так сказать, вниз духовный взор — я описывал это как

раз здесь некоторое время тому назад, — если мы с помощью различных средств, которые я описывал, рассмотрим ход земных событий, мы найдем тогда, что эти сущности наблюдали за Землей в древние времена человеческого развития, в древнеиндийскую, древнеперсидскую, халдейско-египетскую эпохи: что там люди делают, как люди воспринимают то, что происходит в природе и социальной жизни. И Боги могли сказать себе, если позволите так выразиться, в отношении деяний и мыслей людей: их деяния и их мысли являются следствием их памяти, или отзвуком того, что они пережили вместе с нами в нашем мире. — В случае халдеев и египтян было еще совершенно очевидно, что важнейшим делом людей внизу на Земле было выполнить то, что подумали или думают Боги наверху. Когда Боги смотрели вниз на Землю, они видели события, чей ход соответствовал их намерениям; то же было, когда они всматривались в мысли людей — как Боги они могли видеть мысли.

Начиная с первой трети пятнадцатого века все это изменилось. С тех пор, когда божественно-духовные существа смотрели на Землю, а особенно когда они смотрят вниз в настоящее время, они видят, что повсюду все вещи в своей основе чужды им, что люди на Земле делают вещи, которые они сами задумали в соответствии с явлениями и процессами земного бытия. И для Богов, среди которых люди живут между смертью и новым рождением, это нечто совершенно чуждое.

Когда алхимик в своей лаборатории стремился выяснить божественно-духовную волю посредством комбинирования и разделения элементов, Боги могли увидеть нечто близкое к их собственной природе в том, что делал алхимик. Если Боги заглянут в современную лабораторию, принятые там методы и процедуры окажутся им совершенно чуждыми. Можно сказать с абсолютной истинностью, что начиная с первой трети пятнадцатого столетия Боги почувствовали, будто вся человеческая раса в некотором отношении отпала от них, будто все люди внизу на Земле поглощены собственными проказами, вещами, которые Боги не в состоянии понять — те Боги, которые вели умы и руки людей в их научных изысканиях в греко-латинское время, и им подобные, уж точно нет. Эти

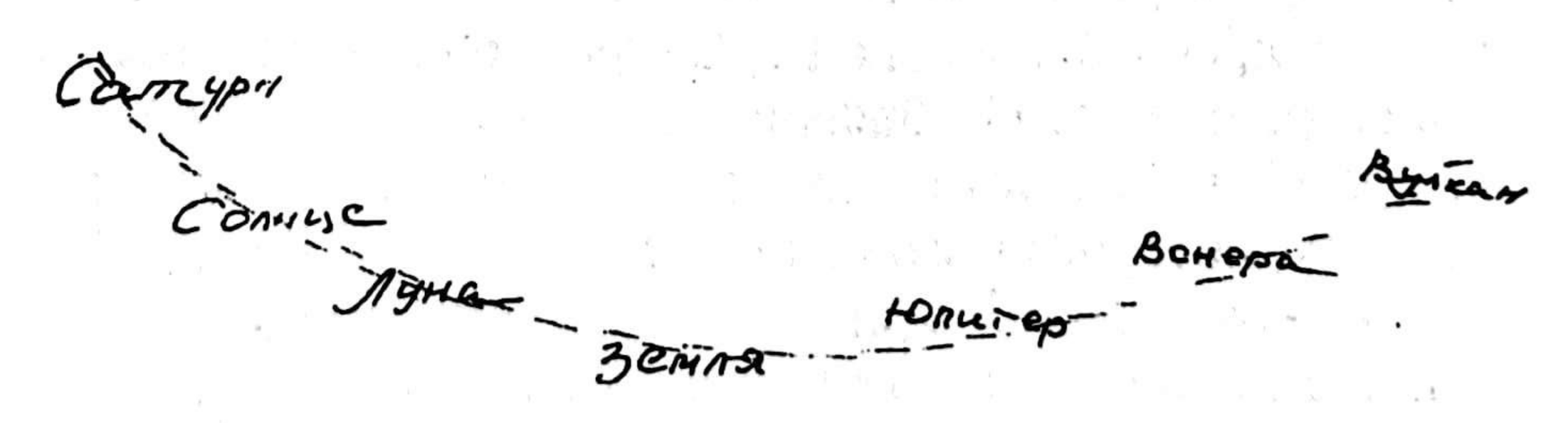
божественно-духовные сущности не имеют действенного интереса в том, что делается в современных лабораториях, не говоря уже о современных клиниках. Мне пришлось уже говорить в предыдущих рассмотрениях, что когда Боги смотрят вниз сквозь окна, как я тогда назвал их, наименьший интерес представляет для них работа, проводимая на Земле профессорами. И это наиболее глубоко входит в сердце каждого, кто имеет неподдельную способность проникновения в современную науку инициации. Он говорит себе: в последние времена люди совершенно отстранились от Богов; мы вновь должны искать мост для соединения с божественно-духовным миром. И именно это, если рассматривать вещи внутренне, дает импульс антропософской духовной науке. Мы хотим снова так преобразить научные идеи и концепции, которые непонятны Богам, чтобы они стали одухотворенными, и таким образом создать мост к божественно-духовному.



Следует понять, например, что свет это нечто, в чем присутствует божественное. Это очень сильно ощущалось в древнеперсидской культуре, но сегодня, когда, например, пытаются объяснить всякого рода линиями, как преломляется луч света в линзе, это пространственный язык, которого Боги не понимают, это для них ничего не значит. Ко всем этим вещам следует приближаться с таким душевным настроением, которое поможет вновь найти мост к божественному. Понять это — значит необычайно углубить способность проникновения в задачу, стоящую в наши дни в сфере преображения и метаморфизирования наших бездуховных представлений.

Космические факты необычайно глубокого значения лежат в основе этих вещей. Пространственные воззрения — это всецело человеческие воззрения. Боги, с которыми человек живет в свое важнейшее время между смертью и новым рождением, хотя и имеют воззрения, связанные с временем, но не имеют никаких пространственных воззрений, подобных тем, которые человек обретает на Земле. Эта концепция пространства полностью человеческая. Человек реально входит в пространство, когда он впервые нисходит из божественно-духовного мира в физический мир Земли. Действительно, видимое отсюда, все предстает в пространственной перспективе. Но мышление в размерности — это нечто, принадлежащее всецело Земле.

В западной цивилизации эти пространственные воззрения внедрились в человека главным образом с пятнадцатого столетия. Но когда правильным образом, когда описанным образом через одухотворение пространственного познания будет вновь найден мост к божественному миру, тогда то, что достигнуто наукой о пространстве — в тот самый период, когда человек полностью оторвал свои мысли от божественного мира, то есть начиная с пятнадцатого столетия — все, чего достигло пространственное познание, станет важным также и для божественно-духовного мира. И человек сможет завоевать новую часть Вселенной для Богов, если он сделает это правильным образом, если не просто останется в пространственном, но вновь внесет в него дух. Ибо что тогда произойдет?



Для Богов все, что я описал в книге “Очерк тайноведения” — периоды старого Сатурна, старого Солнца, старой Луны, Земли и будущие периоды Юпитера, Вене-

ры, Вулкана, — представляется в последовательности времени. Для богов все это происходит одно за другим. Здесь же на Земле все живет в условиях пространства. Мы живем сегодня в период Земли, это так. Но все происходящее, присущее Земле, еще имеет отзвук периодов старой Луны, старого Солнца и старого Сатурна. Если вы хотите погрузиться в описание старого Сатурна, данное в "Очерке тайноведения", вы скажете: период Сатурна прошел, но его тепловое воздействие еще присутствует в земном бытии. — Сатурн, Солнце, Луна, Земля находятся одно в другом; они существуют одновременно. Боги видят их в последовательности времени. Хотя в древние века, даже в халдейские времена, они были видимы в своей последовательности, теперь мы видим их одно в другом, пространственно одно в другом. Это идет еще дальше, и если мы подробно изучаем эти вещи, мы открываем то, что, в сущности, лежит позади них.

Представьте себе, что вы вытягиваете свою левую руку. Божественное живет во всем земном. В ваших мускулах, в ваших нервах живет божественное. Теперь вы трогаете пальцами вашей левой руки пальцы вашей правой руки — это может быть сделано только в пространстве. Тот факт, что вы чувствуете вашу правую руку вашей левой рукой и вашу левую руку вашей правой рукой — это нечто, чего божественно-духовные сущности не могут проследить. Они следят за левой рукой и за правой рукой вплоть до точки контакта, но ощущение, которое между ними возникает, это переживание для имеющихся у Богов способностей недостижимо; это нечто, что возникает только в пространстве. Точно так же, как Боги не воспринимают Сатурн, Солнце, Луну и Землю одновременно, но только в последовательности, во времени, так же не имеют они никаких чисто пространственных переживаний, известных только человеку. И когда вы смотрите своим левым глазом и своим правым глазом и имеете линию зрения от правого глаза и левого глаза, то встреча двух линий зрения это нечто чисто человеческое. Таким образом, мы как люди именно потому, что помещены в пространство, переживаем нечто, что переживается в отрыве от деятельности Богов.

Вы должны этот образ, касающийся правой и левой руки, перенести в другие области жизни земного человека, и вы найдете великое множество человеческих переживаний, которые выпадают из поля зрения Богов. В действительности только с первой трети пятнадцатого столетия человек привнес представления чисто человеческого типа в эти области, и поэтому человеческое мышление становилось все менее и менее понятным Богам, когда они смотрят вниз на Землю. Имея это в виду, мы должны обратить свое внимание на то важнейшее событие последней трети девятнадцатого столетия, о котором мы часто уже говорили и которое может быть охарактеризовано тем, что мы скажем, что правление духовной сущности, известной как Гавриил, закончилось, и наступило время правления другой духовной сущности, которая известна как Михаил.

В последней трети девятнадцатого столетия духовная сущность, которую мы называем Михаил, стала как бы правителем всех духовных событий, соответствующих земных человеческим событияс. В то время как Гавриил был сущностью, ориентировавшей более на пассивные качества человека, Михаил — это деятельная сущность, сущность, которая как бы пульсирует в нашем дыхании, в наших венах, в наших нервах, с тем, чтобы мы активно развивали все, что принадлежит к нашей полной человечности в связи с Космосом. Перед нами как бы призыв Михаила, чтобы мы стали деятельными в самих наших мыслях, вырабатывая наши взгляды на мир через собственную внутреннюю активность. Мы только тогда принадлежим к эпохе Михаила, когда не сидим бездеятельно и не ждем, что что-то придет к нам изнутри или извне, но когда мы деятельно сотрудничаем с тем, что предлагает нам мир через опыт и наблюдения.

Если человек проводит какой-то эксперимент, это, в принципе, не требует никакой активности, никакой деятельности духа человека, это просто явление, как любое другое природное явление, разве что оно направляется человеческим разумом. Но разумом направляются и все природные явления. Но как использует сегодня человек эксперимент для своих представлений? Здесь нет активного участия, он просто смотрит и старается по возмож-

ности быть наименее активным, он хочет, чтобы эксперимент сам сказал ему все, и рассматривает как фантастику все, что исходит из его внутренней активности. Именно в своих научных идеях человек дальше всего от эпохи Михаила. Но человечество должно войти в эпоху Михаила, ибо эта эпоха имеет очень важное свойство. Если мы зададим себе вопрос: что означает в действительности для всего Космоса передача Гавриилом скипетра Михаилу? — то мы должны ответить: это значит, что из всех сущностей, духовно ведущих человечество, Михаил является духом, первым приблизившимся к тому, что делает здесь на Земле человек в этой эмансипированности своего знания, начиная с первой трети пятнадцатого столетия.

Гавриил стоит в полной растерянности перед идеями и представлениями современного образованного человека. Михаил, тесно связанный с силами Солнца, может по крайней мере вселить свою активность в такие мысли человека, которые могут явиться импульсами для свободных поступков. Михаил может, например, действовать в том, что я назвал в "Очерке тайноведения" свободным, чистым мышлением, которое в состоянии стать истинным импульсом для индивидуальной воли человека, действующего в свободе новой эпохи. И особенная сродненность есть у Михаила с поступками человека, возникающими из импульса любви. Следовательно, он является посланцем Богов, направленным ими вниз с тем, чтобы он как бы мог принять то, что делается, дабы привести к одухотворенному познанию познание, отстранившее дух. Наука, которая как антропософская духовная наука вновь одухотворяет пространственное мышление, поднимает его вновь к сверхчувственному, действует снизу вверх, как бы протягивает снизу вверх свои руки, чтобы встретиться с протягивающимися сверху руками Михаила. Именно здесь может быть создан мост между Богами и человеком. Михаил потому стал вождем этой эпохи, что он должен воспринять то, что хотят воспринять Боги, то, что человек добавляет пространственными представлениями к чисто временным представлениям.

Можно сказать, что Боги представляют Сатурн, Солнце, Луну и Землю в последовательности времен; человек, если он правильно развивает новейшую фазу сво-

их представлений, видит это пространственно. Боги могут представить протягивание правой и левой рук, но контакт их — чисто человеческое дело. Боги могут жить в линии зрения правого глаза и в линии зрения левого глаза. Человек рассматривает в условиях пространства, как линия взгляда левого глаза встречается с линией правого. Михаил направляет свой взор вниз на Землю. Он в состоянии, входя в связь с тем, что человек развивает в чистом мышлении и воплощает в чистом волении, познать то, чего достигли жители Земли, люди, как плод мышления в образах пространства, и принести это в божественные миры.

Если люди будут просто развивать познание пространства и не одухотворять его, если они остановятся на антропологии и не захотят подойти к антропософии, тогда эпоха Михаила пройдет зря. Михаил завершит свое правление и принесет Богам такое послание: человечество хочет отдалиться от Богов. — Если же Михаилу суждено принести правильное послание миру Богов, он скажет так: в течение моей эпохи люди подняли к сверхчувственному то, что они уже развили путем мышления в чистых образах пространства; и мы снова можем принять человечество, так как оно соединило свои мысли с нашими. — Если человеческая эволюция пойдет правильным путем, Михаилу не придется говорить Богам, что человечество привыкло смотреть на все пространственно, что они выучились презирать то, что живет во времени. — Если человеческие существа решат достичь своей земной цели, Михаил скажет: люди приложили усилия, чтобы вновь внести время и сверхчувственное в пространственное; поэтому те, кто не довольствуются простым взиранием на пространственное, кто не довольствуется принимать все в той материальной форме, которая была привычна в начале двадцатого столетия, те могут быть рассматриваемы как связавшие свои жизни непосредственно с жизнью Богов.

Если мы искренне следуем антропософии в духе науки посвящения, это значит, что мы связываем себя с космическими делами, с делами, которые человечество должно творить в гармонии с миром Богов. И в настоя-

щее время очень многое поставлено на карту. Речь идет о том, посеем ли мы зерна будущей совместной жизни с божественно-духовым миром, или мы не сможем их заложить. Если вы понимаете огромное значение этого исхода, вы в состоянии измерить важность и внутреннюю твердость, необходимую душе, чтобы антропософия стала содержанием ваших представлений.

СЕДЬМОЙ ДОКЛАД

Дорнах, 22 декабря 1922

Человек воспринимает вещи мира посредством своих органов чувств, но обычным сознанием он не может воспринять, что происходит внутри самих органов чувств. Если бы он мог воспринимать это в обычной жизни, он не в состоянии был бы воспринимать внешний мир. Органы чувств должны как бы отречься сами от себя, если они должны принести сознанию человека то, что лежит вне органов чувств в мире, непосредственно окружающем его на Земле. Если бы наше ухо могло говорить, если бы наш глаз мог говорить, и мы могли бы благодаря этому узнать о процессах, происходящих в этих органах, мы не могли бы тогда слышать то, что слышимо извне, или видеть то, что видимо вовне. Но именно поэтому человек и учится познавать мир вокруг себя, поскольку он земное существо, но он не научается познавать самого себя. Чтобы познать самого себя, надо на время этого самопознания приостановить всякое познание внешнего мира, так чтобы ничто не переживалось из внешнего мира.

В духовной науке всегда имелось стремление открыть методы, с помощью которых человек мог бы достичь самопознания, и вы, вероятно, поняли из различных докладов, которые я читал, что я под этим самопознанием не имею в виду общее вдумчивое созерцание своей обыденной самости, потому что все, что человек в этом случае испытывает, является своего рода рефлективным образом внешнего мира. Он не познает ничего нового; он просто узнает как бы отраженным в зеркале то, что он переживал во внешнем физическом мире. Истинное самопознание должно, как вы знаете, исходить из метода, который заставляет умолкнуть не только внешний зем-

ной мир, но также повседневное содержание души, которое существует в обычном сознании и является просто отражением внешнего мира. Из методов, описанных в книге "Как достигнуть познаний высших миров", вы знаете, что духовное исследование развивается прежде всего к тому, что называется имагинативным познанием. Тот, кто продвинулся к имагинативному познанию, тот прежде всего имеет перед собой все то из сверхчувственного мира, что может облечься в образы и картины этой формы высшего познания. А когда он овладеет внутренней способностью имагинативного видения мира, тогда он в состоянии следить за тем, что происходит в человеческих органах чувств. За происходящим в органах чувств, если тогда вообще что-то происходит в органах чувств, невозможно проследить, когда воспринимают только внешний мир.

Когда я вижу предмет внешнего мира, мой глаз спокоен. Когда я слышу какой-то звук внешнего мира, мое ухо спокойно; это означает, что ухо осознает не то, что происходит внутри самого уха, но процесс, который продолжается из внешнего мира в ухо. Но если ухо будет деятельно только в связи с внешним миром, пока имеет место внешнее восприятие, мы никогда не будем в состоянии наблюдать процессы, приходящие в самом ухе независимо от внешнего мира. Но все вы знаете, что чувственное восприятие имеет выявляющийся позднее результат в чувствах, независимо от того факта, что чувства всегда соучаствуют, даже когда мы просто с нашим обычным сознанием деятельно мыслим.

Может быть так, что мы как бы полностью абстрагируемся от внешнего мира, поскольку это мир красок, звуков, запахов и тому подобного, и обращаем внимание на то, что происходит в наших органах чувств или через них. Когда мы достигаем этого, мы делаем первый шаг к обретению истинного познания человека. Как простейший пример скажем, что мы хотим понять, как угасает впечатление, полученное глазом извне. Лицо, достигшее способности имагинативного познания, может, так как оно не воспринимает ничего из внешнего мира, проследить это угасание чувственного впечатления. Иными словами, он может проследить процесс, в который вовлечен сам орган чувств, хотя в данный момент он не связан в

действительности с внешним миром. Или, скажем, кто-либо может живо вообразить себе нечто виденное, понимая при этом, как орган зрения участвовал в полном жизни мышлении о цвете, и так далее. Подобное может быть проделано в области всех чувств. Тогда действительно убеждаются, что то, что происходит в самих органах чувств, может быть ощутимо только имагинативным познанием.

Мир имагинаций как бы зачаровывает нашу душу, когда мы живем не во внешнем мире, а в самих чувствах. И тогда мы замечаем, что наши чувства живут в мире ином, чем тот, который мы воспринимаем ими в нашем земном бытии. Никто, достигший имагинативного познания и могущий благодаря этому наблюдать деятельность своих органов чувств, не может сомневаться, что человек как чувственное существо принадлежит к сверхчувственному миру. В книге "Очерк тайноведения" я назвал мир, который познает человек, отвлекая свое внимание от внешнего мира и живя в собственных чувствах, миром ангелов, миром сущностей, которые находятся ступенью выше человека.

Так что же в действительности происходит в наших органах чувств? Мы можем понять это, если мы в состоянии наблюдать внутреннюю деятельность чувств в то время, когда мы ими не воспринимаем. Подобно тому, как мы вспоминаем переживание, имевшее место много лет тому назад, хотя оно более не существует, так же в состоянии мы наблюдать органы чувств, когда они не заняты восприятиями, и тем самым достичь познания того, что в них происходит. Это не может быть названо воспоминанием, ибо это будет неточным понятием; однако в том, что мы ощутим, мы одновременно ощущаем и процессы, порождаемые в наших чувствах внешним миром через цвет, звук, запах, вкус, прикосновение и тому подобное.

Таким путем мы можем проникнуть в нечто, что иначе для человека остается неосознаваемым, а именно, в деятельность его собственных органов чувств, когда внешний мир передает им свои впечатления. И здесь мы почувствуем, что процесс дыхания — вдыхание воздуха, распределение воздуха в человеческом организме и вы-

дыхание — действует замечательным образом на весь организм. Когда мы вдыхаем, входнутый воздух проходит в самые тонкие разветвления органов чувств, и здесь ритмическое дыхание приходит в контакт с тем, что в духовной науке мы называем астральным телом человека. То, что происходит в органах чувств, зависит от того, что чувствует астральное тело человека в ритмах дыхания. Когда вы слышите звук, это происходит потому, что в вашем органе слуха астральное тело приходит в контакт с вибрирующим воздухом. Оно не может этого ни в какой другой части организма, только в органах чувств. Органы чувств вообще имеются у человека с той целью, чтобы астральное тело могло соприкасаться с тем, что возникает в человеческом теле посредством дыхания. И это происходит не только в органе слуха, но в каждом органе чувств; даже в чувстве осязания или чувстве, распространяющемся на весь организм, астральное тело действительно входит в контакт с ритмическим дыханием, то есть с действием воздуха в нашем организме.

Как раз изучая эти вещи, мы замечаем, насколько для рассмотрения человека в его целостности необходимо иметь в виду, что человек это не какая-то твердая структура, но почти на девяносто процентов это водяной столб; а так как воздух циркулирует все время во внутренних процессах тела, то человек также и воздушный организм. И этот воздушный организм с его ткущей жизнью приходит в органах чувств в контакт с астральным телом человека. Это происходит в органах чувств самым разнообразным образом, но целом можно сказать, что эта встреча является важным фактором во всех сенсорных процессах. Наблюдать внешне контакт астрального тела с воздухом невозможно, не входя в имагинативный мир. Обладая имагинативным познанием, можно воспринимать иные состояния в окружении Земли, в которых астральные силы встречаются с воздухом. Но внутри нас как человеческих существ важное значение имеет то, что астральное тело встречается с процессом дыхания и с тем, что через процесс дыхания посылается через весь телесный организм человека.

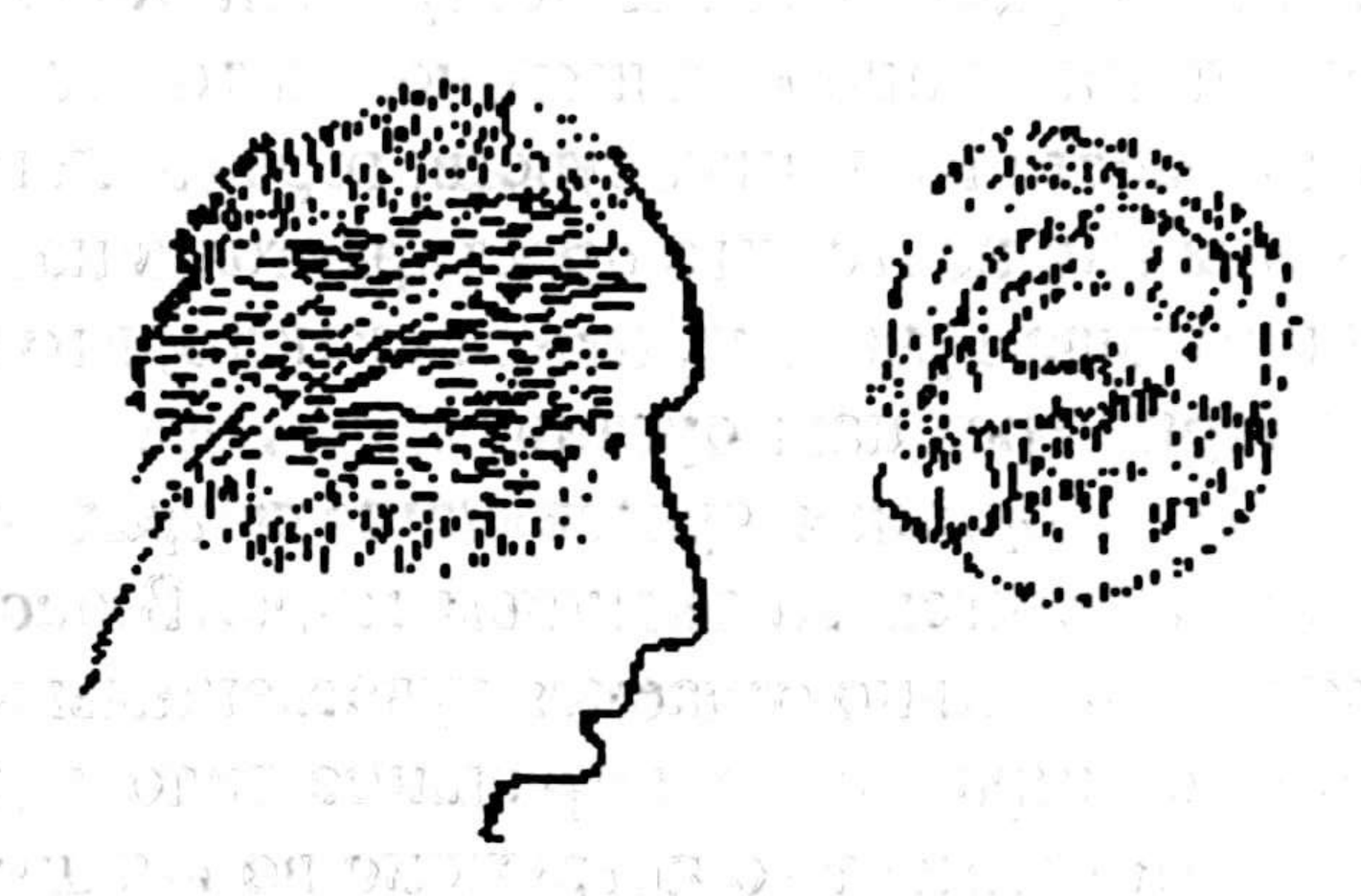
Так мы познаем деятельную активность существ, принадлежащих к Иерархии Ангелов, и мы как люди мо-

жем только так их представить себе, что в бессознательном процессе, имеющем место в чувственном восприятии, действует и работает этот мир сверхчувственных сущностей, как бы входя и выходя через двери наших органов чувств. Когда мы слышим или видим, то это процесс, происходящий не только по нашему произвольному волению, но он принадлежит также и объективному миру, действующему в сфере, где мы как люди сначала даже не присутствуем, но благодаря которой мы являемся поистине людьми — людьми, наделенными чувствами.

Когда наше астральное тело между пробуждением и засыпанием связывается в сфере наших органов чувств с воздухом, который становится ритмическим дыханием и тем самым меняет свой характер, мы учимся, так сказать, узнавать самую внешнюю периферию человека. Но мы можем больше узнать о человеке, если достигаем более высокой стадии сверхчувственного познания, называемого в упоминаемых мной книгах инспиративным познанием.

Здесь мы должны подумать о том, как человек подвержен перемежающимся состояниям бодрственной жизни и жизни во сне. Это положение вещей как таковое вовсе не отделено от чувственного восприятия. Наши чувственные восприятия также подлежат перемене. Если мы не будем постоянно прерывать процесс, в который они вовлечены, то мы хотя и будем воспринимать, но восприятия не будут иметь должного значения для нашего сознания. Вы знаете из чисто внешнего переживания, что продолжительное предание себя чувственному восприятию ослабляет его осознание. Мы должны все время отвлекаться от даваемых нам органами чувств чувственных восприятий, то есть перемежать получение впечатлений с состоянием, когда мы их не имеем. Чтобы наше осознание чувственных восприятий шло как положено, это зависит от нашей способности отвлекать чувства от впечатлений, производимых на них, так что мы, в сущности, постоянно имеем быстрые смены состояний чувственного восприятия. Такое чередование происходит и в более длительных периодах нашей жизни — так, раз в двадцать четыре часа происходит чередование бодрствования и сна.

Вы знаете, что когда мы переходим в состояние сна, наше астральное тело и "Я" оставляют наше физическое и эфирное тела. В результате в период между засыпанием и пробуждением наше астральное тело входит в связь с внешним миром, в то время как между пробуждением и засыпанием оно связано только с тем, что происходит внутри человеческого тела. Представьте себе эти два состояния или эти два процесса: астральное тело между пробуждением и засыпанием связано с тем, что происходит внутри человеческого физического и эфирного тел — и астральное тело между засыпанием и пробуждением, связанное с внешним миром, но не связанное более с физическим и эфирным телами человека.*



Сфера органов чувств в нас является тоже своего рода внешним миром — я выражаюсь несколько парадоксально, но вы понимаете. Подумайте, например, о человеческом глазе. Он подобен независимому существу — это, конечно, просто сравнение, — но ведь действительно он похож на независимое существо, помещенное в углубление черепа, а затем продолжающееся внутрь, также сравнительно самостоятельно. Но вглядитесь в сам глаз: он хотя и пронизан жизнью, удивительно похож на физический аппарат. Процессы, происходящие в глазу и в физическом приборе, могут быть охарактеризованы примечательно подобным образом. Душа, это верно, охватывает процессы, возникающие в глазу, но, как я часто говорил, органы чувств или сфера чувств подобны заливу, ко-

См. прим.

торым внешний мир распространяется в наше человеческое внутреннее. В органах чувств внешний мир как бы входит в нас, и в сфере чувств мы гораздо более участвуем во внешнем мире, нежели это происходит в других сферах организма.

Если мы обращаем наше внимание на какой-либо внутренний орган, например, почки, мы не можем сказать, что участвуем в чем-то внешнем с помощью переживания процессов самого органа. Но переживая то, что происходит в органах чувств, мы переживаем в то же самое время и внешний мир. Я прошу вас полностью отвлечься от того, что известно вам из трактатов по физиологии чувств и тому подобного. Я ссылаюсь не на подобные вещи, но на факт, всецело доступный обычному человеческому пониманию — а именно, на то, что процессы, имеющие место в органах чувств, гораздо легче могут быть охвачены как нечто, что простирается в нас извне и в чем мы принимаем участие, нежели как то, что мы привносим изнутри через наш организм.

Поэтому в органах чувств наше астральное тело практически находится во внешнем мире. В особенности, когда мы сознательно отдаемся чувственным восприятиям внешнего мира, наше астральное тело в действительности почти полностью погружено во внешний мир, хотя и не для всех органов чувств в равной степени. Оно полностью погружено во внешний мир во время нашего сна. С этой точки зрения сон является своего рода усилением чувственной самоотдачи внешнему миру. Когда ваши глаза закрыты, ваше астральное тело более погружается вовнутрь головы, оно больше принадлежит вам. Когда вы смотрите обычным образом, тогда астральное тело увлекается в глазах и участвует во внешнем мире. Если оно полностью выходит из вашего организма, тогда вы спите. Самоотдача органов чувств внешнему миру фактически не является тем, что обычно предполагают, но в отношении сознания это можно рассматривать как действительный шаг на пути к засыпанию.

Таким образом, актом чувственного восприятия человек до известной степени участвует во внешнем мире; во сне он участвует в нем полностью. Воспринять, что происходит в мире, в котором он находится своим аст-

ральным телом между засыпанием и пробуждением, человек может, имея инспиративное познание. Однако с помощью инспиративного познания человек может осознать и еще нечто, а именно, момент пробуждения, момент возвращения в себя. Момент пробуждения является в известном смысле чем-то более интенсивным, более сильным, но тем не менее его можно сравнить с закрыванием глаз.

Когда я стою перед каким-нибудь цветом, я отдаю астральное тело так, что в глазу оно, как я уже говорил, находится почти вовне — в процессе, при котором мой глаз получает впечатление цвета из внешнего мира. Когда я закрываю свои глаза, я увлекаю мое астральное тело обратно в себя. Когда я пробуждаюсь, я привлекаю свое астральное тело из внешнего мира, из Космоса. Часто, бесконечно часто в течение бодрственной жизни дня в отношении моих глаз и ушей я делаю с моим астральным телом то же, что и при пробуждении, только тогда в это вовлекается весь мой организм целиком. При пробуждении я привлекаю все мое астральное тело. Естественно, этот процесс привлечения астрального тела при пробуждении остается обычно бессознательным, так же как и сами чувственные процессы остаются бессознательными. Но если момент пробуждения становится сознательным переживанием для того, кто достиг ступени инспирации, то сразу становится очевидно, что это вхождение астрального тела происходит в мире, совершенно отличном от того, в котором мы обычно живем; прежде всего очень часто становится совершенно явным, как трудно для астрального тела вернуться снова в физическое и эфирное тела. Это встречает помехи.

Поистине можно сказать, что тот, кто начинает осознавать этот процесс возвращения астрального тела в физическое и эфирное тела, переживает духовные бури и разного рода встречные удары; духовные бури и встречные удары, которые показывают, что астральное тело как бы ныряет в физическое и эфирное тела, но эти тела не похожи на описания, даваемые анатомами и физиологами, поскольку они являются чем-то, принадлежащим к духовному миру. Оба — и невинное физическое тело, и представляемое несколько туманно невинное эфирное тело

— коренятся в духовном мире. В своей истинной природе физическое тело предстает чем-то совершенно отличным от того материального образа, который внешне видим нашему взору или обычной науке.

Это погружение астрального тела в физическое и эфирное тела может представать бесконечно разнообразным образом, как, скажем, и падение горящего полена в воду, сопровождаемое брызгами — это простейшая, наиболее абстрактная аналогия переживания, возникающего в человеке, который только что начал познавать этот процесс. Но потом этот процесс внутренне конкретизируется разнообразным образом и впоследствии полностью одухотворяется, так как то, что вначале можно было сравнивать с бушующей бурей, становится впоследствии пронизанным гармоничными движениями, создающими в то же время во всех своих частях впечатление, что нечто разговаривает, оно говорит или возвещает что-то.

То, что таким образом возвещается, облекается прежде всего в картины, вызывающие воспоминания обычной жизни; но с течением времени это изменяется, и мы постепенно приходим к переживанию мира, который также находится вокруг нас, но переживания в котором не могут быть названы воспоминаниями обычных восприятий, потому что они носят совершенно иной характер и потому что они сами показывают нам, что это иной мир. Можно заметить, что человек, когда он выходит своим астральным телом из окружения своих физического и эфирного тел, делает это на пути полного процесса дыхания. Астральное тело, деятельное в органах чувств, соприкасается с тонкими разветвлениями дыхательного процесса и как бы проникает в нежный ритм, которого достигает дыхательный процесс в сфере органов чувств. В момент пробуждения астральное тело оставляет внешний мир, входит в физическое и эфирное тела и завладевает дыхательным процессом, который был предоставлен самому себе во время сна. Вдоль путей дыхательного процесса, движения дыхания, астральное тело входит в физическое и эфирное тела и распространяется в них, как и само дыхание.

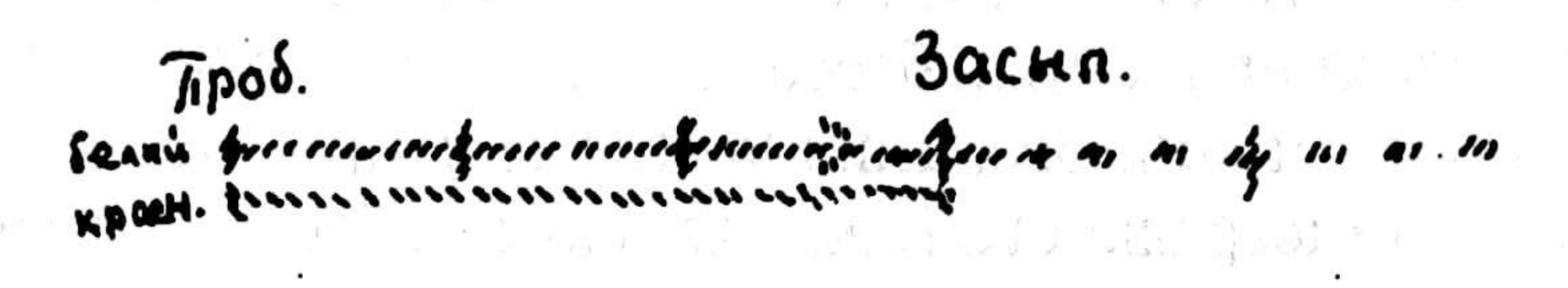
В момент пробуждения обычное сознание, можно сказать, быстро вторгается в восприятие внешнего мира

и так же быстро соединяет переживания дыхательного процесса с переживаниями организма в целом. Инспиративное сознание может отделить этот поток астрального тела вдоль путей дыхательного ритма и обособленно воспринять остальные органические процессы. Но происходят, они, конечно, вовсе не обособленно. Не только в этот момент, но и в любой момент дыхание в человеческом организме, естественно, внутренне связано со всеми другими процессами. Но при инспиративном сознании они могут быть разъединены. Мы следим, как астральное тело движется вдоль путей ритмического дыхания, входит в физическое тело, и здесь мы можем узнать нечто, обычно остающееся полностью бессознательным. После переживания всех стадий сознания, которые сопровождают это вхождение астрального тела и являются объективными — а не субъективными — состояниями чувствования, к нам приходит познание того, что человек это не только существо чувств, но также и существо дыхания, и имеет свои корни в мире, названном мною в "Очерке тайноведения" миром Архангелов. Как существа сверхчувственного мира, стоящие одной ступенью выше человека, деятельны в его чувственных процессах, так сущности духовного мира, стоящие двумя ступенями выше него, деятельны в его дыхательном процессе. Они как бы входят и выходят, когда он засыпает и пробуждается.

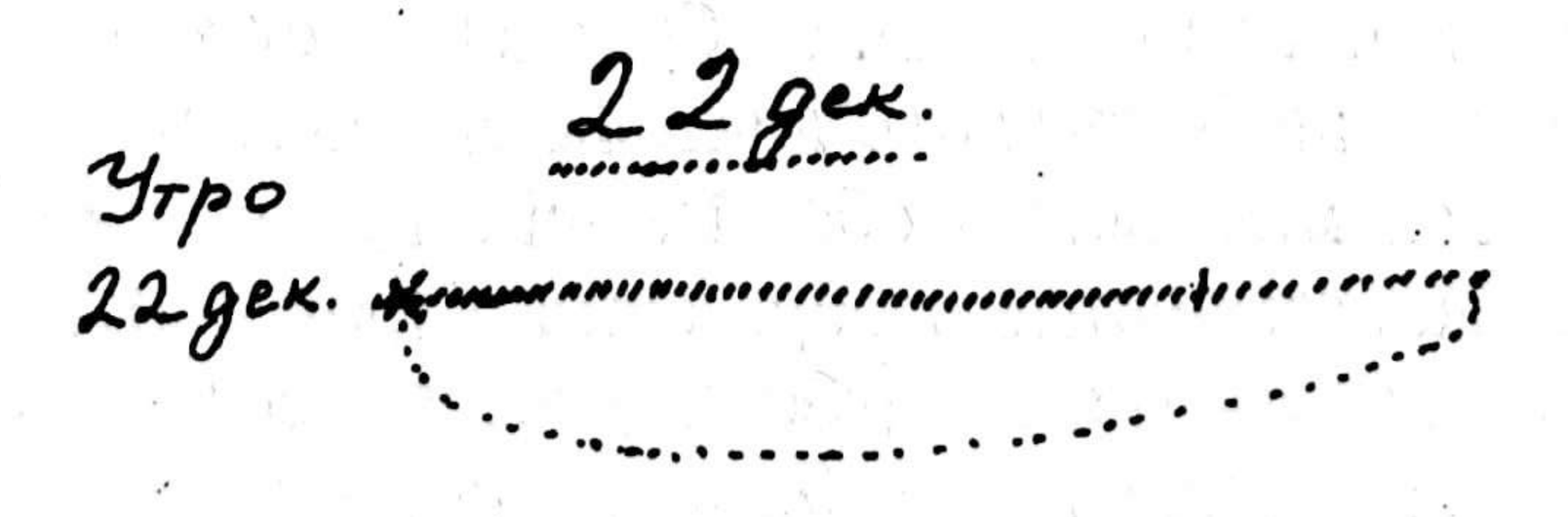
Нечто очень значительное для человеческой жизни встает перед нашей душой, когда мы наблюдаем эти процессы. Если бы наша жизнь не прерывалась сном, то впечатления от внешнего мира хотя и приходили бы к нам, но эти впечатления длились бы очень короткое время. Мы не могли бы развить длительную силу памяти. Вы знаете, как мимолетны образы, действующие в органах чувств как остаточные изображения. Процессы, деятельные в организме более глубоко, длятся дольше; но остаточные образы не длились бы долее нескольких дней, если бы мы не спали.

Что происходит в действительности во сне? Здесь я должен напомнить вам нечто, о чем уже говорил недавно, описывая, как во время сна человек переживает в своем астральном теле и своем "Я" в обратном порядке то, что было пережито им в физическом мире в течение пред-

шествовавшего периода бодрствования. Рассмотрим нормальный период бодрствования и нормальный период сна — хотя то же самое можно сказать и о неправильных периодах. Утром человек пробуждается, трудится в течение дня, отдыхает вечером и спит ночью примерно около трети того времени, что он бодрствовал. Между пробуждением и засыпанием он имеет ряд переживаний, дневных переживаний. Во время сна он активно переживает в обратном порядке то, что пережил в течение дня. И поскольку жизнь во сне идет более быстро, необходима лишь треть дневного времени.

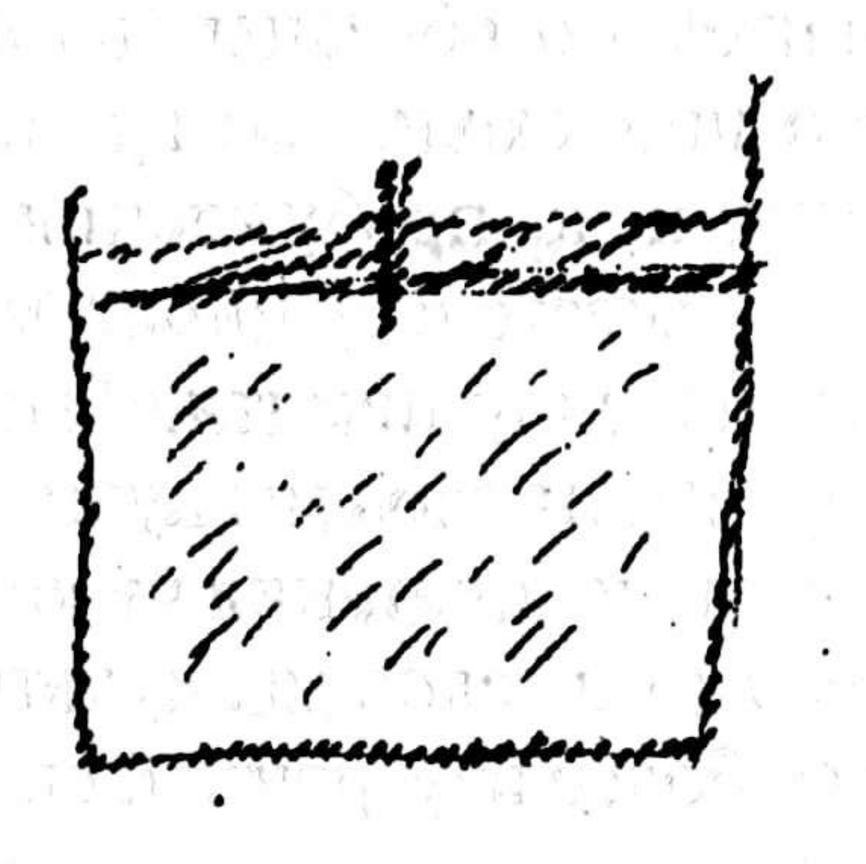


Что же при этом на самом деле происходит? Если бы положение вещей было таково, что вы спали бы по законам физического мира — я говорю сейчас не о том, что плоть спит по законам внешнего физического мира, хотя это, безусловно, так, но если бы в условиях существования вне физического и эфирного тел ваше "Я" и ваше астральное тело были бы управляемы теми же законами, которые управляют ими в течение дня, то такое обратное движение не было бы возможным, так как мы просто должны были бы идти вперед с течением времени. Но мы подвластны совершенно иным законам, когда наше астральное тело и "Я" находятся вне физического и эфирного тел.



Каково положение дел с внешней точки зрения? Подумайте о следующем. Сегодня 22-е декабря; это утро для вас, когда вы проснулись, было утром 22-го декабря. Теперь вы пойдете спать, и к тому времени, когда вы проснетесь завтра, ваши переживания в обратном поряд-

ке приведут вас снова к сегодняшнему утру, к 22-му декабря. Этот внутренний процесс вернул вас назад. Когда вы проснетесь завтра, утром 23-го декабря, вы будете перенесены этим процессом обратно в утро 22-го декабря. Вы пробуждаетесь. И в этот же момент — ибо теперь ваше астральное тело, в противоположность законам, которым оно повиновалось в течение сна, делает рывок через ваше тело в обычный физический мир, — в тот же момент вы принуждены в самой глубокой вашей душевной жизни быстро продвинуться своим "Я" и астральным телом к утру 23-го декабря. Вы действительно проходите внутренне через этот процесс.



Я хочу, чтобы вы поняли все значение того, что я теперь вам скажу. Если вы какой-либо газ имеете в закрытом сосуде, вы можете сжать этот газ так, что он станет плотнее. Это процесс в пространстве. Но он может быть сравнен — естественно, только сравнен — с тем, что я только что вам описал. Вы возвращаетесь своим астральным телом и своим "Я" в утро 22-го декабря, а затем в следующий момент пробуждения вы быстро проскакиваете в утро 23-го декабря. Вы продвигаете вашу душу вперед во времени. И этим процессом существо вашей души, ваше астральное тело становится столь сжатым во времени, что оно несет впечатления внешнего мира не только короткое время, но в форме длительной памяти. Точно так же, как сжатый газ создает более сильное давление, имеет больше внутренней силы, так и ваше астральное тело

приобретает значительную силу воспоминания, памя ти, благодаря внутреннему сжатию во времени.

Это дает нам представление о том, что инач ускользнуло бы от нашего сознания. Мы склонны счи тать, что время течет ровно, и что все происходящее в времени так же ровно течет вместе с ним. Что касаетс пространства, мы знаем, что простирающееся в простран стве может быть сжато, его внутренняя сила расширения возрастает. Но то душевное, что живет во времени, так же может быть сжато — я говорю, конечно, фигурально, — и его внутренняя сила возрастает. И для человека это сила памяти.

Мы действительно обязаны силой воспоминания, памяти, тому, что происходит во время нашего сна. От времени засыпания и до пробуждения мы находимся в мире Архангелов, и вместе с сущностями этой Иерархии мы культивируем эту силу памяти. Так же как вместе с сущностями Иерархии Ангелов мы культивируем силу чувственного восприятия и сочетания чувственных восприятий, так же в мире Архангелов мы культивируем силу памяти, являющуюся более внутренней силой, силой, более связанной с центром.

Истинное познание человека состоит не в туманно-мистическом вглядывании в самого себя; истинное познание человека с каждым шагом, сделанным в наше внутреннее, ведет в то же время в высшие миры. Мы говорили сегодня о двух таких ступенях. Если мы рассматриваем сферу чувств, мы находимся в сфере Ангелов; если мы созерцаем сферу памяти, мы находимся в сфере Архангелов. Самопознание — это в то же самое время познание Богов, познание духа, потому что каждый шаг, ведущий в человеческое внутреннее, ведет в то же время в духовный мир. И чем глубже проникновение внутрь, тем выше — так можно сказать, чтобы получился парадокс — подъем в мир духовных сущностей. Самопознание, если оно серьезно, есть истинное познание мира, а именно, познание духовного содержания мира.

Из того, что было сказано, вы можете понять, почему в древние времена, когда некоторые восточные народы стремились достичь своего рода инстинктивного духовного видения, их целью было сделать процесс дыха-

ния сознательным процессом с помощью специальных дыхательных упражнений. Фактически как только процесс дыхания делается сознательным процессом, мы входим в духовный мир. Я не должен бы снова говорить, что эта древняя практика не должна повторяться современным человеком с его иной конституцией, но она должна быть заменена другой, о которой говорится в упоминавшихся книгах. Однако надо отметить, что в случаях обоих видов познания — познании, основанном на древнем мистическом ясновидении, и познании, приносимом точным ясновидением, присущим современности — искреннее наблюдение процессов, имеющих место в человеке, приводит в то же время в духовный мир.

Некоторые люди скажут: но все это недуховно. Стремятся исследовать процессы в органах чувств, процессы дыхания. — Такие люди назовут это материалистическим самопознанием в сравнении с туманными мистическими переживаниями. Но пусть они попробуют это хоть однажды! Они скоро увидят, что истинное познание чувственных процессов является духовным процессом, и рассматривать его как материальный — чистейшее заблуждение. То же самое относится и к процессу дыхания. Процесс дыхания является материальным процессом, только если его рассматривают внешне. Рассматриваемый изнутри, это насквозь духовный процесс, разыгрывающийся в мире, гораздо более высоком, нежели мир, который мы воспринимаем своими органами чувств.

Завтра состоится доклад, который непосредственно примыкает к сегодняшнему, но, быть может, более подходит в качестве рождественского рассмотрения.

ВОСЬМОЙ ДОКЛАД

Дорнах, 23 декабря 1922

Рождественский праздник может быть поводом для сравнения мистерии, лежащей в его основании, с мистериями, возникшими в других условиях человеческого развития. Рождественская мистерия, если ее рассматривать как мистерию, предстает как подлинно зимняя мистерия. Она возникла из того воззрения на духовный мир, которое в первую очередь обращает внимание на отношение, устанавливающееся между человеком и местом его жизни на Земле в начале зимы.

Если мы обращаем наш взор, с одной стороны, на мистерии, которые прославлялись в некоторых частях Азии задолго до основания христианства и с которыми были связаны величественные мировые мысли, или если мы сравниваем мистерию Рождества с мистериями, справлявшимися также в дохристианские времена в Средней, Северной и Западной Европе, нас прежде всего поражает тот факт, что это были преимущественно летние мистерии, то есть они стремились охватывать то, что связывает человека с явлениями земной жизни в летнее время. Понять, в чем тут дело, можно, только подумав прежде о том периоде развития человечества, который предшествовал Мистерии Голгофы.

Оглядываясь на очень древние времена, как мы нередко делали, мы находим, что мистерии учреждались людьми, еще обладавшими способностью ясновидения, но это было древнее, инстинктивное ясновидение. В некоторых состояниях сознания между глубоким сном и бодрствованием, в состояниях, которые можно назвать состояниями реальных сновидений, эти люди могли ви-

деть в духовных мирах, откуда человеческое существо низошло, чтобы облечься на Земле своей физической организацией.

Это было время, когда любой человек мог рассказывать о духовном мире, мог думать о духовном мире так, как современный человек может говорить об обычном знании, получаемом им в школе. Я часто подчеркивал, что человек тех старых времен видел духовно-сверхчувственный мир, представлявшийся ему в образах. Это были не сновидения, а подобные сновидению картины. Но в случае сновидений человек точно знает, что они сплетаются из жизненных воспоминаний, что они возникают из человеческого организма и, в отличие от наших мыслей, не отражают действительность, об этих же имагинациях древнего ясновидения люди знали, что хотя они и не являются внешней чувственной реальностью, и не относятся к исторической реальности, они все же указывают на духовный мир, лежащий скрытым позади физического мира. Так духовный мир открывался людям в картинах.

Но не следует представлять себе, что эти люди ранних эпох не имели мыслей. Они имели мысли, но приобретали их иначе, чем современные люди. Человек современности, чтобы обрести мысли, должен внутренне напрячься. Он должен, так сказать, выстроить свои мысли путем внутреннего усилия. Подобный род деятельности имел место также и у людей древности, и как раз в связи с этими образами, которые отражали для них духовное бытие. Но если у них были образы, то с образами приходили и мысли. Можно поражаться силой и блеском мыслей этого древнего человечества. Но эти мысли не формулировались путем размышления; они принимались как откровение. И как в наши дни мы имеем школы и высшие учебные заведения, так в те времена существовали мистерии, в которых наука, искусство и религия были нераздельны. Не делалось различия между верой и познанием. Знание приходило от возникавших картин; а вера уверенно базировалась на знании.

Не делалось также различий между тем, что создавал человек из различных материалов как произведения искусства, и тем, что он обретал как мудрость. Теперь,

делая различие, говорят: то, что человек приобретает в форме мудрости, должно быть истинным. Но то, что он воплощает в материале как художник, скульптор или музыкант — это фантазия. Гете, можно сказать, был последним, кто не придерживался этого взгляда. Он равным образом рассматривал как истину и то, что он воплощал своими материалами как художник, и то, чем он овладевал как наукой. Филистерство, выражающееся в различении художественного и научного, появилось сравнительно поздно, и Гете это еще не затронуло. Гете был еще в состоянии, увидев произведения искусства в Италии, произнести прекрасные слова: "У меня появилась догадка, что творцы произведений греческого искусства исходили из тех же законов, по которым творит сама природа и на след которых я сам напал."— В Веймаре, прежде чем поехать в Италию, он вместе с *Гердером* изучал философию *Спинозы*. Гете стремился углубить свое понимание того, что все существа в окружении человека пронизаны божественно-духовным. Он пытался также открыть проявления божественно-духовного в отдельных частностях, например, в листьях и цветах растения. И тот род и способ, с помощью которого он в своих ботанических и зоологических изысканиях создал для себя образ растительной и животной первоформы, был как деятельность души тем же, который он применял в своем художественном творчестве.

Сегодня считается ненаучным говорить об одной и той же истине в искусстве, науке и религии. Но, как я уже сказал, в этих древних центрах культуры и обучения искусство, наука и религия были едины. И именно руководители этих мистерий начали постепенно отделять то, что другим людям открывалось в их инстинктивном ясновидении, как мысли, как особые мысли, и создавать мудрость мыслей. Повсюду в мистериях мы видим мудрость мыслей, выделяющуюся из ясновидческого видения. В то время как большинство людей довольствовались образным видением, были удовлетворены откровениями этого образного видения, облекаемыми в форму мифов, волшебных сказок и легенд теми, кто был в состоянии это делать, руководители мистерий вырабатывали учение человечества, мудрость мыслей. Но они полнос-

тью сознавали, что эта мудрость мыслей является откровением, а не приобретена собственными усилиями человека.

Мы должны постараться перенестись в это совершенно особое состояние души. Это расположение души можно понять из следующего. Когда современный человек постигает какую-нибудь мысль, он приписывает это деятельности собственного мышления. Он образует цепочки мыслей в соответствии с правилами логики, которые сами являются продуктом его собственного мышления. Человек древних времен получал мысли. Он не обращал внимания на то, как они должны быть связаны, так как они приходили к нему как откровение. Но это означало, что он не жил в своих мыслях так, как мы живем в наших. Мы рассматриваем свои мысли как собственность нашей души. Мы знаем, что мы потрудились. Они как бы рождены жизнью нашей души, они возникли из нас и мы рассматриваем их как нашу собственность. Человек древних времен не мог рассматривать свои мысли таким образом. Они были озарением; они приходили к нему вместе с высветившимися образами. И это породило в этом древнем человеке очень определенное чувство и отношение к наполненным мудростью мыслям. Человек говорил себе, созерцая свои мысли: "Божественная сущность из высших миров низошла ко мне. Я разделяю мысли, которые на самом деле мыслятся другими сущностями — сущностями высшими, чем человек, которые инспирируют меня, которые живут во мне, которые дают мне эти мысли. Поэтому я могу рассматривать эти мысли только как милость, которой я удостоен свыше."

И именно потому, что этот древний человек держался таких взглядов, он инстинктивно чувствовал необходимость в определенное время как бы жертвовать, в свою очередь, эти мысли высшим сущностям. И это происходило в летних мистериях. Летом Земля больше отдается своему собственному окружению, атмосфере, окружающей ее. Она не сокращается от холода и не укутывается в покрывало снега, существует постоянный обмен с атмосферным окружением. Поэтому летом человек также больше отдается мировым далям. Летом он чувствует себя соединенным с верхними Богами. И в те древние вре-

мена человек ждал времени летнего солнцестояния — времени, когда Солнце находится в зените своей силы, — ждал этого времени, чтобы в определенных местах, рассматривавшихся как священные, установить контакт с верхними богами. Он как бы употреблял свои естественные отношения летом со всем эфирным окружением, чтобы из глубины чувств сделать жертвенное приношение Богам, открывавшимся ему в его мыслях.

И когда мы вглядываемся в мистерии, мы видим, что учителя в мистериях говорили своим ученикам примерно так: каждый год нужно во время летнего солнцестояния приносить жертву верхним Богам в благодарность за мысли, которыми они удостаивают человека, иначе люциферические силы с легкостью вторгнутся в человеческое мышление, и человек будет пронизан этими люциферическими силами.— Человек будет пронизываться люциферическими властями и силами. Он может избежать этого, если каждое лето будет вспоминать, что эти мысли дали ему верхние Боги, и во время летнего солнцестояния он как бы позволит этим мыслям возноситься обратно к Богам. Когда в эти древние времена руководители мистерий созывали своих приверженцев и в их присутствии совершали ритуал, кульминацией которого являлось предложение верхним Богам тех мыслей, которые открывались ими, а теперь снова предлагались им в возносящихся чувствах — то тем самым люди стремились оградить себя от люциферического влияния.

Внешний ритуал состоял в торжественных словах, произносившихся в поднимающемся волнами дыме. Этот акт должен был означать, что приношение человеком верхним Богам самого внутреннего своей души как бы вписывается в жертвенные воскурения творящими формы словами. Слова молитвы как бы вписывали в поднимающийся жертвенный дым те чувства, которые душа устремляла вверх к Богам за открытые ими мысли. Это было основным настроением души, лежащим в основе празднования мистерий летнего солнцестояния. Эти празднества летнего солнцестояния имели значение лишь до тех пор, пока люди получали свои мысли путем откровения.

Но в столетия, непосредственно предшествовавшие Мистерии Голгофы, начиная с восьмого и девятого сто-

летий до Р.Х., эти мысли, открывавшиеся сверху, стали затемняться и все более пробуждали в человеке способность приобретать мысли путем собственных усилий. Это стимулировало в нем совершенно иные настроения. В то время как ранее он чувствовал, что его мысли приходят к нему как бы из пространств Вселенной, спускаясь в его внутреннюю жизнь, теперь он начал чувствовать мысли как нечто развертывающееся в нем самом, принадлежащее ему как его кровь. В древние времена мысли рассматривались принадлежащими человеку подобно его дыханию — дыханию, которое получает из окружающей атмосферы воздух и постоянно отдает его назад. Воздух человек рассматривает как нечто, что окружает его, что он втягивает в себя, но всегда отдает обратно, так же чувствует он и свои мысли, которые он не привлекает к себе, но получает путем откровения и должен все снова и снова отдавать их обратно Богам во время летнего солнцестояния.

Эти праздники были соответственно так драматически построены, что руководители мистерий шли на церемонию, неся символы мудрости; и по мере того как они вели священный ритуал, они постепенно слагали с себя эти символы, один за другим. Затем они уходят с церемонии, сложив все символы мудрости, они предстают как глупцы, которые снова должны постепенно в круговороте года добиваться своей мудрости. Это было нечто вроде исповеди со стороны этих мудрецов старых времен. Когда они делали это торжественное приношение, они как бы заявляли массам своих последователей: мы снова стали незнающими.

Разделить таким образом ход года, подойти к летнему солнцестоянию, обладая мудростью, затем снова перейти в состояние незнания, чтобы снова стать мудрыми — все это в действительности ощущалось людьми как средство избежать власти Люцифера. Они как бы стремились сопережить Космос. И как Космос позволяет зиме сменять лето, так и они давали времени мудрости перемежаться со временем погружения в тьму незнания. Но были также и такие, чья мудрость нужна была круглый год, скажем, те учителя мистерий, которые упражняли искусство врачевания — ведь искусство врачевания тоже было

частью мистерий, — и они не могли действовать подобным образом. Ведь не мог же врач становиться невеждой на август-сентябрь, если употребить современные названия месяцев. Поэтому таким людям позволялось удерживать свою мудрость, но в качестве жертвы за это они оставались только слугами в мистериях. Ведущие же лица мистерий каждый год становились на некоторое время невежественными.

Воспоминания о том, как впадали в глупость, остались — например, образ, выведенный Гете в "Тайнах" как Тринадцатый, человек, руководящий остальными в состоянии глупости, а не мудрости. Все эти вещи являются свидетельством того, что отношение человечества к ведущей мудрости было совершенно отлично от того, чем оно стало позже, когда люди начали рассматривать свои мысли как собственное достижение. Раньше, как уже было сказано, человек воспринимал мудрость подобно вдыхаемому воздуху, позже он стал воспринимать свои мысли как нечто, что вырабатывается в нем самом подобно крови. Можно сказать, что человек в древние времена ощущал свои мысли подобными воздуху дыхания, а в эпоху Мистерии Голгофы он начал чувствовать их подобными крови внутри себя. Но тем самым человек сказал себе: то, что я теперь переживаю как мысль, не является более небесным, не является чем-то, что нисходит сверху. Это нечто, что возникает в самом человеческом существе, нечто, что является земным.

Это ощущение, что в мыслях люди имеют нечто земное, было особенно значительным среди оставшихся приверженцев старых мистерий, также и во времена Мистерии Голгофы. Те, кто стоял в это время на вершине развития, говорили себе: человек не может иметь более таких мыслей, какие имели мудрецы древности, которые как бы жили вместе с богами в лелеянии своих мыслей; он должен теперь развить свои собственные чисто человеческие мысли. — Но эти чисто человеческие мысли находятся в опасности стать добычей ариманических сил. Мыслям, открываемым человеку сверху, угрожала опасность подпасть люциферическим силам; человеческим мыслям, мыслям, созданным самим человеком, опасность подпасть ариманическим силам.

Те, кто были в состоянии мыслить таким образом в эпоху Мистерии Голгофы — но примерно в четвертом столетии такое понимание было утеряно, — эти люди переживали Мистерию Голгофы как истинное искупление человечества. Они говорили себе: духовная сила, обитающая на Солнце, прежде могла быть, в сущности, достигнута только сверхчеловеческим образом. Теперь эта сила будет достижима человеческими способностями, ибо теперь человеческие мысли вошли внутрь его существа. И теперь он должен совершить нечто иное: он должен теперь внутренне возвысить эти мысли к божественному. Теперь, будучи земным мыслителем, он должен внутренне пронизать свои мысли божественным, а это он сможет сделать, только соединив себя в мысли и чувстве с Мистерией Голгофы.

Это означает, что мистериальный праздник из праздника летнего солнцестояния становится зимним праздником. Зимой, когда Земля укутана снежным покрывалом и более не живет во взаимообмене с окружающей атмосферой, человек также более сильно прикован к Земле; он не делит жизнь с просторами Вселенной, но входит в жизнь, которая, если можно так сказать, коренится под Землей. Но нужно правильно понимать, что это значит. Мы должны постоянно сознавать, что в земном окружении имеется не только то, что приходит непосредственно от Солнца, но также и то, что участвует в жизни Земли под земной поверхностью. Я говорил об этом раньше, ссылаясь на очень простые факты. Те из вас, кто жил в сельской местности, знают, как крестьяне роют на зиму в земле ямы и хранят в них картофель. Внизу в Земле картофель прекрасно зимует, чего не было бы, если бы он хранился просто в кладовых. Почему?

Представьте здесь (см. рис.) часть земной поверхности. Летом она поглощает свет и тепло Солнца. Оно как бы посылает их на Землю. И если мы зимой направляем свой взор на то, что находится под поверхностью Земли, мы имеем здесь лето. В течение зимы это лето находится под поверхностью Земли. И это лето под земной поверхностью помогает зимой разрастаться корням растений. Семена пускают корни, и начинается их развитие, так что когда мы видим растущее в этом году расте-

ние, оно растет в действительности из сил Солнца предыдущего года, которые проникли в Землю.

Поэтому когда мы смотрим на корень растения или даже отчасти на листья, мы видим перед собой в растении предыдущее лето. Только в цветке видим мы лето нынешнего года, ибо цветок выколдовывается теперешним солнечным теплом и теперешним солнечным светом. В прорастании и развитии растения мы все еще имеем предыдущий год, а нынешний год проявляется только

в цветке. Даже завязь в середине цветка является продуктом зимы, в действительности она из прошлого лета, и только то, что окружает завязь, принадлежит к нынешнему году. — Времена года взаимно проникают друг в друга, подобно тому как они проникают в другом случае, о котором я говорил вчера, во сне человека.

Таким образом, становится понятно: когда Земля одевает свое зимнее снежное одеяние, под этим одеянием продолжается лето. Человек не связывает себя более с далями, но повернут своей душевностью вовнутрь Земли. Он поворачивается к нижним Богам. Этого представления придерживались люди, обладавшие наследием старинной мудрости во времена Мистерии Голгофы. И именно это побуждало их говорить: в том, что соединено с Землей, должны мы искать силу Христа, силу новой мудрости, которая пронижет будущее развитие Земли.

Придя к ступени саморазвития мыслей, человек почувствовал необходимость соединить внутренне эти самостоятельно развитые мысли с божественным, прони-

зать их внутренне божественным — другими словами, импульсом Христа. Это он может делать в то время, когда он наиболее тесно связан с Землей, то есть глубокой зимой. Он может делать это тогда, когда Земля как бы изолирует себя от Космоса, и он тоже. Поэтому он тогда также подходит ближе к Богу, Который опустился из этих далей и соединил Себя с Землей. Это было прекрасной мыслью, связать рождественский праздник со временем, когда Земля изолирована от Космоса, когда в земном одиночестве человек пытается соединить развитые им сами мысли с божественно-духовной сверхчувственной реальностью. И понимая, что это означает, он стремится защитить себя от ариманических сил, подобно тому как в древние времена он защищал себя от люциферических сил ритуалами мистерий летнего солнцестояния.

И как под водительством учителей мистерий человек древних времен осознавал через праздник летнего солнцестояния свой мир мыслей в сумеречной стадии, так современный человек, правильно понимающий рождественскую мистерию, должен чувствовать себя укрепленным, когда на Рождество он погружается в истины, подобные упомянутым выше. Он должен почувствовать, как через развитие истинного отношения к Мистерии Голгофы могут осветиться мысли, которые создаются в темных глубинах его внутренней жизни. Так и происходит, когда он понимает, что однажды в течение земного развития Сущность, которая в дохристианские времена могла мыслиться лишь соединенной с Солнцем, вошла в земное становление и обитала на Земле вместе с человечеством как духовная сущность. В противоположность старым жертвенным праздникам летнего солнцестояния, целью которых было представить происходящее внутри человека наиболее внешним образом, рождественский праздник должен быть временем, когда человек старается внутренне углубить, одухотворить то, что он приобрел как познание о мире.

Человек древних времен не ощущал знание как свою собственность, это был дар, которым он награжден и который он ежегодно отдает обратно. Современный человек должен рассматривать свой мир мыслей, свое интеллектуальное познание как свою собственность. Поэтому

он должен принять в свое сердце Того, Кто как духовное существо соединил Себя с Землей; он должен связать с Ним свои мысли, чтобы не остаться со своими мыслями в эгоистическом одиночестве; он должен соединить эти свои мысли с тем солнечным Существом, Которое через Мистерию Голгофы стало земным существом.

В некотором отношении древние мистерии имели то, что можно назвать аристократическим характером. И действительно, принцип аристократизма имеет своим источником эти древние мистерии, потому что жрецы приносили жертву от имени всех остальных.

Мистерия Рождества имеет демократический характер, ведь то, чего достигает современный человек, что делает его действительно человеком — это его внутренний багаж мыслей. И рождественская мистерия только тогда предстает в правильном свете, когда люди не приносят один за другого жертву, но когда все разделяют друг с другом общее переживание: равенство перед ликом солнечного Существа, низошедшего на Землю. И в ранние времена христианского развития, примерно до четвертого столетия, это ощущалось как особенно важное и значительное в христианстве. Так было до тех пор, пока не возродились древние формы египетских мистерий и не проделали путь через Рим в Западную Европу, приукрасив, можно сказать, первоначальное христианство и окутав его традициями, которые снова должны быть оставлены, если правильно понимать христианство. Потому что характер, в который облек Рим христианство, был, в сущности, характером древних мистерий.

В соответствии с истинным христианством нахождение духовно-сверхчувственной реальности в человеке должно было происходить не в то время, когда он как бы выходит из себя и отдается Космосу, но тогда, когда он находится внутри себя. И это как раз тот случай, когда он соединен с Землей, когда сама Земля скрыта от космических далей, то есть во время глубокой зимы.

Я хотел таким образом показать, как случилось, что в ходе времен мистериальные празднества летнего солнцестояния перешли в рождественскую мистерию зимнего солнцестояния. Но это должно быть очень правильно понято. Оглядываясь на эволюцию человечества, мы можем

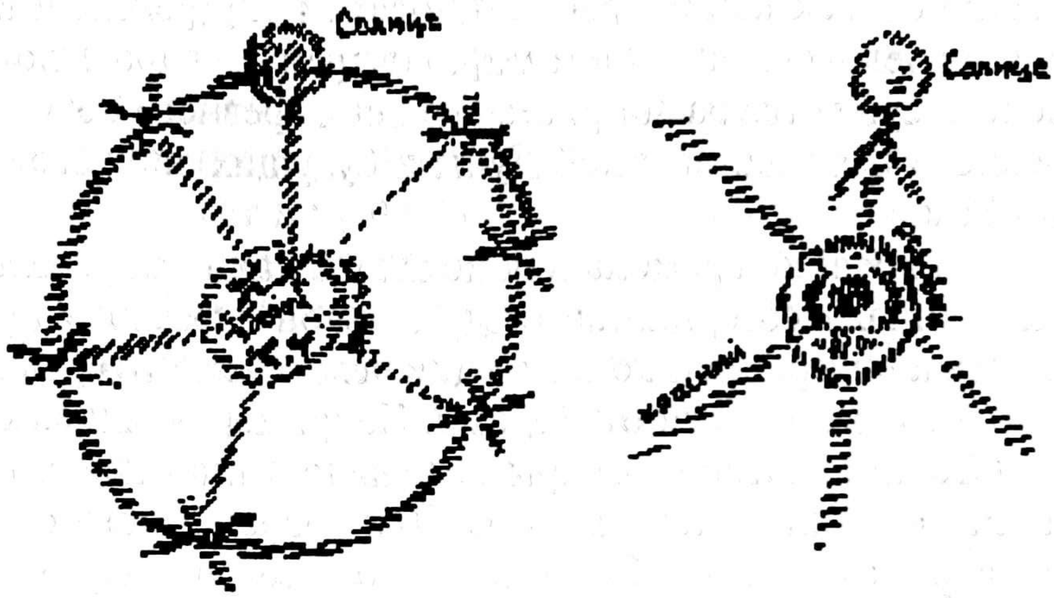
углубить наше понимание того, что представляет для нас рождественская мистерия. По контрасту с древними временами мы можем почувствовать важность того факта, что человек должен теперь смотреть внутрь себя в поисках тайны, которую он когда-то искал вне своего существа.

С этой точки зрения написан мой "Очерк тайноведения". Если бы подобная книга писалась в древние времена — тогда, конечно, это была бы не книга, а нечто другое! — отправной точкой описания были бы звездные дали. Но в данной книге отправной точкой является человек: человек как бы рассматривается внутренне, и исходя из человека мы ищем мир, внутреннее ядро человеческого существа расширяется до эпох древнего Сатурна, древнего Солнца, древней Луны и будущих эпох эволюции Земли.

В древние времена в поисках познания мира человек начинал с созерцания звезд; затем он стремился применить к внутренней конституции человеческого существа то, что было сказано звездами. Например, люди созерцали Солнце, которое раскрывало для имагинативного познания в те дни очень многое. Для современного ортодоксального ученого Солнце — это газовый шар, чего, конечно, не может принять беспристрастное воззрение. Когда человек древних времен наблюдал Солнце внешне, оно было для него телесным выражением душевно-духовного, как и телесность человека была выражением душевно-духовного. Очень много познавалось от Солнца. И когда человек как бы читал в Космосе то, что Солнце открывало ему, он мог указать на свое сердце и сказать: теперь я понимаю природу человеческого сердца, так как Солнце раскрыло его для меня. — Подобным же образом и в других небесных телах человек раскрывал тайны своего организма.

Невозможно было поступать таким образом в книге "Очерк тайноведения". Хотя и не во всех частностях, поскольку для этого еще не пришло время, но все же в ней мы прежде всего начинаем думать о человеческом существе как целом, об его сердце, легких и так далее, и поняв индивидуально органы, мы переходим к пониманию Вселенной. Мы изучаем, например, человеческое

сердце, и мы читаем в нем, что такое Солнце, нечто о природе Солнца; таким образом, с помощью сердца мы познаем природу Солнца; иначе говоря, мы идем изнутри наружу. В древние времена это происходило обратным путем: прежде всего человек изучал природу Солнца, а затем понимал природу человеческого сердца. В наше время мы изучаем, что такое сердце, легкие, и тому подобное, и таким образом, исходя из человека, мы научаемся познавать Вселенную.



Древние могли выразить свое сознание этого отношения человека ко Вселенной, только обращая взор вверх к Солнцу и звездному небу во время летнего солнцестояния, когда условия были наиболее благоприятны для чувства своего единения с Космосом.

Но если сегодня мы хотим понять со всей внутренней интенсивностью, как можем мы прийти к пониманию Вселенной, мы должны всматриваться в глубины внутреннего существа человека. И самое правильное время для этого — это время зимнего солнцестояния, на Рождество.

Постарайтесь охватить полное значение этих рождественских мыслей, мои дорогие друзья, ибо в наше время необходимо возродить такие старые навыки; мы должны, например, стать снова искренними в наших переживаниях течения года. Сколько людей сегодня знают о Рож-

дестве только то, что это время делать подарки, ну и, быть может, это время вспомнить — конечно, совершенно внешним образом — о Мистерии Голгофы!

Именно подобную отчужденность следует винить в том великом бедствии, к которому устремилось сегодня человечество со своей цивилизацией; именно в ней вина. Истинная вина лежит в привычке и нежелании понять реальную необходимость обновления — например, рождественских мыслей, рождественских чувств. Этот импульс к обновлению необходим, потому что мы только тогда сможем снова стать людьми в истинном смысле, если найдем духовную часть нашего существа. Мы нуждаемся в "Мировом Рождестве", как часто говорят в это время, в рождении духовной жизни. Тогда мы снова будем праздновать Рождество как честные люди; снова наполнится значением тот факт, что в то время как Земля укутана в свое снежное покрывало, мы пытаемся ощутить наш мир мыслей пронизанным Импульсом Христа — мир мыслей, который сегодня, подобно крови, находится в нас, в отличие от старого мира мыслей, который был подобен дыханию.

Конечно, мы должны научиться снова больше переживать время, нежели это привычно сегодня. Около двадцати лет назад появилась идея, что было бы удобнее иметь постоянную дату Пасхи — праздника, который до сих пор регулируется истинным течением времени. Идея была такова, чтобы Пасха была зафиксирована на первое апреля, чтобы не было путаницы в счетных книгах, возникающей из-за того, что дата праздника меняется ежегодно. Даже человеческие переживания течения времени должны быть втянуты в материалистические тенденции эволюции. Принимая во внимание другие произошедшие вещи, было бы совсем неудивительно, если бы материалистическое мышление приняло это предложение. Начинают же современные люди новый год первого января, невзирая на тот факт, что декабрь — децем — десятый месяц, а январь и февраль, совершенно очевидно, принадлежат к прошедшему году; поэтому фактически новый год начинается самое раннее в марте — на самом деле так и было в римское время. Но однажды француз-

скому королю (которого даже история признает глупцом) понравилось начинать год с середины зимы, с первого января, и человечество последовало этому.

Нужны твердые и решительные мысли, чтобы честно признаться самим себе, что спасение человеческой эволюции зависит от тесной связи самого человека с мудростью. — Многое указывает на то, что он не всегда так поступает, но очень часто связывает себя с невежеством и незнанием. Рождественские мысли должны приниматься искренне и честно, будучи связаны с Сущностью, сказавшей: "Я есмь Путь, Истина и Жизнь." Но путь к истине и жизни в духе должен быть найден свободно, а для этого современному человечеству необходимо погрузиться в темные глубины полуночи, чтобы найти свет, который вспыхивает в самом человеке.

Старой традиции воспоминания о первой рождественской мессе, которая служилась в полночь, недостаточно. Человек вновь должен понять в действенном переживании, что все лучшее и наполненное светом рождается из тьмы. Истинный свет родится из тьмы. Из этой тьмы должен быть рожден свет — а не дальнейшая тьма.

Постарайтесь пронизать рождественские мысли силой, которая полностью придет к вашим душам, когда вы почувствуете со всей интенсивностью, что свет духовного понимания и духовного видения пронижет тьму познания иного рода. Тогда в Святую Ночь Христос родится в сердце каждого из вас, и вы переживете вместе со всем человечеством Мировое Рождество.

ДЕВЯТЫЙ ДОКЛАД

Дорнах, 24 декабря 1922

Если мы хотим углубить наши мысли в это праздничное время соответствующим современности образом, лучше всего делать это, как было указано вчера, обращая душевный взор на процесс эволюции человечества с целью узнать из духовного водительства человечества, что в наши дни входит в задачи человека. Мы не должны упускать как важнейшую часть рождественских мыслей представление о том, как в только что начавшейся ночи просиял Свет Христа в эволюцию человечества в тот момент этой эволюции, когда через это Событие, через это вхождение Мистерии Голгофы в земную жизнь, человечество, а тем самым и земное бытие, обрели смысл.

Вчера я говорил вам о том, как во времена до Мистерии Голгофы важную роль играли мистериальные праздненства, происходившие во время летнего солнцестояния, когда человек вместе с самой Землей открывал свое существо космическим далям и когда он мог душевно соединяться с внеземными силами. Перед нашей душой предстало то, как в дохристианские времена среди некоторых народов руководители мистерий, следуя тем путем, по которому во время летнего солнцестояния, или, по-нашему, в дни Иоанна, человеческая душа могла быть приведена в божественно-духовные миры, приходили к тому, что как бы жертвовали мир своих мыслей, пронизанный чувствами, божественно-духовным силам. Ведь они понимали, что открывавшееся им в течение года подпало бы искушениям люциферических сил, если бы во время летнего солнцестояния, когда Земля широко раскидывает свои крылья в космических просторах, эти мысли не

были бы прочувствованы как милость, которой их одарили божественно-духовные сущности.

Затем я показал вам вчера, как по мере развития опять-таки для определенной части человечества праздник летнего солнцестояния был совершенно естественно заменен глубоко зимним праздником. Даже в наших современных бессодержательных рождественских мыслях сохранилось еще нечто от праздника зимнего солнцестояния, когда люди или в религиозных общинах празднуют в эту ночь зимнего солнцестояния рождение нашего Спасителях, или в поисках пути к духовному свету празднуют эту ночь в тишине собственного сердца, сознавая, что в это время года они наиболее близки к Земле и ее жизни, полностью уйдя в себя. Ибо Земля в это время также укрыта от Космоса; укутанная снежным покрывалом и сжавшаяся от холода, она живет в космическом пространстве как существо, ушедшее в себя.

Рождественские мысли играли роль даже в те времена, когда для некоторых народов еще очень важен был праздник летнего солнцестояния. Но в дохристианские времена значение рождественской мысли было иное, чем теперь. В это время высокий Солнечный Дух еще принадлежал Космосу, еще не сошел на Землю. И положение человека во время зимнего солнцестояния, когда человек вместе с Землей чувствовал себя в некотором роде в космической изоляции, было совершенно отлично от современного. Мы узнаем, каково было это положение, если обратим наше внимание на некоторые мистерии, которые праздновались главным образом на юге за многомного лет до Мистерии Голгофы. Посвящение в эти мистерии тех, кто искал этого, происходило по-старому, им передавалась наука инициации того времени. И у некоторых древних народов эта наука инициации состояла в том, что посвящаемый учился читать мир — не то, что передается мертвыми буквами на бумаге, но то, что сущности Вселенной сами сообщают. Тот, кто умеет проникать в тайны Космоса, знает, что все растущее и процветающее на Земле является образом того, что сияет вниз от звезд, из космических мировых далей.

Человек, который научился этому космическому чтению, как мы сегодня учимся гораздо более простому

чтению мертвых букв, знал, что он должен видеть в каждом растении знак, раскрывающий ему нечто из тайн Вселенной, и что когда он предоставляет своему взору наблюдать мир растений и животных, само это наблюдение является чтением. И таким образом посвященные некоторых древних мистерий учили своих учеников. Они не предлагали чего-то вычитанного из книг, но сообщали то, что они переживали в инспирации так называемого Бога Года о тайнах течения года и их значении для человеческой жизни. Так древняя мудрость связывала мировых сущностей и мировые события с тем, что относилось к жизни людей. Когда мудрецы прошлого сообщали подобные вещи своим ученикам, они были инспирированы божественно-духовными сущностями, такими как Бог Года.

Кто был этот Бог Года, который в Иерархиях принадлежал к рангу Архаев или Начал? Кто был этот Бог Года? Он был сущностью, к которой знакомые с наукой инициации возвышали свои сердца и были одаряемы им силой и внутренним светом, позволявшим им читать одно в распускающемся весной растении, другое — в рано созревающих летом фруктах, наконец, третье — в покрасневших осенних листьях и созревших осенью фруктах, и совсем иное в сверкающих снежными хлопьями деревьях и Земле с ее минералами, укрытыми снежным покрывалом. Такое "чтение" длилось весь год — в течение весны, лета, осени и зимы; и в этом чтении в общении между учителями и учениками раскрывались тайны самого человека. А затем годичный цикл начинался снова.

Некоторое представление о том, что сообщали эти древние посвященные своим ученикам под воздействием инспирации Бога Года, может быть передано следующим образом. Они обращали внимание учеников прежде всего на то, что раскрывалось весной, когда сходил снег и Солнце начинало набирать силу, когда появлялись первые почки растений и обновлялись силы Земли. Они обращали внимание учеников на то, как растение, растущее в лугах, и растение, растущее в лесу, в тени деревьев, по-разному говорят о тайнах Вселенной. Они обращали внимание учеников на то, как в различных растениях тепло и свет Солнца по-разному говорят о космическом просторе

своими круглыми или зубчатыми листьями. И то, что могло быть открыто таким образом под влиянием и инспирацией Бога Года буквами, распускающимися из самой Земли, раскрывали ученикам учителя мистерий в манере того времени как тайны физического тела человека.

Учителя указывали на физическую продуктивность Земли, на силы Земли, проявляющиеся в растениях. В каждом отдельном месте Земли, на которое направлялось внимание учеников, можно было найти свою "букву". Эти буквы, эти живые существа-растения, живые животные формы комбинировались подобно тому, как мы теперь комбинируем отдельные буквы в слове. Сопереживая таким образом весну, человек читал в природе. Посвящение, которым одарял Бог Года, состояло в этом чтении. И когда весна приходила к концу, где-то в мае, у человека возникало впечатление: теперь я понимаю, как из чрева Вселенной образуется и принимает форму человеческое физическое тело.

Затем приходило лето. Употреблялись те же самые буквы и слова великого космического Логоса, ученикам указывалось, как под влиянием солнечных лучей, которые теперь струились иначе, под их теплом и светом, которые теперь действовали иным образом, буквы меняют свою форму, как первые почки, которые рассказали о тайнах человеческого физического тела, раскрываются к Солнцу в цветении. Он читал в этом разноцветьи цветов, как луч Солнца любовно лобзает растительные силы, возникающие из Земли. И в удивительно тонком и нежном процессе космических сил, действующих над силами Земли в цветении растений, он читает слова, передающие ему, как Земля стремится вовне, в космические просторы. Человек, живший в союзе с Землей, когда она открывалась Космосу, далеким звездам, сам жил вместе с Землей в бесконечности.

Что же таила в себе эта бесконечность, открывающаяся человеку, когда он взирал на буквы, которыми были цветущие растения? Он читал в этих буквах, что происходило с человеком, когда он спускался из духовных миров в физическое бытие на Земле; как он собирал вместе эфирные субстанции из всех уголков неба для построения собственного эфирного тела. Таким образом человек

вычитывал тайны своего эфирного тела из того, что вновь происходило в мировом Логосе между Землей и Космосом, знаки чего написаны на самой поверхности Земли во время цветения растений и в особенных формах жизни, проявляющейся в животном мире во время летнего солнцестояния.

Когда приближалась осень, люди видели, как вновь меняются буквы космического языка. В это время Солнце придерживает свои тепло и свет, и растения ищут убежища в том, что само Солнце отдало Земле в расцвете лета; а Земля в ответ как бы выдыхает цветущую жизнь, которую она получила в течение лета, но в то же время развивает в себе зреющие плоды, в свою очередь удерживающие в себе растительную жизнь, так как растение несет в себе семена, силы прорастания. И вновь человек в состоянии раскрыть то, что космический Логос вписывает на поверхность Земли созревающими растениями; снова он в состоянии разгадать то, что могут открыть формы, принимаемые осенью животной жизнью. Он читает глубокие тайны Вселенной в полете птиц, во всех переменах, имеющих место у низших форм животных и насекомых с приближением осени. Обычай мира насекомых искать убежища в Земле, изменение форм мира насекомых, когда все на Земле замирает — все это говорит человеку, что осенью Земля замыкается в самой себе.

Это находило свое выражение в некоторых праздниствах, справлявшихся во второй половине сентября, и оставило свои следы в сельских местностях в праздновании дня Михаила. Этими праздниками человек напоминал себе, что когда на Земле все пути, ведшие в Космос, закрываются, он должен соединить себя с тем, что не связано с событиями физического и эфирного миров, он должен обратить свою душу к духовному содержанию Космоса. И даже в том празднике, который справляется теперь в конце сентября как день Михаила, есть напоминание об обращении человечества к Духу Иерархий, который должен вести людей духовным путем, когда внешнее водительство посредством звезд и Солнца теряет свою силу.

Всем, что человек читает таким образом осенью — это чтение является в то же время и созерцанием — он погружается в тайны человеческого астрального тела.

Осень была тем временем года, когда посвященные и инспирированные Богом Года читали вместе с ним тайны человеческого астрального тела и созерцали их под влиянием его инспирации. Именно в осенний сезон посвященные говорили своим ученикам: крепко держитесь той сущности, которая стоит перед ликом Солнца — и имя Михаил напоминает об этом, — думайте об этой сущности, стоящей пред ликом Солнца. Вы будете нуждаться в силе, когда пройдете вратами смерти в сверхчувственные миры, когда вы должны будете снова пройти через все то, что осталось в вашем астральном теле из земного бытия.

Тайны человеческого астрального тела извлекались из того, что как Логос открывалось не только в созревании, но также и в увядании растений и в заползании насекомых вглубь Земли. Человек уже знал, что если он хочет сделать эту часть своего существа подлинно человечной, его взор должен быть обращен к духовным мирам. По этой причине души посвящаемых обращались к сущности, которую мы можем называть Михаил.

А затем наступает время, в середине которого находится наше современное Рождество. Это было время, в которое инспирированные и посвященные Богом Года указывали своим ученикам на тайны, которые раскрываются, когда вода покрывает Землю в форме прекрасных снежных хлопьев. Чтение, которое уже осенью стало размышлением и созерцанием, теперь становится внутренней активной жизнью; то, что было в ранние сезоны года наблюдением, идущим параллельно с внешней физической работой, теперь становится внутренним духовным усилием. Чтение становится мистикой, мистическим углублением. Человек знал, что он только тогда сможет понять глубочайшую сущность своего "Я", когда он предоставит говорить об этих тайнах своего "Я" космическому Логосу во всем, что происходит в природе в тот период, когда Земля укутана в снеговое одеяние и когда жизнь вокруг и на Земле сжимается от холода. На тех, кто был инспирирован и посвящен Богом Года, было возложено обучение пониманию его писаний в знаках зимы. Их наблюдение было настолько обострено, что они могли следовать за процессами, происходящими в семенах, лежащих в Зем-

ле, и в насекомых, пытающихся перезимовать среди стянувшихся земных сил. Человеческий взор направлялся от физического света к физической тьме.

Были некоторые мистерии, в которых ученикам говорилось: теперь вы должны взирать на полуночное Солнце, вы должны видеть Солнце сквозь Землю. Если очи вашей души наполнены силой, позволяющей следить за растениями и низшими животными в Земле — значит, Земля сама станет прозрачной для глубочайшего вашей души. — Когда силы Земли наиболее сжаты, человек может видеть сквозь Землю, которая как бы одухотворена в себе самой, и созерцать Солнце как полуночное Солнце, в то время как в период летнего солнцестояния человек взирал на Солнце своими физическими чувствами, когда он обращал свой взор с Земли в Космос.

Взирать на Солнце в полуночный час глубокой зимой было тем, чему должны были научиться ученики посвященных Бога Года. И их обязанностью было раскрыть тайны, открытые им полуночным Солнцем, тем, кто хотя и был верным последователем мистерий, но сам не мог достичь посвящения, не мог стать учеником мистерий.

И все чаще и чаще случалось в эти древние времена, что когда посвященные указывали на Солнце в полночный час в глубокую зиму, они вынуждены были говорить своим ученикам, что человек на Земле чувствует свое "Я" некоторым образом покинутым и брошенным. Праздник зимнего солнцестояния становился для владеющих величайшим познанием все более и более праздником печали и траура, потому что он приносил им знание, что человек в физически-земном бытии не может найти пути к своему "Я". Из того, что будет прочтено в знаках, написанных на земле Логосом во время зимнего солнцестояния, он должен был узнавать, что он со своим "Я" был покинут Космосом, потому что в это время он осознает одну только Землю, а то, к чему стремится его "Я", мощь Солнца, скрыто от него Землей. Солнце действительно появляется в полуночный час, но человек чувствует, что сила, помогающая ему достичь солнечной сущности, постепенно убывает. В то же самое время самый факт осознания человеком таким образом одиночества человеческого "Я" в Космосе было пророческим указанием

на то, что Солнечное Существо придет на Землю, пронижет человеческое существо в ходе человеческой эволюции, придет, чтобы исцелить человечество, страдающее от своего одиночества во Вселенной.

Но тем самым указывали на то событие в развитии человечества, которое зимний праздник печали и траура преобразит, и особенно для южных народов, силой Пришествия Христа на Землю в праздник внутренней душевной радости. И на то, что тут открывалось, в то время как Солнечное Существо сходило из мировых далей в земное бытие, те, кто возвещали это Событие, еще указывали в символах, говоря, что ко всем людям Земли пришла весть, что древний праздник траура теперь преображается в праздник радости. В самых глубинах сердец пастухов, где плетутся их сны, звучали слова:

"Божество открыло себя
в высотах мировых далей,
и мир воцарится на Земле
в людях доброй воли."

Таково было провозвестие в сердцах простых пастухов. — А на другом полюсе, к тем, кто был наиболее глубоко насыщен магическим познанием, в ком сохранялись остатки древней звездной мудрости, смогло прийти послание о вхождении космического духа в земную материю.

Сегодня, когда мы говорим о мистерии Рождества, мы должны подумать, что было пережито при этом на фоне древнего праздника страданий и печали; мы должны подумать о том, как в ходе человеческой эволюции в нее вошла сила, с помощью которой человек может вырваться изо всего того, что приковывает его к Земле. Мы должны быть в состоянии сформулировать рождественскую мысль таким образом, чтобы сказать себе: инспирации Бога Года, открывавшего посвященным, как в глубине зимы Земля отрывается от Вселенной и входит в период самосозерцания — эти инспирации все еще верны; человек еще может понять, как тайна человеческого "Я" связана с тайной года. Но из своего человеческого прови-

дения, из своего проницательного чувства, из мудрости своего сердца он может окружить себя образами входящего в земную человеческую жизнь Христа Иисуса, может научиться переживать во всей их глубине мысли Святой Ночи. Но он только тогда сможет истинно переживать их, если имеет волю следовать за открывающимся Христом во все века.

Задачей посвященных древней науки посвящения было раскрытие тайн человеческой природы посредством глубокого понимания течения года. Мы также должны понять, что раскрывает год, но мы также должны быть в состоянии проникнуть во внутреннюю природу человека. И когда мы действительно видим внутреннюю природу человека — а это показывает нам антропософская духовная наука, — то буквы, написанные в сердце и легких, в мозгу и во всех иных частях человеческого организма, раскрывают нам тайны Космоса, так же как эти тайны раскрывались людям, инспирированным Богом Года, в знаках Логоса, которые они читали в почках растений, в животных, в их образе жизни на Земле. Мы в наше время учимся всматриваться в человека. Внутреннее человека должно стать для нас письменами, и тогда из внутреннего существа человека мы вычитаем саму человеческую эволюцию. Но тогда мы придаем смысл этому человеческому развитию, тогда через внутреннее видение мы должны соединить себя с духовными силами, которые струятся и вплетаются в эволюцию человечества. А так как эта эволюция все движется вперед, мы должны Мистерию Голгофы, Мистерию Святой Ночи, заново переживать в каждую эпоху. Мы должны понять полные глубокого значения слова, сказанные Духом, искавшим для Себя тело, рожденное в Вифлееме в Рождественскую ночь: "Вот, я всегда с вами, даже до скончания Земли." Мы должны иметь также духовный слух для постоянно открывающего себя через существо самого человека Логоса. Человечество должно учиться слушать инспирации этого Бога человечества, являющегося самим Христом, как в давние века научились слышать инспирации Бога Года.

Человечество не ограничится тогда созерцанием того, что передается Библией в отношении духовного пре-

бывания на Земле Христа Иисуса, но поймет, что с тех пор Христос соединил Себя с человеком в земной жизни, что Он постоянно открывает Себя тем, кто проявляет желание слушать. Человечество нашего времени учится понимать, что как когда-то рождественский праздник последовал за празднованием дня Михаила осенью, так и за откровением Михаила, начавшемся в осеннее время с последней трети девятнадцатого столетия, последует священный рождественский праздник, через который люди придут к пониманию духовного рождения, необходимого в их пути по Земле, чтобы одухотворенная Земля когда-нибудь смогла преобразиться в будущие формы. Мы живем сейчас в век, когда не просто за ежегодным праздником дня Михаила следует ежегодный рождественский праздник, но когда мы должны понять в глубинах наших душ, из особенностей нашей человеческой природы откровение Михаила в последнюю треть девятнадцатого столетия, а затем искать путь, ведущий к истинному рождественскому празднику, когда вместе с растущим познанием духа мы будем пронизаны этим познанным духом.

Тогда мы поймем слова Евангелия: "Я еще многое имею сказать вам, но теперь вы не можете вместить." Человечество так устроено, что оно в состоянии выносить все больше и больше из учения Христа. Человечество предрасположено не только слушать тех, кто препятствует прогрессу, кто указывает на то, что когда-то было сухими буквами написано о Мистерии Голгофы, и не желает, чтобы мощь этой Мистерии раскрылась людям как реально живущая в веках. Сегодня не время слушать тех, кто хочет оставаться в бездействии в весеннем времени мира, которое раскрывает внешнюю физическую природу в самом ее блестящем великолепии, но не может раскрыть духовное. Сегодня настало время, когда должен быть найден путь от праздника Михаила к празднику зимнего солнцестояния, в котором должно будет взойти Солнце Духа. Мы никогда не сможем найти этот путь, если в человечески-земном становлении поддадимся иллюзии, что есть свет во внешней жизни, во внешней цивилизации, во внешней культуре современности; мы должны понять, что в этих сферах есть только тьма. Но в этой тьме мы

должны искать свет, который воля Христа принесла в мир через Иисуса.

Последуем же с тем же самым благоговением, с которым пастухи и маги с Востока искали путь к яслям в эту рождественскую ночь — с тем же благоговением последуем знакам, которые можно прочесть в существе самого человека, в буквах, которые пока еще неясны, но будут становиться все яснее и яснее. Тогда нам будет заново даровано празднование Тайны Христа Святой Ночи. Но это случится, только если мы будем искать во тьме свет.

В наше время мы часто называем наукой не то, что объясняет мир — "объяснить" значит осветить ясным светом, — сегодня зачастую наукой называют не то, что объясняет, но то, что затемняет, затуманивает. Эту тьму должен постичь свет. Если люди постараются с глубочайшим чувством и с большой силой воли в этой тьме, действительно окружающей нас, найти свет Духа, то он воссияет, как воссияли звезды небесные, объявляя рождение Иисуса пастухам и магам.

Мы должны научиться вводить рождественские мысли в историческое становление человечества. Мы не должны ожидать Мессии, нового Христа. Многое было открыто человечеству природой, что в течение последних столетий увело людей глубоко во тьму материи, и мы должны ждать того, что теперь может быть открыто человечеству через понимание вечно живущего Христа Иисуса. Мы не должны связывать рождественские мысли с общепринятым годичным праздником, но должны сделать их подвижными и лучащимися, так что они будут сиять для нас как Вифлеемская звезда.

Об этом свете, об этой сияющей звезде хотел я говорить с вами, мои дорогие друзья, в этот рождественский сочельник. Я хотел сделать что-нибудь, чтобы вы с волей, которую слабо, но серьезно воодушевляет антропософская духовная наука, чтобы вы соединили с этой волей ту другую волю, волю последовать за той звездой, которая поистине сияет для людей в Святую Ночь.

В глубокой и интимной тишине пронизать себя этим Светом с сегодняшнего дня до завтрашнего — это самое глубокое посвящение Рождеству в наше время. Все осталь-

ное в действительности не более чем внешний знак этого истинного рождественского чувства, которое вы пронесете от этого рождественского вечера до завтрашнего рождественского утра. Тогда эта Святая Ночь будет для нас не просто символом, но таким символом, который может стать живой силой. И мы должны также помнить о том, как глубоко следует нам соединиться с духовным стремлением, которое ведет всех правых людей в будущее и в то же время является истинным рождественским стремлением — стремлением к Духу, который явил волю воплотиться в тело, рожденное в Вифлееме в историческую Рождественскую Ночь.

ДЕСЯТЫЙ ДОКЛАД

Дорнах, 29 декабря 1922

Доклады, которые я читал непосредственно перед Рождеством, были призваны указать на связь человека со всем Космосом, и особенно с тем, что наполняет и пронизывает Космос как душевно-духовные силы. Сегодня я в некотором смысле снова обращусь к этому, но с независимым, самостоятельным рассмотрением.

Жизнь человека, поскольку она состоит из переживаний как внешней природы, так и внутренней жизни человеческой души и человеческого духа, лежит между двумя полюсами; и многие мысли, которые с необходимостью приходят к человеку в отношении его связи с миром, находятся под влиянием этих двух полярностей.

С одной стороны, человеческому мышлению и чувствованию противостоит так называемая "естественная необходимость". Он чувствует себя зависимым от жестких законов, с которыми он сталкивается повсюду во внешнем мире и которые пронизывают также и его, так как его физическое и эфирное тела включены в этот внешний мир.

С другой стороны, в нем живет ощущение — и это ощущение должно возникать у каждой здравой человеческой натуры, — что его достоинство как человека будет не полностью достигнуто, если свобода не станет неотъемлемым элементом его жизни между рождением и смертью. Необходимость и свобода — вот два противоположных полюса.

Вы знаете, что в век естествознания — я говорил об этом в докладах другого цикла — имеется очень сильная тенденция распространить влияние необходимости, которая повсюду очевидна во внешней природе, на то, что

возникает в самом человеческом существе; и многие представители научности пришли к тому, что рассматривали свободу как нечто невозможное, как иллюзию, существующую только в человеческой душе, потому что когда человеку с его волей предстоит принять решение, на него с обеих сторон с необходимостью действуют доводы, с одной стороны доводы "за", с другой доводы "против". И решение, в соответствии с этим воззрением, принимает, в сущности, не человек, но, в конечном счете, те доводы, которые представляются более многочисленными и более вескими. Они торжествуют над другими, менее многочисленными и менее вескими доводами, которые также с известной необходимостью влияют на человека. Таким образом, человек беспомощно, можно сказать, увлекается теми с необходимостью действующими на него импульсами, которые побеждают в этой борьбе. Многие представители этого образа мышления говорили, что человек верит в свою свободу только потому, что полярно противоположные доводы "за" и "против" представляют в своей совокупности нечто столь сложное, что он не замечает, как становится существом, мечущимся туда-сюда; одна категория доводов в конце концов торжествует; одна чаша в тонком равновесии весов перевешивает, и он увлекается вместе с ней.

Этому противостоит не только этический аргумент, что достоинство человека в мире не будет достигнуто, если он окажется просто игрушкой конфликтующих импульсов "за" и "против", но также и тот факт, что чувство свободы в человеческой воле столь сильно, что для человека беспристрастного несомненно: если можно быть какой-либо теорией введенным в заблуждение относительно этого чувства свободы, то равным образом можно быть введенным в заблуждение относительно самых элементарных чувственных восприятий. Если элементарное переживание свободы в сфере человеческих чувств будет объявлено ложным, таким же может быть объявлено и переживание красного цвета или, например, какого-либо тона, и тому подобное. Многие представители современного естествознания столь высоко ценят теорию, что не допускают исключений из теории естественной необходимости, которую считают абсолютной, включающей также

и человеческие поступки, и человеческую волю, что соблазняет их полностью игнорировать переживания, подобные чувству свободы!

Но эта проблема необходимости и свободы, со всеми сопутствующими явлениями в душевной жизни — а эти явления разнообразны и многочисленны — является проблемой, связанной со значительно более глубокими аспектами хода мировых событий, нежели те, что доступны естествознанию или повседневным непосредственным переживаниям человеческой души. Ибо уже в те времена, когда человеческие взгляды были совершенно отличны от нынешних, эти беспокоящие, вызывающие множество сомнений вопросы уже стояли перед человеческой душой.

Вы могли увидеть из этого второго курса докладов, читаемого здесь в настоящее время, что естественнонаучное мышление современности вовсе не такое уж древнее. Когда мы возвращаемся к более ранним временам, мы находим, что мировые взгляды были столь же односторонне духовны, как они стали теперь односторонне натуралистичны в наши дни. И чем дальше мы возвращаемся, тем меньше находим мы в человеческих воззрениях того, что сегодня называется "природной необходимостью". Даже в раннем греческом воззрении не было ничего из того, что теперь мы называем природной необходимостью, так как греческая необходимость имела совершенно иное значение.

Но если мы вернемся еще дальше, мы найдем, что место природной необходимости занимали действующие силы, которые всецело приписывались божественно-духовному провидению. Выражаясь упрощенно, я могу сказать, что для современного научного мыслителя все творят силы природы, в то время как мыслитель древних времен представлял себе все как деятельность духовных сил, действующих по определенному плану, как это делает и человек, но их цели значительно более широкие, чем это возможно для человека. Но и в этом, всецело спиритуальном мышлении человек обращал свой взор на заданность своей воли посредством божественно-духовных властей, и как сегодня он в естественнонаучном смысле ощущает ее определяемой силами и законами природы, так в те времена он находил ее определяемой божествен-

но-духовными силами и законами. И для многих, кто был детерминистом в этом древнем спиритуальном смысле, свобода человека хотя и была непосредственным переживанием, но значила столь же мало, как и для сегодняшнего натуралиста. Сегодня натуралист думает: в человеческих поступках действует природная необходимость. Тогдашний спиритуалист думал: в человеческих поступках действуют божественно-духовные силы в соответствии со своими целями.

Нужно только признать, что проблема свободы и необходимости существует в обоих этих совершенно противоположных воззрениях на мир, и тогда станет ясно: никаким наблюдением внешней стороны вещей и явлений не прийти к разрешению этой проблемы, столь глубоко проникающей во всю жизнь и во все мировое развитие. — Мы должны более глубоко вглядеться в ход мировых процессов — мировой эволюции как эволюции природы, с одной стороны, и мировой эволюции как проявления духа, с другой стороны, — прежде чем станет возможным охватить полное значение и смысл столь животрепещущей проблемы; а это может прийти только из антропософского образа мыслей.

Течение природы обычно изучается на редкость ограниченным образом. Сегодня природные явления исследуют так, что изолированные события и процессы сугубо специального рода изучаются в лабораториях, вносятся в поле зрения телескопов или вовлекаются в эксперименты, и тем самым наблюдение течения природы и мирового развития ограничивают очень узкими пределами. А те, кто изучают душевное и духовное, подражают ученым-натуралистам. Они избегают принимать во внимание целостного человека, когда рассматривают его душевную жизнь. Вместо этого они "специализируются", чтобы акцентировать какую-либо отдельную мысль или ощущение, зачастую малосвязанные, и надеются когда-нибудь построить из этих частностей психологию, подобно тому как пытаются образовать воззрение на мир физического, исходя из отдельных наблюдений и отдельных экспериментов, проводимых в химических и физических лабораториях, клиниках и тому подобных местах.

Однако в действительности все эти наблюдения никогда не приводят к исчерпывающему пониманию ни физического, ни духовно-душевного мира. В мои намерения не входит пренебрежительно отзываться об оправданности этих специальных исследований — они оправданны с точки зрения, часто упоминавшейся в моих докладах. Но столь же твердо должно быть подчеркнуто, что до тех пор, пока сам мир, сама природа не раскроются человеку тем или иным путем, который проистекает из взаимодействия отдельных частей, он никогда не будет в состоянии построить из отдельных наблюдений и экспериментов картину мира, подтверждаемую действительным ходом вещей.

Клетки печени и микроскопическая деятельность печени, клетки мозга и микроскопическая мозговая деятельность могут исследоваться, и все большая и большая специализация может быть достигнута в этих областях — но эти исследования, поскольку они ведут к частностям, а не к целому, не помогут сформировать взгляд на человеческий организм в его целостности, если только человек с самого начала не имеет исчерпывающей интуитивной идеи об этой целостности, могущей помочь ему соединить отдельные исследования в единое целое. Равным образом химия или астрохимия, физика, астрофизика или биология, пока они ограничиваются исследованием изолированных частностей, будут не в состоянии представить, как различные силы и законы в нашем мировом окружении совместно работают для образования целого, если только человек не разовьет способности наблюдать во внешней природе нечто подобное тому, что можно видеть в целостности человеческого организма, в который включены частные процессы легких, почек, сердца, мозга и т. д. А это зависит от того, можем ли мы где-то в мировом существе указать нечто, в чем совместно работают все силы, наблюдаемые нами в нашем окружении, для образования завершенного целого.

Не правда ли, мы можем сказать: может случиться, что некоторые процессы в человеческой печени или человеческом мозге лишь много позже будут открыты так, что получат биологическое объяснение. — Но в любом

Однако в действительности все эти наблюдения никогда не приводят к исчерпывающему пониманию ни физического, ни духовно-душевного мира. В мои намерения не входит пренебрежительно отзываться об оправданности этих специальных исследований — они оправданны с точки зрения, часто упоминавшейся в моих докладах. Но столь же твердо должно быть подчеркнуто, что до тех пор, пока сам мир, сама природа не раскроются человеку тем или иным путем, который проистекает из взаимодействия отдельных частей, он никогда не будет в состоянии построить из отдельных наблюдений и экспериментов картину мира, подтверждаемую действительным ходом вещей.

Клетки печени и микроскопическая деятельность печени, клетки мозга и микроскопическая мозговая деятельность могут исследоваться, и все большая и большая специализация может быть достигнута в этих областях — но эти исследования, поскольку они ведут к частностям, а не к целому, не помогут сформировать взгляд на человеческий организм в его целостности, если только человек с самого начала не имеет исчерпывающей интуитивной идеи об этой целостности, могущей помочь ему соединить отдельные исследования в единое целое. Равным образом химия или астрохимия, физика, астрофизика или биология, пока они ограничиваются исследованием изолированных частностей, будут не в состоянии представить, как различные силы и законы в нашем мировом окружении совместно работают для образования целого, если только человек не разовьет способности наблюдать во внешней природе нечто подобное тому, что можно видеть в целостности человеческого организма, в который включены частные процессы легких, почек, сердца, мозга и т. д. А это зависит от того, можем ли мы где-то в мировом существе указать нечто, в чем совместно работают все силы, наблюдаемые нами в нашем окружении, для образования завершенного целого.

Не правда ли, мы можем сказать: может случиться, что некоторые процессы в человеческой печени или человеческом мозге лишь много позже будут открыты так, что получат биологическое объяснение. — Но в любом

случае, глядя на другого человека, люди могут и вправе говорить: то, что участвует во взаимообмене в печени, в желудке, в сердце, действует в границах человеческой кожи, образуя человеческое целое. Не имея нужды всматриваться в частности, мы имеем перед собой как законченное целое совокупность того, что принимается во внимание для человеческой природы в химических, физических и биологических проявлениях.

Возможно ли также иметь перед собой, как законченное целое, совокупность сил и законов природы, которые действуют вокруг нас? Некоторым образом это возможно. Но чтобы не быть неправильно понятым, я должен подчеркнуть, что такие тотальности всегда, конечно, относительны. Например, мы можем объединить вместе все процессы наружного уха и иметь относительное целое. Но мы также можем сгруппировать все процессы той части органа слуха, которые продолжаются в мозг, и будем иметь другое относительное целое. Соединив то и другое, мы получим другое, еще большее относительное целое, которое, в свою очередь, принадлежит к голове, а последняя ко всему организму. Так будет и когда мы попытаемся охватить в едином полном образе все человеческое как все те законы и силы, которые прежде всего принимаются во внимание для человека.

Можно сказать, что первой подобной тотальностью является цикл дня и ночи. Как бы это ни парадоксально звучало на первый взгляд, в этом цикле дня и ночи собрано вместе в единое целое множество естественных законов, окружающих нас. Во время смены дня и ночи в нашем окружении происходят и проникают в нас процессы, которые, взятые в отдельности, представляют собой различные химические и физические процессы и тому подобное. Мы можем сказать: цикл дня является своего рода организмом времени, временным организмом, охватывающим значительное число естественных процессов, которые могут быть изучаемы по отдельности.

Еще большей тотальностью является цикл года. Если мы проследим все изменения, которым подвергается Земля и человечество в течение года в сфере, внешне нас окружающей — например, только в атмосфере, — мы найдем,

что все процессы, происходящие в растениях, а также в минералах, образуют от одной весны до другой в своей последовательности во времени некое органическое целое, хотя в иных случаях они раскрываются нам и различным научным исследованиям как отдельные явления. Они образуют целое точно так же, как процессы, имеющие место в легких, почках, селезенке и тому подобном, образуют целое в человеческом организме. Течение года есть действительно органическое целое — выражение не вполне точное, но нужно же употребить какие-то слова — течение года есть органическая совокупность явлений, которые естествознание привыкло рассматривать по отдельности.

Можно сказать, несколько поверхностно, но при этом подразумеваются очень глубокие вещи, и вы это почувствуете: чтобы иметь не то абстрактное отношение к природному окружению, которое имеет место при описании химических и физических экспериментов, или в том, чему учит современная ботаника и зоология, человек должен сегодня в Космосе видеть организм годового круговорота, организм течения дня и ночи. Тогда он как бы найдет себе соответствие. — И чтобы найти это соответствие, нам нужно нечто рассмотреть.

Начнем прежде всего с годового цикла. Рассматривая его, как мы сделали это в лекции перед Рождеством, мы найдем ряд процессов в прорастающих, проросших растениях, в результате которых возникают зеленые листья, а затем цветы. Бесчисленное множество естественных процессов разыгрываются в жизни корней, в жизни зеленых листьев и окрашенных лепестков. И мы видим совершенно другой род процессов, когда осенью наблюдаем увядшую, отцветающую и умирающую природу. Действительно окружающие нас космические события образуют органическое единство. Летом мы переживаем на Земле рост всего, включая и животный мир, особенно низших животных. Рассмотрите, как деятельно и как все кишит в мире насекомых летом, как кажется эта деятельность поднимающейся вверх от Земли и отдающейся Космосу, особенно силам, приходящим от Солнца. Мы видим здесь, что Земля как бы раскрывает все свои органы

мировым далям и тем самым из Земли возникают восходящие процессы и направляются в Космос. В течение осени и зимы мы видим, как все, что, начиная с весны, раскрывалось и поднималось в космические просторы, вновь падает назад в земную область, как Земля, можно так сказать, постепенно увеличивает свою власть над растущей жизнью, приводит ее постепенно к состоянию своего рода кажущейся смерти, или, по меньшей мере, к состоянию сна — как Земля закрывает все свои органы от влияния Космоса. Здесь мы видим в течение года две полярности, охватывающие многие частности, но представляющие собой завершенное целое.

Если мы обращаем душевный взор на этот годичный цикл — который можно рассматривать как завершенное целое, потому что он с определенной точки просто повторяет себя, разыгрываясь снова приблизительно тем же образом, — мы не найдем в нем ничего, кроме природной необходимости. И в ходе нашей собственной земной жизни мы, люди, следуем этой естественной необходимости. Если бы мы во всем ей следовали, мы совершенно бы подчинились этой необходимости. В круговороте года, это верно, прежде всего проявляются те природные силы и природные власти, которые нами, людьми, как земными жителями принимаются во внимание, поскольку Земля меняется не столь быстро. В последующие дни мы обратимся к другому циклу, но Земля меняется не так быстро, чтобы мельчайшие изменения, происходящие от года к году, становились заметны в течение человеческий жизни, как бы долго он ни прожил. Поэтому каждый год, проживая поочередно весну, лето, осень и зиму, мы разделяем нашими телами природную необходимость.

Важно рассматривать таким образом, ибо только действительный опыт дает реальное познание; никакая теория не может этого сделать. Любая теория возникает в какой-нибудь специальной области, а затем переходит к обобщениям. Истинное познание достигается только тогда, когда возникает из жизни и переживаемого опыта. Мы не можем рассматривать законы тяготения сами по себе, так же как и законы растительной жизни, законы

животного инстинкта или законы непреложности человеческого мышления, потому что делая это, мы думаем только о частностях, обобщаем их и затем приходим к совершенно неверным заключениям. Мы должны думать о том, где силы природы раскрываются в своем сотрудничестве и взаимной деятельности — а это происходит в циклическом течении года.

Даже поверхностное наблюдение показывает, что человек относительно свободен от течения года, но антропософское рассмотрение указывает на это еще яснее. В антропософии мы обращаем внимание на два последовательных состояния, в которых каждое человеческое существо живет в течение двадцати четырех часов — а именно, состояние сна и состояние бодрствования. Мы знаем, что в бодрственном состоянии физическое, эфирное и астральное тела и "Я"-организм образуют относительное единство в человеческом организме. В состоянии сна физическое и эфирное тела остаются в постели, тесно переплетенными, а "Я" и астральное тело находятся вне физического и эфирного тел. Если средствами, предоставляемыми антропософским исследованием — о которых вы читали в нашей литературе, — мы изучаем физическое и эфирное тела человека во время сна и во время бодрственной жизни, то получается следующее.

В то время как "Я" и астральное тело находятся во время сна вне физического и эфирного тел, в физическом и эфирном организме начинается жизнь, находимая во внешней природе только в минеральном и растительном царствах. Начинается минеральная и растительная жизнь. И если физический и эфирный организмы человека все же не сводятся постепенно к сумме растительных и минеральных процессов, это происходит потому, что они организованы так, как это соответствует время от времени находящимся в них "Я" и астральному телу. Если возвращение "Я" и астрального тела слишком задерживается, то физическое тело и эфирное тело перейдут в минеральную и растительную форму жизни. При существующем положении тенденция стать растительным или минерализованным начинается в человеке после засыпа-

животного инстинкта или законы непреложности человеческого мышления, потому что делая это, мы думаем только о частностях, обобщаем их и затем приходим к совершенно неверным заключениям. Мы должны думать о том, где силы природы раскрываются в своем сотрудничестве и взаимной деятельности — а это происходит в циклическом течении года.

Даже поверхностное наблюдение показывает, что человек относительно свободен от течения года, но антропософское рассмотрение указывает на это еще яснее. В антропософии мы обращаем внимание на два последовательных состояния, в которых каждое человеческое существо живет в течение двадцати четырех часов — а именно, состояние сна и состояние бодрствования. Мы знаем, что в бодрственном состоянии физическое, эфирное и астральное тела и "Я"-организм образуют относительное единство в человеческом организме. В состоянии сна физическое и эфирное тела остаются в постели, тесно переплетенными, а "Я" и астральное тело находятся вне физического и эфирного тел. Если средствами, предоставляемыми антропософским исследованием — о которых вы читали в нашей литературе, — мы изучаем физическое и эфирное тела человека во время сна и во время бодрственной жизни, то получается следующее.

В то время как "Я" и астральное тело находятся во время сна вне физического и эфирного тел, в физическом и эфирном организме начинается жизнь, находимая во внешней природе только в минеральном и растительном царствах. Начинается минеральная и растительная жизнь. И если физический и эфирный организмы человека все же не сводятся постепенно к сумме растительных и минеральных процессов, это происходит потому, что они организованы так, как это соответствует время от времени находящимся в них "Я" и астральному телу. Если возвращение "Я" и астрального тела слишком задерживается, то физическое тело и эфирное тело перейдут в минеральную и растительную форму жизни. При существующем положении тенденция стать растительным или минерализованным начинается в человеке после засыпа-

ния, и эта тенденция преобладает в нем в течение его жизни во сне.

Если с помощью тех средств, которые доставляет антропософское исследование, мы вглядываемся в спящее человеческое существо, мы видим в нем — конечно, с неизбежными вариациями — точное отображение того, что представляет Земля во время весны и лета. В нем прорастают и расцветают минеральная и растительная жизнь, хотя, естественно, совершенно иным образом, чем это происходит с зелеными растениями, растущими на Земле. И все же с одним отклонением, можно сказать, то, что происходит во время сна в физическом и эфирном организме человека, является точным отражением периодов весны и лета на Земле. Человек настоящей эпохи организован в полном созвучии с внешней природой. Он может своим физическим взором наблюдать эту внешнюю природу. Он видит растущую, расцветающую жизнь. Как только он достигает инспирации и имагинации, картина лета раскрывается ему просто посредством сна спящего физического человека. Сон означает, что для физического и эфирного тел человека начинаются весна и лето. Начинается растущая, цветущая жизнь.

А когда он пробуждается, когда "Я" и астральное тело возвращаются, вся эта растущая и цветущая жизнь в физическом и эфирном телах ослабевает, и для яснодящего взора жизнь в физическом и эфирном организмах начинает быть очень схожей с жизнью на Земле во время осени и зимы. Когда мы проследим человека через полный период сна и бодрственной жизни, мы имеем перед собой в малом действительное микрокосмическое отражение весны, лета, осени и зимы. Если мы проследим духовнонаучно человеческий физический и эфирный организм в течение двадцати четырех часов, мы пройдем, в микрокосмическом смысле, через все течение года. Так что рассматривая только ту часть человека, которая остается в постели во время сна или движется днем, мы можем сказать, что в нем микрокосмически совершается круговорот года.

Рассмотрим теперь другую часть человеческого существа, которая освобождается во сне, "Я" и астральное

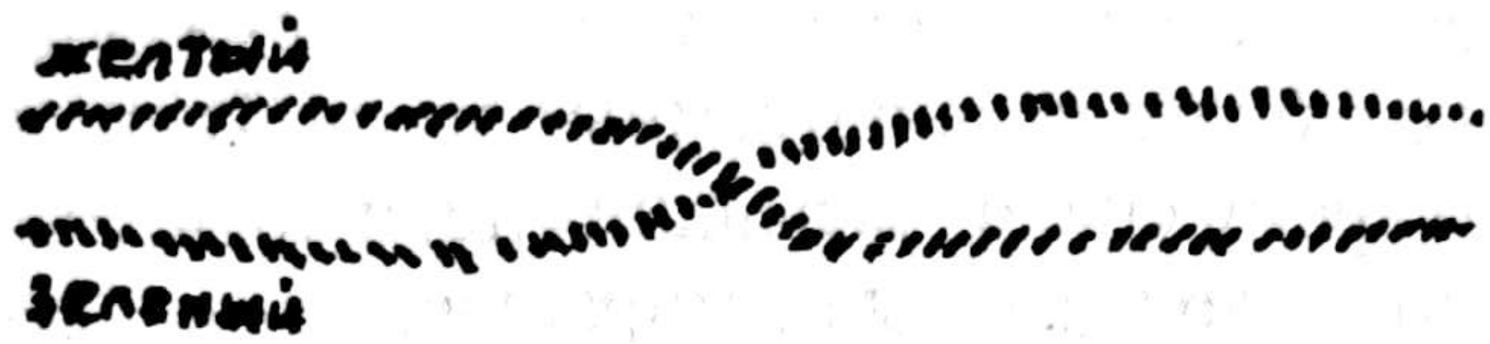
тело. Если мы опять прибегнем к средствам, предоставляемым духовнонаучным исследованием, то есть к инспирации и интуиции, мы найдем, что "Я" и астральное тело отдаются, когда человек спит, духовным силам, жить среди которых сознательно они смогут в нормальных условиях только в более поздние земные эпохи. И мы должны сказать: во время сна, от засыпания до пробуждения, "Я" и астральное тело удалены от мира, как Земля удалена от Космоса в течение зимы. — Во время сна "Я" и астральное тело находятся в действительности в своем зимнем периоде. Таким образом, в существе человека во время его сна имеется смешение условий, существующих одновременно лишь на противоположных полушариях земной поверхности; ибо во сне у физического и эфирного тел лето, а у "Я" и астрального тела зима.

Во время бодрственной жизни условия обратны. Физический и эфирный организмы находятся тогда в своем зимнем периоде. "Я" и астральное тело отданы тому, что может струиться из Космоса к человеку во время его бодрствования. Поэтому когда "Я" и астральное тело входят в физический организм, они находятся в своем летнем периоде. Снова мы имеем одновременно зиму для физического и эфирного организмов, лето для "Я" и астрального тела.

Если вы рассматриваете Землю, то на Земле лето и зима должны простираться на различные области, на Земле зима и лето не могут смешаться. Но в человеке зима и лето микрокосмически все время перемешиваются. Когда человек спит, его физическое лето перемешивается с духовной зимой; когда он бодрствует, его физическая зима смешивается с духовным летом. Во внешней природе человек имеет зиму и лето разделенными в ходе года. В человеке зима и лето все время смешиваются в двух различных направлениях.

Во внешней природе Земли зима и лето, если изобразить схематически, наступают поочередно для отдельной земной области, то есть здесь следование во времени.

Для человеческого же существа я должен эти два потока изобразить один подле другого, но по-своему, я должен их изобразить так:



В человеческом существе зима и лето одновременны, только они чередуются так, что в одни моменты мы имеем духовное лето вместе с телесной зимой, а в другие — духовную зиму вместе с телесным летом.

Так законы и силы внешней природы вокруг нас не могут нейтрализовать друг друга в какой-либо области Земли, потому что они действуют последовательно, друг за другом во времени; но в человеке они нейтрализуют друг друга. Ход природы таков, что так же, как под действием двух противоположных сил может быть достигнуто состояние покоя, так неисчислимое количество естественных законов взаимонейтрализуются и аннулируются. Это происходит в человеческом существе в отношении всех законов внешней природы, если он спит и бодрствует правильным образом.

Поскольку таким образом то, что проявляется как природная необходимость, когда следует друг за другом во времени, в человеке проявляется одновременно и соответственно нейтрализуется, это делает его свободным существом. Понимание свободы никогда не сможет возникнуть, пока не будет понято, как зима и лето человеческой духовной жизни могут нейтрализовать соответственно лето и зиму его физическо-эфирной внешней природы.

Внешняя природа, когда мы вглядываемся в нее, представляет нам образы, которые мы не можем видеть в самих себе ни в спящем, ни в бодрственном состоянии. Мы никогда не должны наблюдать это в себе, но мы должны сказать, что в человеке эти образы круговорота природы теряют свою силу, и мы должны обратить свой взор на нечто другое. — И когда нас более не тревожит течение природы внутри человеческого организма, впервые

становится возможным вглядеться в духовно-морально-душевный склад человека. И тогда возникает этическая, моральная связь с человеком, подобно тому как мы имеем природную связь с природой.

Когда мы созерцаем наше собственное существо с помощью познания, достигнутого таким путем — и есть еще много других вещей, которые могут быть охарактеризованы подобным образом, — мы находим вложенным одно в другое состояния, которые во внешнем мире распределены в потоке времени. Если мы созерцаем наше внутреннее существо и понимаем его в правильном смысле, на который я указывал сегодня, мы иначе связываем его с течением времени, нежели привыкли сегодня.

Чисто внешняя манера научного наблюдения не достигнет стадии, на которой исследователь может сказать: в существе человека вы должны слышать звучащими вместе то, что можно слышать как отдельные звуки в течение времени. — Но если вы развиваете духовное слышание, звуки лета и зимы могут быть слышимы звучащими одновременно в человеке, и это те же самые звуки, которые мы слышим во внешнем мире, когда мы входит в поток самого времени. — Время становится пространством. Вся окружающая Вселенная также звучит нам во времени; раскинувшись широко в пространстве, звучит вдаль то, что рождается из нашего собственного существа, как из центра, как бы собранное в единой точке.

Тут наступает момент, мои дорогие друзья, когда научное изучение и созерцание становятся художественным изучением и созерцанием; когда наука и искусство более не противостоят друг другу, как это имеет место в наш натуралистический век, но когда они взаимосвязаны так, как это, например, очень сильно и тонко прочувствовал Гете, когда сказал: искусство раскрывает те тайны природы, без которых мы никогда не сможем полностью понять ее. — Начиная с определенного момента, становится настоятельной необходимостью, чтобы мы поняли художественный облик мира. И как только мы вступили на путь от чисто научной концепции мира к его художественному пониманию, мы готовы уже сделать третий шаг, ведущий к углублению религиозного переживания.

Когда мы находим в центре своего существа совместно действующие физические, душевные и духовные мировые силы, мы можем увидеть их также вовне, в Космосе. Человеческое воление возвышается до художественной творческой силы, и в конце концов достигает такой связи с миром, которая становится не просто пассивным познанием, но позитивной, деятельной преданностью, которую можно охарактеризовать, сказав: человек смотрит на мир уже не абстрактно, не силами своей головы, но его все больше и больше силами всего своего существа. Жизнь вместе с ходом космического бытия становится событием совершенно иного рода, чем связь с явлениями и событиями повседневной жизни. Совместная жизнь с ходом мирового бытия становится ритуалом, культом, и возникает космический культ, в котором человек может участвовать в любой момент своей жизни.

Всякий земной культ является отражением этого космического культа. Этот космический культ выше и величественнее всех земных культов. Если то, что было сказано сегодня, будет правильно воспринято, станет возможным изучение связей антропософского взгляда на мир с любым отдельным религиозным культом. И это должно быть сделано в течение ближайших дней: рассмотрение связей между антропософией и различными формами культов.

ОДИННАДЦАТЫЙ ДОКЛАД

Дорнах, 30 декабря 1922

Я часто говорил здесь, что в более древние времена в развитии человечества наука, искусство и религия образовывали гармоническое единство. И кто в состоянии тем или иным образом познать природу древних мистерий, тот знает, что в этих мистериях знание, познание искалось как откровение духовного в образных формах — так, как это было возможно в те времена. Этот путь не может быть более нашим, хотя в наш век мы должны снова продвигаться к познанию духовной природы мира.

Образное познание духовного лежит в основе всех древних концепций мира. Такое познание духовного непосредственно изживало себя, но это было не просто словесным сообщением, а тем, что постепенно стало формой нашего искусства — как телесно-образное представление в пластических искусствах, как звуки и слова в музыкальном искусстве и искусстве речи. Но за этой второй стадией последовала третья: откровение природы мира в религиозном культе, откровение, посредством которого весь человек чувствовал себя поднятым к божественно-духовной основе мира — не только в мысли, не только в чувстве, как это происходит в искусстве, но так, что мысли, чувства и даже глубочайшие импульсы воли подчиняются в благоговейной преданности этому божественно-духовному принципу. И жертвоприношения, культовые обряды были призваны одухотворить внешние поступки человеческой воли. Люди чувствовали живое единство в науке, какой она тогда понималась, искусстве и религии.

Идеалом духовной жизни современности должно быть достижение вновь познания, могущего воплотить то,

что предчувствовал уже Гете: познания, которое возвышается к искусству, не символическому или аллегорическому искусству, но к истинному искусству, к творческой, образующей деятельности в звуках, словах — но которое также и углубляется до религиозного переживания. Только тот, кто так понимает антропософскую духовную науку, что видит в ней этот импульс, может понять ее истинную сущность. Разумеется, человечеству предстоит еще много шагов в духовном развитии, прежде чем может быть достигнут подобный идеал. И терпеливое служение на этом пути — вот чем преимущественно должно заниматься антропософское движение.

Теперь я хотел бы в рамках этих докладов обратиться к одному специальному аспекту этого только что упомянутого импульса в антропософском движении. Быть может, мои дорогие друзья, в конце моих рассмотрений вы поймете, какова была глубокая причина моих слов. Прежде всего разрешите мне сказать, что сейчас антропософское движение уже давно не совпадает с Антропософским Обществом, но Антропософское Общество, если оно хочет воплощать свое существо, должно фактически целиком нести импульс антропософского движения.

Антропософское движение охватывает более широкие круги, чем чисто Антропософское Общество. Поэтому в последние годы образ деятельности антропософского движения с неизбежностью отличается от того, каким он был, когда в существенном антропософское движение было заключено в Антропософском Обществе. Но Антропософское Общество может осуществлять свою истинную задачу, только чувствуя себя сердцевиной антропософского движения.

Теперь, чтобы не рассуждать только теоретически, но сделать вам понятным то, что я только что сказал, я должен поговорить с вами о том, что недавно имело место в связи с движением, которое отлично от антропософского движения, ибо если я не сделаю этого, может легко возникнуть неправильное понимание. Поэтому я коротко расскажу вам о том, каким образом возникло религиозно-культовое движение, которое близко антропософскому движению, но не должно быть смешиваемо с

ним: это религиозное движение, которое называет себя "движением за религиозное обновление", за обновление христианства. Положение этого движения в отношении к антропософскому движению станет ясно, если мы начнем рассмотрение с форм, в которых развивалось движение за религиозное обновление.

Не так давно ко мне пришли несколько исполненных энтузиазма молодых студентов-теологов, христианских теологов, которые завершали свой курс теологии и готовились перейти к практической деятельности священников. То, что они мне сказали, сводилось к следующему: когда в настоящее время студент с истинно благоговейным христианским чувством воспринимает преподаваемое ему в университете богословие, он под конец чувствует, что для предстоящей ему работы священника у него нет твердой почвы под ногами. — Теологически-религиозное движение постепенно приняло такие формы, которые не позволяют действительно вливаться в заботу о душах тому, что как живая сила проистекает из Мистерии Голгофы, из сознания, что в Мистерии Голгофы Сущность Христа, жившая ранее в духовных мирах, соединила Себя с земной человеческой жизнью и продолжает действовать в этой жизни. Я обнаружил, что в душах пришедших ко мне людей живет чувство, что для поддержания христианства живым необходимо обновление всего богословского импульса и всего религиозного импульса, только тогда христианство может быть истинной жизненной силой для всей нашей духовной жизни. И ведь действительно ясно, что религиозный импульс приобретает истинный смысл и значение только тогда, когда он овладевает человеком столь глубоко, что пронизывает все его мышление, чувство и волю.

Прежде всего я заметил тем, кто обратился ко мне за помощью, что то, что они ищут, они могут найти только там, где сегодня вступает в мир антропософская духовная наука; прежде всего я указал этим искавшим религиозного обновления людям, что нельзя работать на основе энтузиазма нескольких отдельных личностей, но следует в известном смысле соединить подобные же устремления, присутствующие в широких кругах, даже если стремления эти более или менее бессознательны. Я

сказал этим людям, что их стремления, разумеется, не единичны, и то, что они чувствуют в своем сердце — быть может, более интенсивно, чем другие, — чувствует в наши дни множество людей; но если речь идет о религиозном обновлении, следует прежде всего исходить из широкой основы, где может быть найдено большое число лиц, несущих в сердце импульс религиозного обновления.

Через некоторое время эти люди пришли ко мне снова. Они полностью приняли то, что я сказал им, и теперь могли ответить, что к ним присоединилось значительное число молодых студентов богословия, находившихся в таком же положении, то есть неудовлетворенных современной направленностью университетского богословия и религии, однако готовых принять на себя обязанности священников и практически заботиться о душах людей, и была перспектива дальнейшего расширения этого круга. Я сказал: прежде всего, совершенно очевидно, что дело не только в том, чтобы иметь некоторое число проповедников и священников, к этому движению за обновление религии должны быть привлечены не только те, кто могут учить и выполнять обязанности пастора, но прежде всего те люди, чье исповедание чисто и самоотверженно; надо осознать, что сегодня множество людей — более или менее смутно — несут в душе сильный религиозный порыв, но этот христианский религиозный порыв не может найти удовлетворение в том, что развивается сегодня как богословско-религиозное.

Я указал тем самым, что есть широкие круги населения, не входящие в антропософское движение, которые по своему душевному складу, по задаткам своего сердца не могут поначалу найти путь к антропософскому движению. Я заметил далее, что для антропософского движения прежде всего необходимо ясно и отчетливо видеть, что мы живем в такой век, когда просто в силу мирового развития много духовных истин — истин, касающихся реального духовного содержания мира, — могут быть найдены людьми, когда они становятся духовными исследователями. И даже если люди не хотят становиться духовными исследователями, но стремятся к истине, как она может сегодня открываться человеку, когда он осознает

свое собственное человеческое достоинство — для таких людей истины, открытые духовными исследователями, могут стать понятными с помощью их обычного здорового, но действительно здорового человеческого рассудка.

Я отметил, что антропософское движение основано на том, что человек, нашедший путь к антропософскому движению, прежде всего знает: главное состоит в том, что духовные истины, доступные сегодня человечеству, должны овладеть сердцами и душами как познание. Чрезвычайно важно, чтобы познание вошло в духовную жизнь человека. Это не значит, конечно, что люди, принадлежащие к антропософскому движению, обязаны быть сведущи в различных науках. Можно входить в антропософское движение и не обладая импульсом или склонностью к естественным наукам, ибо истины антропософии вполне понятны человеческому рассудку, если только он здоров и не затемнен предрассудками. И если в настоящее время достаточно большое число людей, исходя из естественных склонностей своего сердца и души, найдет свой путь к антропософскому движению, тогда и все, что необходимо для религиозных целей и для религиозных идеалов, будет постепенно вместе с антропософским познанием возникать из антропософского движения.

Но есть множество людей, имеющих указанное выше стремление к обновлению религии, и именно к христианско-религиозному обновлению, которые просто в силу принадлежности к определенным кругам культурной жизни не могут найти своего пути в антропософском движении. Для этих людей сегодня необходимо, чтобы был найден подходящий для них путь, ведущий к духовной жизни сообразным современному состоянию человечества образом.

Я указал, что это побуждает тем самым к образованию общин; что то, что может быть достигнуто в антропософии, сначала достигается отдельной личностью, но из полученного таким индивидуальным путем познания должна с абсолютной внутренней необходимостью проистекать этически-религиозная социальная деятельность, которая совершенно необходима для будущего человечества.

И дело поэтому в том, чтобы дать нечто тем людям, которые вначале — и тут надо видеть историческую необходимость — еще не в состоянии непосредственно войти в антропософское движение. Для них нужно искать духовный путь через образование общин, в которых сердце, душа и дух работают вместе, как это сегодня соответствует развитию человечества. И то, что я должен был сказать о нуждах нашей человеческой эволюции пришедшим ко мне людям, может быть суммировано примерно в следующих словах: для сегодняшнего развития человечества необходимо, чтобы антропософское движение все более и более разрасталось в соответствии с условиями, которые состоят, в особенности, в том, что духовные истины, желающие прийти к нам из духовного мира, должны прежде всего войти непосредственно в сердца людей, чтобы люди могли быть укреплены этими духовными истинами. И тогда они найдут путь, который будет с одной стороны художественным, а с другой стороны религиозно-этически-социальным. Антропософское движение идет этим путем с самого начала, и для антропософского движения нет необходимости в ином пути, если только этот путь правильно понимается.

Необходимость в ином пути возникает для тех, кто не может сразу принять этот путь, но кто через образование общин и совместную работу в этих общинах может следовать по другому пути — пути, который позднее приведет к антропософии. Таким образом, открывается возможность идти бок о бок двум движениям. Это антропософское движение, которое достигает своих истинных целей, когда разумно и энергично придерживается того, что изначально в нем содержалось, и не отклоняется какими-либо специальными сферами деятельности, открывающимися в ходе времени. Например, даже область научной работы не должна вторгаться в импульс общего антропософского движения. Мы должны ясно понимать, что именно антропософский импульс и составляет антропософское движение, и хотя в последнее время в антропософском движении возникли различные области научной работы, абсолютно необходимо, чтобы сила и энергия общего антропософского импульса не ослабевала. В особенности антропософский импульс не должен втягивать-

ом, чтобы дать нечто тем людям,
надо видеть историческую необ-
стоянии непосредственно войти
ние. Для них нужно искать ду-
вание общин, в которых сердце,
те, как это сегодня соответству-
И то, что я должен был сказать
ской эволюции пришедшим ко
суммировано примерно в сле-
няшнего развития человечества
пософское движение все более
ответствии с условиями, кото-
и, в том, что духовные истины,
духовного мира, должны преж-
твенно в сердца людей, чтобы
ы этими духовными истинами.
оторый будет с одной стороны
й стороны религиозно-этичес-
офское движение идет этим пу-
я антропософского движения
и пути, если только этот путь

м пути возникает для тех, кто
т путь, но кто через образова-
аботу в этих общинах может
– пути, который позднее при-
м образом, открывается воз-
вум движениям. Это антро-
ое достигает своих истинных
гично придерживается того,
калось, и не отклоняется ка-
ерами деятельности, откры-
Например, даже область на-
гаться в импульс общего ант-
должны ясно понимать, что
пульс и составляет антропо-
последнее время в антропо-
различные области научной
ю, чтобы сила и энергия об-
льса не ослабевала. В осо-
пульс не должен втягивать-

ся в отдельные научные области, в формы мышления и представлений, преобладающих в различных областях сегодняшней науки — которые, конечно, будут оживлены антропософским импульсом — и окрашиваться ими до такой степени, что антропософия станет химической, как современная химия, физической, как современная физика, или биологической, как современная биология. Этого ни в коем случае не должно произойти; это задело бы жизненные нервы антропософского движения. Важно, чтобы антропософское движение сохранило свою спиритуальную чистоту, а также и свою спиритуальную мощь. Для этого оно должно воплощать в себе всю сущность антропософской спиритуальности, жить ею, входить в нее и вносить из духовных откровений современности все, что, например, стремится проникнуть также и в жизнь науки.

Бог о бок с этим — так сказал я тогда — должно существовать движение для обновления религии, которое, конечно, не имеет значения для нашедших свой путь в антропософии, но должно быть предназначено для тех, кто еще не может найти этого пути. А так как таких людей много, такое движение не только оправданно, но и необходимо.

Считая само собой разумеющимся, что антропософское движение останется тем, чем оно является и чем оно должно быть, я дал нечто тем людям, которые, исходя не из моего, а из своего собственного импульса, хотели работать для движения по религиозному обновлению; я дал то, что в состоянии был дать, учитывая потребности будущего богословия: содержание церемоний и ритуалов, необходимых этой новой общине.

То, что я был в состоянии дать этими людям, исходя из условий духовного познания современности, было мной дано им как одним человеком другому человеку. То, что я им дал, не имеет никакого отношения к антропософскому движению. Я дал им это как совершенно частное лицо, подчеркнув при этом с необходимой твердостью, что антропософское движение не должно иметь отношения к этому движению религиозного обновления; и прежде всего я не являюсь основателем этого движения и надеюсь, что это станет ясно всюду в мире; лицам, кото-

рые хотели основать это движение для религиозного обновления, я дал необходимые советы, которые согласуются с практикой подлинного и внутренне жизненного культа, наполненного духовным содержанием, чтобы праздноваться правильным образом вместе с силами духовного мира. Когда я давал эти советы, сам я не выполнял при этом никаких ритуальных действий; я только показывал, шаг за шагом, тем, кто хотел выполнить культовые действия, как они должны исполняться. Это было необходимо. А сегодня также необходимо, чтобы внутри Антропософского Общества это было правильно понято.

Поэтому движение за религиозное обновление было основано независимо от меня, независимо от Антропософского Общества. Я дал только совет. Тот, кто положил ему начало, кто выполнил первый обряд в этом движении, выполнил это под моим руководством, но я ни в коей мере не участвовал в основании этого движения. Движение возникло само по себе, но получило от меня совет, ибо если в какой-либо сфере деятельности обоснованно спрашивают совета, то человеческая обязанность дать его, если есть возможность.

Поэтому должно быть понято, в самом строгом смысле слова, что бок о бок с антропософским движением возникло другое движение, основанное само из себя, а не из антропософского движения, потому что за пределами Антропософского Общества имеется много людей, которые не могут найти пути в самом антропософском движении, но в состоянии позднее прийти к нему.

Поэтому должно быть сделано строгое разграничение между Антропософским Обществом, антропософским движением и движением за религиозное обновление. И важно, чтобы антропософия не рассматривалась как основатель этого движения за религиозное обновление.

Это не имеет отношения к тому факту, что со всей любовью и со всей преданностью по отношению к тем духовным силам, которые смогли вызвать сегодня в мире подобное движение, был дан совет, который сделал это религиозное движение истинной духовной общиной в форме, соответствующей современной стадии человеческой эволюции. Таким образом, это движение возникло правильно только потому, что оно рассматривает то, что име-

ется в антропософском движении, как нечто дающее верную основу; потому что оно доверяет антропософскому движению и ищет совета и помощи от тех, кто находится внутри антропософского движения, и тому подобное. Принимая во внимание тот факт, что противники антропософского движения считают сегодня оправданными любые методы нападения, такие моменты, как этот, должны быть совершенно разъяснены. И я должен подчеркнуть, что каждый, кто искренен и честен в отношении антропософского движения, всегда должен протестовать против заявлений, что движение за религиозное обновление, мол, было основано в Дорнахе в Гетеануме и Гетеанумом — так как это неверно, и факты таковы, как я их только что представил.

Учитывая то, каким образом я сам помог этому движению за религиозное обновление встать на ноги, я представлял себе дело так, что это движение ищет себе опору в антропософском движении и видит в антропософском движении идущего впереди себя, что оно будет искать приверженцев вне Антропософского Общества, и что оно будет рассматривать как серьезную ошибку внесение в Антропософское Общество импульсов, которые необходимы как раз вовне этого Общества. Можно быть советником и помощником этого религиозного движения, но не следует вступать в него самому — кто думает иначе, тот не понимает Антропософское Общество. Ведь если он сделает это, он окажется действующим в двух направлениях: во-первых, к разрушению и гибели Антропософского Общества; во-вторых, к бесплодности и гибели движения за религиозное обновление. Все движения, правомерно возникающие в человечестве, должны поистине работать вместе как органическое целое, но эта совместная работа должна происходить правильным образом.

В человеческом организме для кровеносной системы совершенно невозможно стать нервной системой, как и для нервной системы — системой крови. Различные системы работают в человеческом организме четко отдельно одна от другой: и именно тогда они работают правильным образом. Поэтому и необходимо, чтобы Антропософское Общество, чьим содержанием является антропософия, никоим образом не ослаблялось другими дви-

жениями; и тот, кто понимает, что такое антропософское движение, должен быть в состоянии увидеть — ни в коем случае не в самонадеянном, высокомерном смысле, но как понимающий задачи нашего времени, — что тот, кто однажды нашел свой путь в Антропософское Общество, не нуждается в религиозном обновлении. Ибо чем было бы Антропософское Общество, если бы оно сначала нуждалось в религиозном обновлении!

Но религиозное обновление нужно в мире, и поскольку оно нужно, поскольку это глубокая необходимость, и была протянута рука помощи для его основания. Все будет идти правильным путем, если Антропософское Общество останется таким, как оно и было, если те, кто хотят понимать его, постигнут его сущность и не будут считать необходимым для себя принадлежать к другому движению, принявшему свое содержание от антропософии — хотя не антропософия основала это движение за религиозное обновление, это поистине так, но оно само образовало себя.

Поэтому каждый, кто не различает ясно эти вещи и не разделяет их, в действительности делаясь небрежным, неточным в отношении основного импульса антропософского движения — действует к разрушению антропософского движения и к уничтожению основы и главной опоры движения за религиозное обновление. Если кто-либо, стоящий на почве движения за религиозное обновление, считает, что он должен распространить это движение на антропософское движение, он уничтожает почву под своими ногами. Ибо то, что составляет культ, должно в конечном счете распасться, если разрушается костяк познания.

Для благополучия обоих движений важно, чтобы они держались порознь. Поэтому с самого начала совершенно необходимо — ибо в наше время все зависит от того, чтобы мы развивали силу выполнить то, что хотим, — в это первое время совершенно необходимо, чтобы движение за религиозное обновление действовало во всех направлениях вне антропософского движения. Поэтому ничто, включая и материальные средства — дабы все стало совершенно понятным, я должен говорить и об этих вещах, — не должно покушаться на источники, которые с

антропософское
деть — ни в коем
ном смысле, но
и, — что тот, кто
ское Общество,
н. Ибо чем было
но сначала нуж-

ло в мире, и по-
бокая необходи-
я его основания.
Антропософское
ыло, если те, кто
ность и не будут
ежать к другому
ие от антропосо-
это движение за
так, но оно само

т ясно эти вещи
делаясь небреж-
импульса антро-
рушению антро-
основы и глав-
бновление. Если
религиозное об-
странить это дви-
уничтожает поч-
вляет культ, дол-
разрушается кос-

ий важно, чтобы
ого начала совер-
ия все зависит от
ть то, что хотим,
димо, чтобы дви-
овало во всех на-
ния. Поэтому ни-
— дабы все стало
ить и об этих ве-
ники, которые с

огромным трудом привлекаются к антропософскому движению, то есть не выбивать у него из под ног материальную почву, с другой стороны, не вербовать прозелитов в рядах антропософов, раз не удается сразу найти последователей среди неантропософов. Если же это случится, это неизбежно поведет к гибели обоих движений.

Сегодня дело не в том, чтобы двигаться вперед с каким-либо фанатизмом, но в том, чтобы осознавать, что мы можем сделать то, что необходимо, только тогда, когда мы действуем, исходя из необходимости самого дела. То, что я сейчас констатирую как выводы, было в то же время и предварительным условием предоставления моей помощи при основании движения за религиозное обновление, так как только при таких условиях я мог помочь ему. Если бы эти предварительные условия не существовали, движение за религиозное обновление никогда бы не возникло с помощью моего совета.

Поэтому я прошу понять, что движению за религиозное обновление необходимо знать, что оно должно держаться своей отправной точки, что оно обещало искать последователей вне круга антропософского движения, поскольку только так они могут быть найдены естественным путем, и так они должны искаться.

Все то, что я сказал, было сказано не из боязни, что кто-либо может подкопаться под антропософское движение, и, конечно, не из каких-либо личных мотивов, но исключительно исходя из необходимости самой ситуации. И очень важно, чтобы было понято, каким единственным путем возможно правильно работать в каждой из этих сфер деятельности. Ибо совершенно необходимо в отношении таких важных дел, чтобы была установлена полная ясность в положении, так как в настоящее время слишком велика тенденция затуманивать вещи и не видеть их ясно. Но ясность важна сегодня в любой области.

Если кто-нибудь воскликнет: как, сам тот, кто ввел это движение за религиозное обновление в мир, говорит теперь таким образом!— что ж, мои дорогие друзья, в существенном дело в том, что если бы я когда-либо говорил иначе об этих вещах, я бы не приложил руку к основанию движения за религиозное обновление. Оно дол-

жно придерживаться своей отправной точки. То, что я говорю теперь, я, безусловно, говорю исключительно с целью, чтобы эти вещи были правильно поняты в Антропософском Обществе, чтобы не говорили, как уже бывало: антропософское движение не преуспевает, и потому теперь они основали движение за религиозное обновление как более правильное. — Я совершенно уверен, что те прекрасные и выдающиеся лица, которые основали движение за религиозное обновление, будут энергично протестовать против подобного измышления, и также категорически откажутся привлекать прозелитов из антропософского движения. Но, как уже было сказано, это должно быть правильно понято внутри самого антропософского движения.

Я знаю, мои дорогие друзья, всегда есть те, кому неприятно выслушивать подобные объяснения, которые время от времени необходимы — не как какие-то жалобы, не ради критики, но исключительно с целью представить нечто раз и навсегда в его истинном свете. Я знаю, что есть такие, которым не нравится, когда ясность заменяет собой туманную темноту. Но это чрезвычайно важно для благополучия и роста антропософского движения, так же как и для движения за религиозное обновление. Движение за религиозное обновление не сможет процветать, если оно каким-либо образом повредит антропософскому движению.

Это должно быть хорошо понято, особенно антропософами, так что если пришлось бы встать на защиту правого дела, они были бы в состоянии это сделать. Если когда-либо возникнет вопрос об отношении антропософа к религиозному обновлению, должно быть ясно, что отношение его может быть только отношением советчика, что дает он только то, что может быть дано из духовного обладания, и что в случае участия в обрядах он делает это с целью помочь этим обрядам в их исполнении. Только тот может быть духовным помощником движения за религиозное обновление, кто сам является прежде всего хорошим антропософом. Но это движение за религиозное обновление должно быть поддерживаемо во всех направлениях лицами, которые в силу особой конфигурации и задатков своей духовной жизни не могут пока

еще найти своего пути к самому Антропософскому Обществу.

Я надеюсь, что никто из вас не пойдет теперь к активным деятелям движения за религиозное обновление и не скажет: тот-то и то-то было сказано против вас в Дорнахе. — Ничего не было сказано против этого движения. С любовью и благоговением к духовному миру дан был совет движению за религиозное обновление из духовного мира, с тем, чтобы оно могло правильно найти себя. Но антропософы должны знать, что оно было основано само из себя, что оно образовало — правда, не содержание своих обрядов, но факт своих обрядов — из своих собственных сил и по своей собственной инициативе, и что существо антропософского движения не имеет отношения к движению за религиозное обновление. Безусловно, не может быть желания более сильного, чем мое, чтобы движение за религиозное обновление все более и более росло и процветало, но всегда придерживалось первоначальных намерений. Антропософские группы не должны быть превращаемы в религиозные общины ни в материальном, ни в духовном смысле.

Я был обязан сказать об этом сегодня, поскольку все-таки был дан совет об организации культа — культа, процветание которого в настоящее время очень серьезно желаемо мною. Дабы не возникло недоразумений в отношении введенного таким образом культа, когда я буду завтра говорить вообще об условиях жизни культа в духовном мире, я должен был сегодня рассмотреть эти вещи. Это рассмотрение призвано способствовать лучшему пониманию того, что будет сказано завтра как продолжение высказанного вчера.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ДОКЛАД

Дорнах, 31 декабря 1922

Два дня тому назад я говорил о том, как цикл года может быть найден также и в человеке. Я обратил внимание на то, что силы природы вокруг нас как бы складываются во время годового цикла в организм времени, так что мы можем видеть своего рода взаимодействие и взаимовлияние того, что обычно воспринимается как отдельные процессы и явления природы, разыгрывающиеся в течение года. Но между этим природным циклом и его отражением в человеке есть существенная разница; то, что происходит последовательно в отдельных областях Земли, в человеке происходит одновременно. Хотя человек, взятый как целое, походит на земной шар, взятый также как целое, поскольку в то время как в одном полушарии бывает зима, в другом лето, и наоборот. Однако в случае Земли дело обстоит так, что зимние воздействия одной области и соответствующие летние воздействия другой области как бы разделены относительно далей мирового пространства, так что если мы возьмем зимние влияния, действующие в одной ее области, и одновременные летние влияния, действующие в другой, мы увидим, что они протекают порознь, что в своем бытии они нигде не мешают и не ослабляют друг друга.

А теперь рассмотрим, как обстоит дело с человеком. Когда он спит, его физическое и эфирное тела находятся как бы в своего рода летнем состоянии, расцветающей и произрастающей жизни. Духовное зрение показывает нам это расцветающее и произрастающее летнее состояние человеческого физического и эфирного тел во время сна, когда "Я" и астральное тело отделены от них.

Мы можем сказать, что когда человек спит, в его физическо-эфирном организме, который он оставляет, последовательно наступают состояния весны и лета. В то же самое время "Я" и астральное тело, которые все же участвуют в поддержании человеческого организма как единого целого, находятся в своего рода зимнем состоянии. Таким образом, и здесь мы имеем последовательные летнее и зимнее состояния, но в человеке они не отворачиваются друг от друга; наоборот, они работают одно в другом. То же происходит и в нашей бодрственной жизни. Когда человек бодрствует, его физическое и эфирное тела находятся в своего рода осеннем и зимнем состоянии. С другой стороны, "Я" и астральное тело, возбуждаемые внешними впечатлениями и мыслями, которые образует человек о внешнем мире, находятся в расцвете летнего и весеннего состояний. И снова мы находим внутреннюю весну, внутреннее лето и внутреннюю зиму действующими совместно в человеке, не расходящимися, но пронизывающими друг друга.

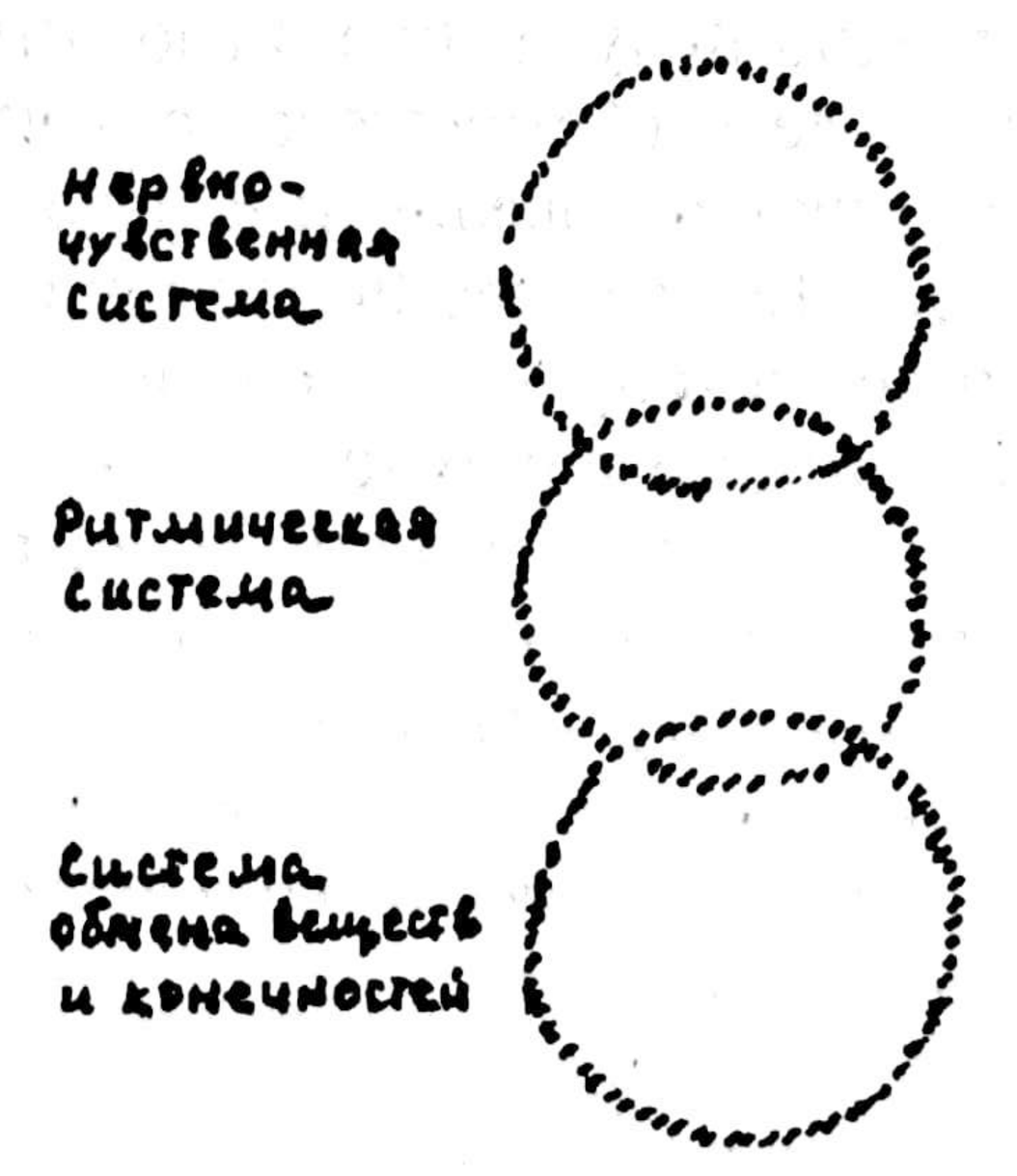
Фактически из духовнонаучных исследований явствует, что если мы хотим Землю как целое сравнить с человеком в отношении процессов зимы и лета, мы должны повернуть одно полушарие и наложить его на другое. Для человека дело обстоит так же, как если бы мы лето одного полушария повернули и наложили на зиму другого полушария. Если бы это было возможно, мы получили бы ситуацию, которую можно описать как взаимоуравношивание зимнего состояния летним и наоборот. Это важный факт, еще не осознанный внешней наукой, которая не понимает природного в человеке. Ибо в человеке лето и зима — я могу позволить себе эти выражения, так как они вполне соотвествуют тому, что действительно имеет место, — уравновешивают одно другое.

Верно, что человек несет окружающую природу в себе, но ее действия уравновешивают друг друга, создавая условия, в которых деятельность природы в человеке приходит к состоянию покоя. Как в весах, имеющих равный груз на обеих чашах, в середине коромысла находится точка, на которую уже не действуют ни правый, ни левый груз, а наступает состояние равновесия по отно-

шению к силам, которые в иных случаях опускают коромысло, так и в человеке возникает уравновешенность в результате действия противоположных природных сил.

Каждый, кто изучал то, что я кратко изложил в приложении к моей книге "О загадках души" о человеке как трехчленном существе, кто изучал это действительно внимательно, как люди еще не привыкли делать, тот согласится с тем, что я сейчас скажу. Мы выделяем в человеке организм нервов и чувств, ритмический организм и организм обмена веществ и конечностей. Эти три организации действуют совместно одна в другой. Мы можем сказать, что нервно-чувственный организм деятелен преимущественно в голове; но и весь человек, в известной степени, функционально является головой. И то же можно сказать о других системах, о ритмической организации, об организации конечностей и обмена веществ.

Принимая во внимание эту трехчленность человеческого существа, мы можем примерно так схематически изобразить человека. Мы имеем здесь нервно-чувственную организацию, ритмическую организацию и организацию обмена веществ и конечностей.



В действительности, если мы возьмем обе внешние системы организма — нервно-чувственную организацию и организацию конечностей и обмена веществ, — они образуют полярность, которая совершенно очевидна для

духовно-научной анатомии и физиологии. Например, когда мы ходим, в организме наших членов мы имеем движение, перемещение в пространстве. Этому движению в определенной части наших нервов и органов чувств, в определенной части нашей головной организации соответствует покой, неподвижность, в той же мере, в какой в организме конечностей присутствует движение. Пожалуйста, постарайтесь понять это правильно. Я сказал "покой в той же мере". Покой обычно предполагается абсолютным. Кто сидит, тот сидит, и люди не замечают степени напряжения, с которой они сидят. Это допустимо в обычной жизни, где нет необходимости делать столь тонкие различия.

Но в случае нервно-чувственной организации дело обстоит иначе. Если мы быстро бежим, если организация наших членов быстро двигается, тогда в нашей нервно-чувственной организации имеется более сильное стремление к покою, чем если бы мы медленно прогуливались. И все, что происходит в нашем организме конечностей — или, например, в нашем организме обмена веществ, когда пищеварительные соки совершают свой путь благодаря движениям кишечника, — вызывает тенденцию к отдыху в организме наших нервов и органов чувств. Этот факт выражается также и внешне.

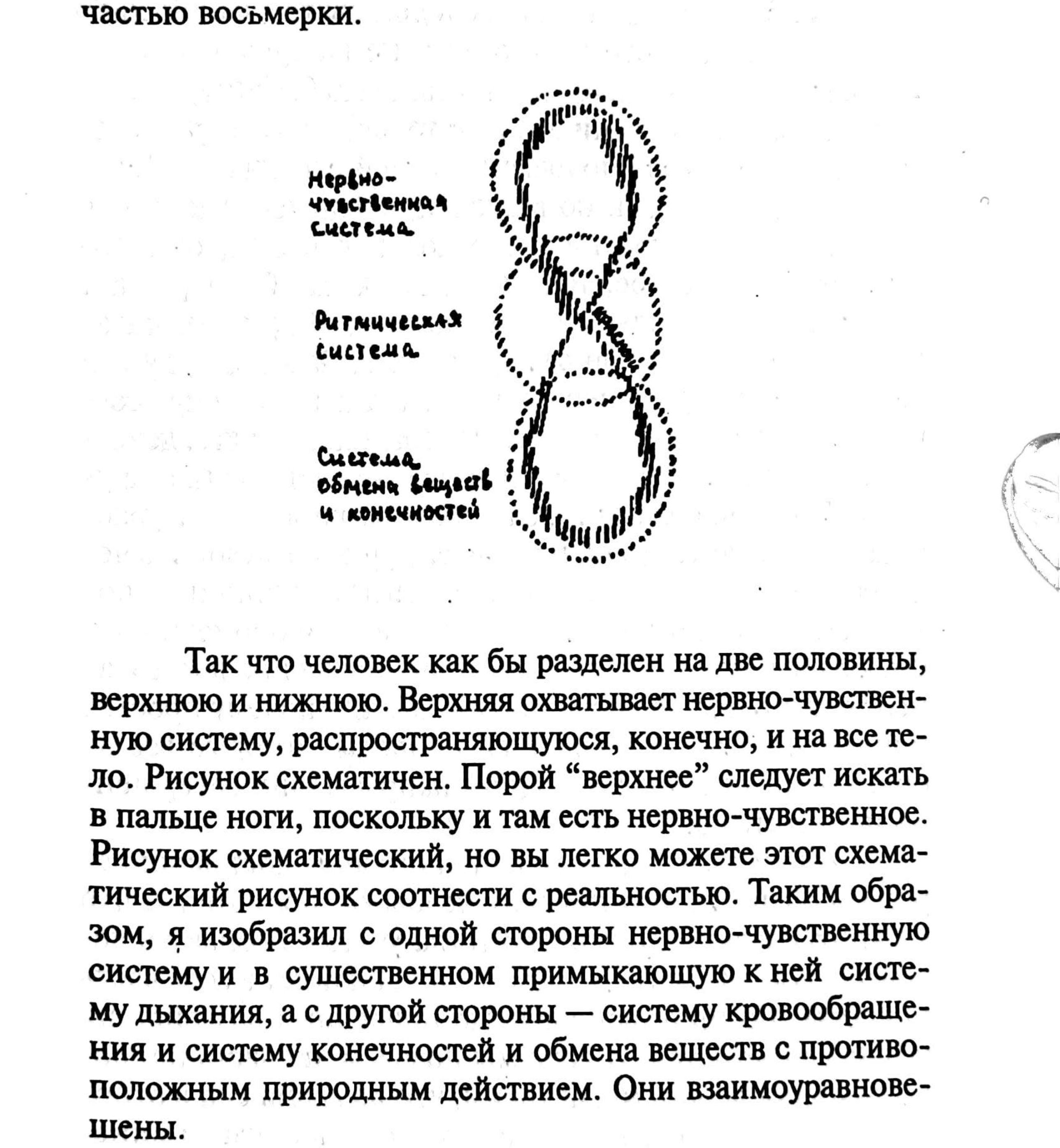
Голова, основное местонахождение организма нервов и органов чувств — лентяй по сравнению с организмом конечностей. Она действует подобно человеку, сидящему в экипаже и позволяющему везти себя лошадям. Человек находится в покое. То же делает и голова, сидя спокойно на нашем остальном организме. Голову ничуть не интересует, если я, скажем, машу руками. Если я машу левой рукой, тенденция к покою возникает в правой половине головы, если я машу правой рукой, это вызывает тенденцию к покою в левой части головы. И благодаря этой тенденции к покою для нас оказывается возможным сопровождать наши движения мыслями и представлениями.

Совершенно ошибочно мнение материалистического мировоззрения, что представления опираются на движения в нервах. Наоборот, если имеются какие-то пред-

ставления о движении в пространстве, они основываются на тенденции к покою в нервной системе. Нервная система успокаивается; и поскольку она делается покойной и умеряет свою жизненную активность, мысли находят дорогу в это состояние покоя и становятся реальными для нас. Кто может духовнонаучно посмотреть на человека и увидеть, что происходит, когда тот думает и когда к нему приходят идеи, тот не может быть материалистом, потому что он знает, что в той же самой мере, в которой мысли как душевно-духовная субстанция становятся активными и деятельными — в той же мере нервы становятся спокойными, их жизнь становится менее интенсивной, они даже цепенеют. Нервная система должна сначала прекращением своей материалистической деятельности освободить место для душевно-духовного элемента мысли. Именно подобные вещи показывают нам, почему мы вообще имеем материализм. Материализм ведет начало с того времени, когда наука перестала понимать материю. Ибо материальная наука характеризуется полной неспособностью постигать природу материальных событий, которые она поэтому наделяет массой несуществующих атрибутов.

Как вы видите, в человеке имеют место противоположные состояния, тяготеющие к равновесию. Как в разгар лета мы видим природную деятельность и силы, прямо противоположные тем, что имеют место глубокой зимой, так и в человеческом организме встречаем мы противоположные воздействия, которые, однако, взаимно поддерживают равновесие. Однако мы не сможем правильно думать об этих противоположных, уравновешивающих друг друга силах, пока мы еще раз не разделим человека, не выделим в его средней системе, ритмической, две части, так что в существенном мы отличаем — это не вполне точно, но в существенном — ритм дыхания от ритма циркуляции крови, и будем говорить о верхней и нижней ритмических системах. Между верхней и нижней половинами расположена та часть человека, которая, будучи подвержена влияниям и пронизываемая сверху и снизу противоположными природными силами, главным образом стремится поддерживать равновесие.

Если я хочу включить в свой схематический рисунок эти противоположные природные силы в человеке, я должен провести следующую линию (красный): верхняя часть этой восьмерки схематически определяет те природные воздействия, направление которых противоположно направлению природных сил, определяемых нижней частью восьмерки.



Так что человек как бы разделен на две половины, верхнюю и нижнюю. Верхняя охватывает нервно-чувственную систему, распространяющуюся, конечно, и на все тело. Рисунок схематичен. Порой "верхнее" следует искать в пальце ноги, поскольку и там есть нервно-чувственное. Рисунок схематический, но вы легко можете этот схематический рисунок соотнести с реальностью. Таким образом, я изобразил с одной стороны нервно-чувственную систему и в существенном примыкающую к ней систему дыхания, а с другой стороны — систему кровообращения и систему конечностей и обмена веществ с противоположным природным действием. Они взаимоуравновешены.

Орган, в котором происходит уравновешивание, в котором идет постоянная борьба верха и низа для поддержания равновесия, это человеческое сердце, которое вовсе не является насосом, гоняющим кровь по телу, как представляет это современная физиология — напротив,

это орган, поддерживающий в равновесии верхнюю и нижнюю системы в человеке. Тем самым также и во внешнем физическом организме человека выражается то, что действует в нем духовно, так что в нем постоянно уравновешиваются одновременные зимние и летние воздействия.

На Земле зима может господствовать в какой-либо области именно потому, что лето не наступает в то же самое время, иначе лето уравновешивало бы зиму, то есть не было бы ни лета, ни зимы, а только полное равновесие. Именно таково положение вещей в человеке. Человек — часть природы, но так как природные воздействия в его организме противоположно направлены, они подавляют одно другое, так что человек как бы перестает быть частью природы. Но именно по этой причине человек и является свободным существом. Законы природы не могут быть применены к нему, так как в нем существует не одна тенденция природных законов, но две, действующие одна против другой и уравновешивающие друг друга. И в этой области, где природные воздействия уравновешивают друг друга, находится душевно-духовное человека, не затрагиваемое природными влияниями и познаваемое только в своей собственной закономерности. Отсюда вы видите, какое коренное изменение в методах необходимо для наблюдения человека, и почему простое применение законов внешней природы, которые всегда ориентированы только в одном направлении, совершенно недопустимо.

А теперь, когда мы с одной стороны поставили перед собой истинную природу человека, посмотрим, что из этого следует. Мы только тогда учимся познавать человека, когда рассматриваем его так: он несет в себе часть природы, но противоположные природные воздействия уравновешиваются. И если мы познаем эту часть природы духовнонаучно, мы находим, что во время сна в отношении физического и эфирного тел она пронизана минеральным и растительным принципами действия, которые, если мы смотрим только на то, что во время сна человека остается в постели, соответствуют летнему состоянию. И если мы можем правильно наблюдать эту расцветающую

и произрастающую жизнь, мы впервые учимся правильно понимать ее истинное значение. Когда имеет место этот расцвет и произрастание? Когда "Я" и астральное тело отсутствуют, когда они удаляются во время сна. А откуда приходит этот расцвет и произрастание? Это как раз и показывает нам духовнонаучное рассмотрение.

Схематически это можно изобразить так. Представим себе спящего человека (белый, зеленый, желтый, красный). Его физическое и эфирное тела лежат в постели, они обозначены белым и зеленым. Духовное видение показывает их нам как земную почву, как минеральную материю, из которой произрастает растительная жизнь, конечно, в иной форме, но видимая для духовнонаучного восприятия. Вверху, словно пламя, светятся "Я" и астральное тело, не могущие приблизиться к физическому и эфирному. Они изображены желто-красными. Спящий человек является в некотором смысле расцветающей и произрастающей частью земли (в постели) и принадлежащими к ней, но отделенными светящимися "Я" и астральным телом.

А когда человек бодрствует? Я должен описать это состояние следующим образом (белый, красный, зеленый, желтый). Минеральная и растительная части видны вянущими и гибнущими, в то время как "Я" и астральное

тело светят на них, как бы сжигая их. Таков идущий человек с распадающимся в нем минеральным. Минеральный элемент в человеке распадается в его бодрственные часы. Вегетативная же деятельность в то же время всюду создает впечатление — хотя и выглядит это иначе — осенней листвы, падающих, вянущих листьев, которые умирают и исчезают; и повсюду сквозь эту увядающую субстанцию светятся большие и малые огни. Эти большие и малые огни суть астральное тело и "Я", которые живут теперь в физическом и эфирном телах. И возникает вопрос: что происходит с этими светящимися и сверкающими огнями во время сна, когда они отделены от физического и эфирного тел?

Когда за эту проблему берется духовнонаучное исследование — вы можете и сами прийти к подобным выводам из сравнения различных описаний, которые я давал время от времени, — получается следующее. Некая сила сначала уводит прочь пламя и сверкание "Я" и астрального тела, а затем возбуждают расцветающую, произрастающую вегетативную жизнь летнеподобного спящего физического тела и развитие своего рода жизни в минеральном. Она причина того, что мельчайшие, можно сказать, частицы, атомизированное минеральное в физическом теле выглядит, в свою очередь, так, словно разлагается на атомы, словно из целого образуется непрерывная, подвижная, деятельная, газо-жидкостно-минералообразная масса, всюду пронизанная прорастающей жизнью. Что

же это за внутренняя сила? Это отражение волны нашей жизни из доземного бытия, чья пульсация бьется в нашем физическом и эфирном теле во время сна. Когда мы в земной жизни бодрствуем, мы приводим ее в состояние покоя.

Когда пламя и блеск "Я" и астрального тела соединены с физическим и эфирным телами, мы приводим эти импульсы из доземного бытия, имеющие место во время сна, к состоянию покоя. И теперь мы впервые учимся, наблюдая самих себя, правильным образом рассматривать внешнюю природу, так что мы можем сказать: все естественные законы и силы, действующие во внешней природе в растительной и минеральной жизни, сходны с тем, что является минеральной и растительной жизнью в нас самих во время сна, летней, растущей, прорастающей жизнью. — Это значит, что как наши спящие физическое и эфирное тела указывают на наше прошлое, на духовную жизнь, которую мы вели до своего рождения, так и вся внешняя растительная и минеральная природа указывает на прошлое.

И действительно, если мы правильно поймем естественные законы и силы нашего внешнего окружения, исключая животный мир и физически-человеческое, мы признаем, что они указывают на прошлое Земли, на увядание Земли. — И мысли, которые мы образуем в отношении внешней природы, направлены на умирающие элементы земного бытия. Чтобы эта приходящая в упадок природа Земли снова оживилась и могла нести в себе импульс для будущего, возможен один путь, тот, как это происходит у человека — а именно, внедрение душевного и духовного в минеральное и растительное. В случае животных входит элемент души, в случае человека — духа.

Рассматриваемый таким образом, весь мир делится на две части. Мы смотрим на внешнюю природу, и в том, что является в ней минеральным и растительным — а это главное во внешней природе, — мы можем сравнить ее только с нашим спящим физическим и эфирным организмом. Когда мы обращаем внимание на внешнюю физическую деятельность, мы должны признать: от этой деятельности внешней природы в минеральном и раститель-

ном зависит и вся другая физическая деятельность. — Рассмотрите физическую деятельность, связанную с питанием. Питание начинается приемом внутрь минеральных и растительных веществ. Животное затем перерабатывает это дальше в пищу для человека. — Но прежде всего вся внешняя природа, поскольку это касается ее физической и эфирной деятельности, зависит от того же порядка вещей, который мы находим в спящем физическом и эфирном организме. И то, что мы несем в себе как "Я" и астральный организм, что, например, во время сна — когда физический и эфирный организм впадают в зимний сон, если позволите так сказать, хотя это, конечно, парадоксально по отношению к действительности, вы почувствовали, — то, что во время сна находится в летнем состоянии, возбуждаемое внешними чувствами и возникающими при этом мыслями, это уравновешивается зимним состоянием физического и эфирного тел.

Если мы подойдем к делу с духовнонаучной точки зрения, мы найдем, что хотя то, что в человеке следует мыслить одновременным, в годовом цикле предстает разделенным, все же зимнему состоянию Земли соответствует духовное лето, а летнему — духовная зима. Но эти состояния не уравновешивают друг друга, как в человеке. Наоборот, они проявляют себя в противоположных полушариях, так что на Земле физическая зима укрепляется зимой душевно-духовной, а физическое лето духовным летом. И все же это указывает на то, что как человек несет в себе свое прошлое и свое будущее, так и вся окружающая нас природа свое прошлое и свое будущее несет в себе.

Настоящее мы имеем, собственно, только в бодрствующие часы в физическом теле, в пронизывающей его деятельности и законах. Ибо во время сна в своих физическом и эфирном телах мы испытываем воздействие прошлого — того прошлого, которое было проведено в духовном мире. Соответствующие вещи находим мы в лежащей перед нами и действующей на нас растительной и минеральной природе: она, в принципе, также является результатом прошлого существования, и она становится настоящим только благодаря тому, что Земля пронизана

душевно-духовным, как и человек. И в настоящем содержится зародыш будущего.

Но если это верно — а это так, как я вам изложил, — что мы в своем физическом и эфирном организме, и именно когда он независим от душевно-духовной деятельности, несем воздействие прошлого, то чтобы найти, что именно действует для будущего, мы должны обратиться к нашему "Я" и астральному телу; также и для Земли мы должны искать будущее только в духовном.

Человек развился сегодня до той точки, когда с помощью элементарных, конечно, сил соединяет свое "Я" и астральное тело со своими физическим и эфирным телами. Для минерального и растительного мира Земли этого еще не произошло. "Я" и астральное тело Земли душевно-духовно окутывают ее, но не пронизывают ее минеральную и растительную деятельность. Минеральная природа Земли предстает нам как нечто, что не принимает в себя дух и душу, но позволяет освещать и окутывать себя духу и душе.

Растительную природу мы также видим неспособной допустить в себя душевное, но про верхнюю часть растения можно сказать, что она некоторым образом соприкасается с душевно-духовным. Духовная наука дает нам следующую картину растения. Если я нарисую его с корнем внизу, стеблем в середине и цветком наверху, то я должен увидеть его так, что в цветке стремящееся вверх растение соприкасается с астральным миром, который не проникает в растение, а только касается его. Астральное, окружающее Землю, касается самой верхней части растения, и появляется цветок. Я часто использовал одно сравнение, которое, конечно, следует принимать с соответствующей деликатностью, что цветение растения подобно поцелую, которым обмениваются Солнце, солнечный свет, и растение. Это астральное воздействие является не более чем "касанием".

Таким образом, когда мы смотрим на окружающую природу, мы не видим непосредственно в минеральном и растительном царствах точно того же, что и в человеке. В нас, как в людях, мы находим минеральную природу, растительную природу, астральную природу и природу "Я"

взаимопринадлежащими друг другу. Мы на время оставим животных, о них мы поговорим в будущем. Но то, от чего в существенном зависит физическая деятельность, мы должны найти в минеральном и растительном мире. Они проявляют себя во внешней природе совершенно лишенными как астрально-мыслительного, так и того, что представляет собой переживание "Я", то есть чувства самоосознающего духа. Последнее не может быть найдено нигде во внешнем мире, ни в минерале, ни в растении. Ибо минеральное и растительное в существенном являются результатом прошлого.

Если мы правильно наблюдаем земную кору и растительность Земли, мы, в сущности, обо всей земной жизни можем сказать: вы, кристаллы, вы, горы, вы, цветущие и растущие растения, я вижу в вас памятник живого, творческого прошлого, которое находится теперь в процессе умирания. Но и в самом человеке — если мы сумеем правильно вглядеться в этот умирающий элемент, который извлекает энергию из доземного бытия и, исчерпав себя, умирает в физическом и эфирном телах — мы видим этот физический и эфирный организм, пронизанный астральным телом и "Я", бросающим свет в будущее и способным свободно развернуть на основе уравновешенных природных воздействий жизнь мысли и представлений.

Можно сказать, что в человеке мы видим бок о бок прошлое и будущее. В природе же, поскольку она является минеральной и растительной, мы видим только прошлое. И то, что в человеке действует уже как будущее в настоящем, как раз и является существом свободы. Это существо свободы не может быть найдено нигде во внешней природе. Если внешняя природа осуждена оставаться такой, какова она в силу своего минерального и растительного царств, она осуждена умереть таким же образом, как погибает во Вселенной чисто физически и эфирный организм человека. Человеческий физический и эфирный организм умирают, но человек не умирает, потому что астральное тело и "Я", которые он несет в себе, приносят не смерть, а становление, возникновение.

Поэтому для того, чтобы внешняя природа не погибла, ей должно быть дано то, что человек имеет благо-

даря своему астральному телу и "Я". Это значит, что как человек благодаря своему астральному телу и "Я" обладает самосознанием, так должен он, если хочет обеспечить будущее Земли, внедрить в Землю то сверхчувственно-невидимое, что есть в нем. Подобно тому как новое воплощение в следующей земной жизни человек должен ожидать от того, что в нем является сверхчувственным и невидимым, а не от умирающего физического и эфирного тел, так и будущее Земли не может возникнуть из минерального и растительного, образующего земной шар. Только тогда, когда мы в состоянии дать Земле то, чего она не имеет сама, только тогда сможет возникнуть будущее Земли. И то, чего нет в самой Земле, это действенные мысли человека, которые живут и сплетаются в его организме, поскольку тот благодаря уравновешиванию становится независимым от внешней природы. Воплощая эти мысли, он дарует Земле будущее. Но сначала он должен иметь их сам, эти самостоятельные мысли, ибо все те мысли, которые мы создаем в нашем обычном познании природы, то есть мысли о том, что умирает, это мысли-отражения, а не реальность. Мысли же, которые мы получаем при духовном исследовании, возбуждаются в имагинации, инспирации и интуиции. Если мы принимаем их, они становятся формами, имеющими самостоятельное бытие в жизни Земли.

В отношении этих творческих мыслей я однажды сказал в моей книге "Основные черты теории познания мировоззрения Гете", что такое мышление представляет духовную форму причастия человечества. — До тех пор, пока человек предается мыслям-отражениям о внешней природе, он только повторяет прошлое, он живет в трупах божественного. Когда он сам оживляет свои мысли, он своим собственным существом причащается, получает причастие, соединяется с пронизывающим мир, несущим ему будущее божественно-духовным.

Духовное познание является, таким образом, истинным причастием, началом космического культа, соответствующего человечеству современности, который может расти по мере того, как человек обнаруживает, как он пронизывает свой физический и эфирный организм своим астральным телом и "Я", как он оживляет в себе

дух и тем самым как бы вколдовывает его в окружающую его мертвую или умирающую материю.

И тогда человек переживает, что когда он вглядывается в свой организм, действующий в твердом состоянии, он чувствует себя в этом организме связанным с миром звезд, поскольку они являются покоящимися сущностями. Поскольку звездная вселенная находится в покое, удерживая, например, знаки Зодиака неподвижными относительно Земли, человек связан в своем физическом твердом организме с этими формообразованиями в пространстве. Но позволяя своему душевно-духовному вливаться в эти формообразования в пространстве, он сам изменяет мир.

Подобным же образом человек пронизывается потоком жидкости. Эфирный организм живет в потоках жидкостей и соков. Именно эфирный организм заставляет циркулировать кровь и приводит в движение другие жидкости. Посредством этого эфирного организма он приводится в сообщение, если можно так выразиться, с деяниями звезд, с движениями планет. Как находящиеся в покое в небе образы неподвижных звезд воздействуют на твердую структуру человеческого организма или связаны с ним, так движения планетной системы, к которой мы принадлежим, соотносятся с жидкостями в человеке.

Но мир, который представляется нашему непосредственному зрению — мертвый мир. Человек преобразует его с помощью собственного духа, когда он разделяет духовное с миром, оживляя свои мысли имагинацией, инспирацией и интуицией, совершая таким образом акт духовного причастия человечества.

Важно, чтобы человек стал осознавать это. Чем более сильной и живой становится эта сознательность, тем легче находить путь к этому духовному причастию.

Сегодня я хотел бы дать вам для этого некую основу, и прежде всего предложить слова, которые, если позволить им правильно жить в душе, если все снова пробуждать их в душе, так, чтобы весь их смысл, весь их подвижный смысл жил в душе — тогда от этих слов в человеческой душе может возникнуть нечто особенное. Оно преобразит смерть в мире, с которым связан чело-

век, в подлинно-живое, оно оживит прошлое, так что из смерти возникнет жизнь будущего. Это может произойти только тогда, когда человек осознает свою связь с Космосом следующим образом. Я напишу первую строку этого стихотворного изречения:

В деяньях Земли ко мне приближается —

я воображаю земную материю, которую я принимаю в себя с тем, что образует твердую структуру моего организма, —

В деяньях Земли ко мне приближается
Данная мне в образе материи
Небесная сущность звезд.

Потому что это ведь факт, что когда мы берем некое земное образование, которое служит нам пищей, мы находим в нем отражение созвездий постоянных звезд. Мы принимаем это в себя. Вместе с субстанцией Земли, содержащейся в деяниях Земли, мы принимаем в себя сущность звезд, сущность небес. Но мы должны сознавать, что мы как человеческие существа в своей воле, своей пронизанной любовью волей преображаем то, что стало материей, снова в дух. Таким образом, мы выполняем истинный акт превращения вещества. Мы осознаем свое участие в мире, и таким образом духовная жизнь мыслей оживляется в нас.

В деяниях Земли ко мне приближается
Данная мне в образе материи
Небесная сущность звезд.
Я вижу ее в воле любовно преображенной!

А когда мы думаем о том, что мы принимаем в себя так, что оно пронизывает жидкую часть нашего организма, циркуляцию крови и соков, то это, хотя и происходящее из Земли, является отражением не небес или звезд, но деяний звезд, то есть движением планет. И я могу осознать, как я одухотворяю это, если имею правильную

установку в мире; и я могу произнести следующую формулу:

В водной жизни ко мне стремятся,
Формируя меня могуществом материи,
Небесные деяния Звезд —

иначе говоря, деяния планетных движений. И затем,

Я вижу их в чувстве мудро преображенными!

В то время как я могу видеть сущности и сплетение звезд в воле, любовно преображающиеся в духовное содержание будущего, я могу также видеть, как в чувстве мудро преображается то, что дается мне здесь на Земле, когда я принимаю отражение небесных деяний в то, что пронизывает мой жидкостный организм. Человек может переживать таким образом в своей воле и в своем чувстве свое положение в мире. Подчиняясь сам высшему руководству окружающей его Вселенной, он может пережить, как благодаря ему происходит пресуществление вещества в великом храме Космоса — когда он совершает в нем жертвоприношение чисто духовного рода.

То, что иначе могло бы быть просто абстрактным познанием, становится чувствующим и волящим отношением к миру. Мир становится Храмом, Домом Бога, когда человек как знающий человек призывает также силы воли и чувства, и становится жертвующим существом. Основное отношение человека к миру возвышается от познания до мирового культа, космического культа. Осознание человеком всего, что составляет нашу связь с миром, прежде всего как космического культа — вот что должно произойти в первую очередь, если антропософии суждено исполнить свою миссию в мире.

Я хотел сказать вам все это для начала. В ближайшую пятницу я буду говорить дальше о природе этого культового в его связи с истинным познанием природы. Сегодня же я хотел сказать именно это. Я приурочил этот доклад к этому дню, имея в виду специальную цель. Когда эта сущность времени, которая дана в цикле года, еще

раз прошла перед нашими душами — по крайней мере, для внешнего восприятия и переживания, — мы должны осознать, как нам следует строить свое отношение к времени, как нам из прошлого искать будущее, как мы должны познавать, чтобы трудиться для будущего, чтобы творил Дух.

Одно из стихотворений, прочитанных сегодня вечером, начиналось словами: "Новый год встречают новые могилы." — Это глубоко верно. Но также верно и то, что каждый год находит новые колыбели. — Как выступает прошлое, так выступает и будущее. И сегодня первая обязанность человека — охватить это будущее, размышлять о расцветающей и произрастающей во внешнем мире жизни, содержащей в себе семена смерти, и о том, что мы должны искать жизнь с помощью нашей собственной силы действия. Каждый Новый Год является символом этой истины. Если мы с одной стороны видим могилы, будем же видеть с другой стороны возрождающуюся жизнь, ожидающую принятия в себя зерна будущего.

Важной задачей сегодняшнего дня является наблюдение того, как в мире вокруг нас проходит канун Нового Года — как все проходит, исчезает и умирает; однако в сердцах людей, которые сознают свою истинную возмужалость, свою божественную человечность, новогоднее настроение должно быть настроением начала новой эры, возникновения новой жизни. Не будем просто переходить с излишней праздничностью от символического кануна Нового Года к символическому Новому Году, но так направим наши мысли, чтобы они могли действительно расти мощными и творческими, как требует этого от них развитие Земли. Обратим наши мысли от явлений умирания, которые повсюду стоят перед нами в современной цивилизации, подобно старым могилам, от кануна Нового Года — ко дню Нового Года, ко дню космического Нового Года. Но этот день наступит только тогда, когда сам человек решится работать во имя этого.

В деяньях Земли ко мне приближается
Данная мне в образе материи
Небесная сущность звезд:
Я вижу ее в воле любовно преображенной!

В водной жизни ко мне стремятся,
Формируя меня могуществом материи,
Небесные деяния звезд:
Я вижу их в чувстве мудро преображенными!

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

Введение к докладу от 26 ноября 1922
Сообщение о поездке в Голландию и Англию

Как антропософское движение — мне хотелось бы сегодня перед докладом рассказать об этом — мы опять провели ряд мероприятий по антропософии и эвритмии, а именно в Голландии и Лондоне. Я хотел бы сказать об этом несколько слов. Прежде всего я хотел бы указать на чрезвычайно отрадный факт, что в отношении восприятия антропософских докладов общественностью, как и эвритмических представлений, по сравнению с предыдущим разом нужно констатировать необычайный прогресс. В Голландии в Гааге я смог прочитать три открытых доклада, в двух из них шла речь об антропософских проблемах в более узком смысле и один был на чисто педагогическую тему: о моральном воспитании с антропософской точки зрения. В Роттердаме я сделал один общеантропософский доклад. В городе Высшей Голланской Технической Школы, в Делфте, я говорил об отношении антропософии к науке. И наверняка те из присутствующих, кто были там, могут подтвердить, что интерес был как к тому, что могло быть сказано об более узких антропософских вопросах, так в отношении сферы воспитания.

И прежде всего при рассмотрении подобных вещей следует отметить, что в цивилизации современности становится необычайно сильно заметным всеобщий упадок, так что число посетителей, естественно, давно уже не столь велико, как было бы, если бы мы жили не в такое всеобщее необычайно тяжелое время. Это отмечают всюду, и это побуждает еще более интенсивно применять на деле то, что антропософия может дать этой современной цивилизации. Я хотел бы сказать: каждый шаг вперед доказывает как раз это.

К моему совершенно особому удовлетворению я могу отметить, что именно в Гааге были чрезвычайно хорошо восприняты эвритмические представления, проходившие в это же время в Королевском Театре. После представлений с самых различных сторон высказывались мнения, что чем чаще человек видит такие эвритмические представления, тем больше он вникает в собственный дух этих попыток нового художественного творения.

В Лондоне я мог прочитать три полуоткрытых доклада и три доклада в антропософских группах. В Гааге я тоже под конец прочитал один доклад для членов антропософского движения. Мне было особенно приятно, что один из открытых докладов мог осветить также тему воспитания. Возможно, вы уже знаете, что в Англии я отчасти мог говорить под впечатлением тех докладов, которые я прочитал здесь в прошлое Рождество и на которых присутствовали многочисленные английские сторонники антропософского движения и другие интересующиеся педагогикой люди. Отчасти под впечатлением этих рождественских докладов, отчасти под впечатлением прочитанных мной летом этого года Оксфордских докладов по антропософской педагогике, в Англии по образцу Союза Вальдорфских Школ был основан Образовательный Союз, его задача сделать через образование школ также и в Англии действенным то, что может дать антропософская педагогика. Этот Образовательный Союз организовал затем один из открытых докладов для учителей и именно поэтому можно видеть, что педагогическая тема также встречает в Англии интерес.

В этот раз мы попали в Лондон в относительно неблагоприятное время, на выборы; а именно, эвритмические представления происходили в дни выборов. Но все же можно сказать, что как раз в отношении эвритмических представлений в Лондоне от представления к представлению росли интерес и радость, с которыми они воспринимались, так что действительно можно сказать: с этой стороны уже можно видеть преуспевание антропософии и того, что к ней относится.

II

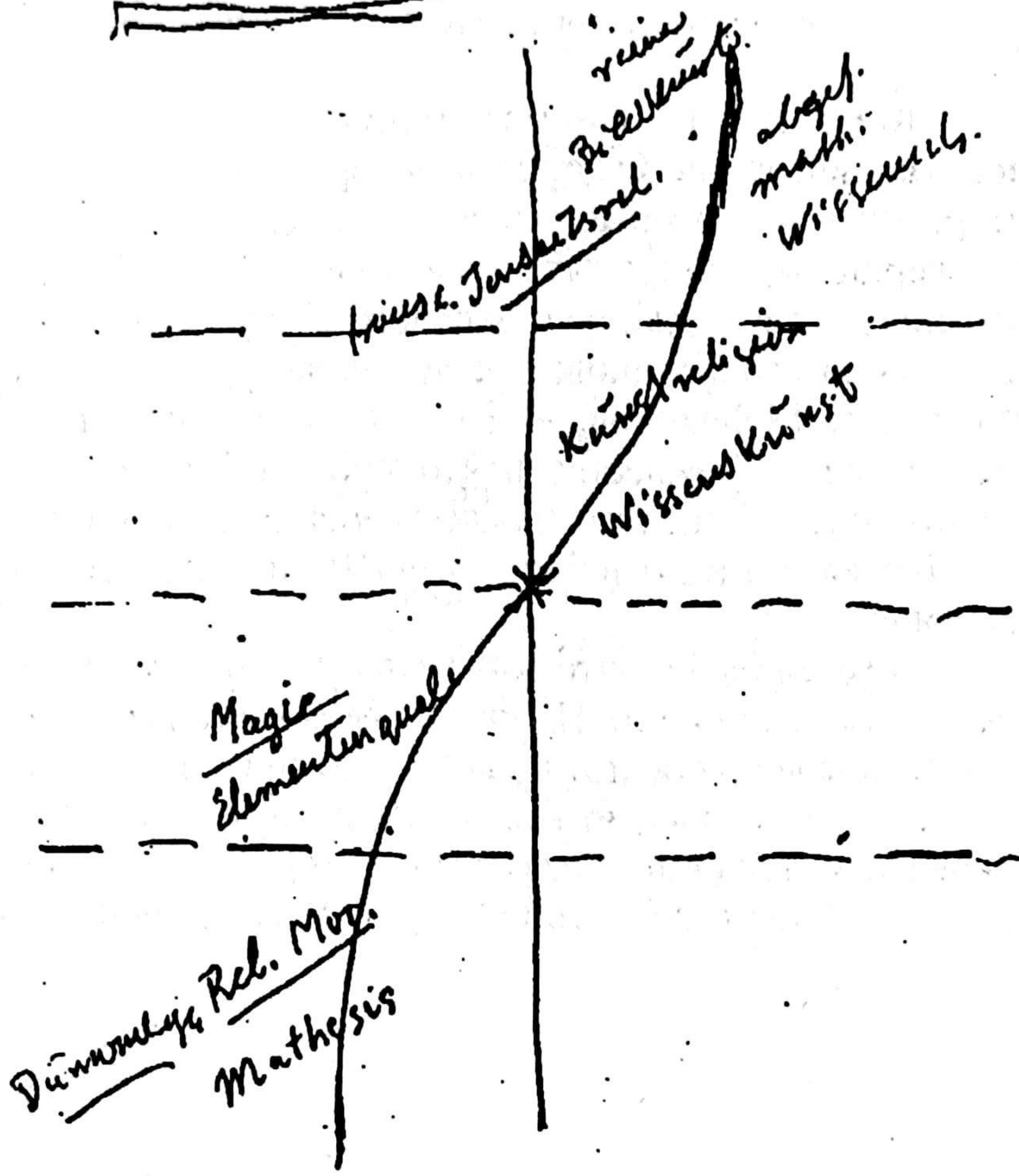
Заключение к докладу от 1 декабря 1922

"Как второе я должен упомянуть, что здесь в ателье мисс Марион снова будет делать серию эвритмических фигур. Фигуры, которые сейчас наполовину готовы, будут завершены через десять дней. Серия фигур будет теперь обходиться несколько дешевле. 20 штук можно будет иметь за 250 франков; отдельные фигуры можно будет иметь за 13 франков. — Я хотел бы заметить, что теперь наступает Рождество и что таким образом можно получить очень красивые рождественские подарки. "

В следующий вечер Рудольф Штайнер добавил еще следующее:

"Я хотел бы кое-что добавить к сказанному вчера в отношении этих фигур. Я сказал: вы можете иметь прелестный рождественский подарок. Но при этом я хотел намекнуть, но забыл, что из таких рождественских подарков сложится общий результат, который будет весьма кстати для Гетеанума, которому это сейчас очень нужно!"

31. Dez. 1922:



Denken: inneres Erfassen des Äußeren im Unten
inneres Umfassen des Oben

Gefühl: es muß in sich die
oberen Geheimnisse tragen –
die Chr. im Cosmos lebend
die Kosmisch-Chr. im Cosmos lebend.

Der schlafende Mensch hat in sich (im Körper) das vorwirkliche geistige Dasein

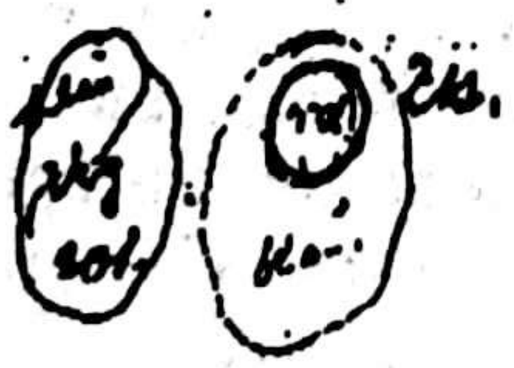
Er entnimmt aus diesem, was Vergangenheit ist – In der mineralischen und ~~physischen~~ pflanzlichen Natur lebt die Vergangenheit im Innern – die Zukunft an der Oberfläche.

Der ~~erwachende~~ schlafende Mensch hat in sich (im ~~Kopfe~~ Geiste) das nachwirkliche geistige Dasein –

Er entnimmt aus diesem, was Zukunft ist = er kann Verrichtungen finden, die materiell nichts sind und geistig die Entwickelung der Zukunft enthalten //

Naturwirken = Materiell – die Hypo-Gedanken darüber allein sind ~~[illegible]~~ erhaben = die Handlungen sind ~~[illegible]~~ tot =

Entwickelung = Spirituell – die geistigen Gedanken darüber sind tot – sie müssen belebt werden = dann die Handlungen ꝛc.



ПРИМЕЧАНИЯ

К настоящему изданию

Опубликованные в этом томе доклады были прочитаны для членов Антропософского Общества. В этот период Рудольф Штайнер регулярно, кроме тех дней, когда он бывал в отъезде, читал доклады в последние дни недели (пятница, суббота, воскресенье), и по воскресеньям после обеда имели место художественные, большей частью эвритмические представления под руководством Марии Штайнер.

На Рождество 1922 года была созвана конференция Объединения естествоиспытателей при Гетеануме и отделения Антропософского Общества при Гетеануме, стержнем которой стал цикл докладов Рудольфа Штайнера "Возникновение естественных наук в мировой истории и их последующее развитие" (Der Entstehungsmoment der Naturwissenschaft in der Weltgeschichte und ihre seitherige Entwicklung, GA 326). Регулярные доклады для членов Общества при этом не только не были прерваны, более того, в программе конференции было указано, в какие вечера Рудольф Штайнер прочитает "свои обычно читаемые в Гетеануме доклады по антропософии".

Хронологически примыкающий к докладам этого тома доклад от 2 декабря 1922 г. "Внешнее выражение человека в тоне и слове" в силу своего особого содержания включен в том "Сущность музыкального и переживание тона в человеке" (Das Wesen des Musikalischen und das Tonerlebnis im Menschen, GA 283).

Несколькими месяцами раньше, в сентябре 1922 г., в Дорнахе призошло основание движения за религиозное обновление, Christengemeinschaft (см. "Vorträge und Kurse über christlich-religiöses Wirken", GA 342-344). В докладе от 30 декабря Рудольф Штайнер касается возникновения этого движения и особенно его отношения к антропософскому движению. Внешним поводом к этим высказываниям послужили недоразумения, возникшие между антропософским движением и движением за религиозное обновление.

Доклад от 31 декабря был последним докладом, который Рудольф Штайнер мог прочитать в первом Гетеануме. Наступившей вслед за тем ночью — Сильвестровой ночью 1922/23 — Бау был полностью уничтожен пожаром.

Основа текста: текст был записан профессиональной стенографисткой Helene Finckh, которая регулярно делала это по поручению Рудольфа Штайнера, начиная с 1917 года. В основе печатного текста лежит ее расшифровка записей.

Для 6-го издания (на нем. яз., 1994) Anna Maria Balaster и Ulla Trapp вновь просмотрели настоящий том, уточнив по стенограмме некоторые не вполне понятные места двух последних докладов. Тем самым возникла необходимость в дополнительных примечаниях. Также том был дополнен указателем имен и факсимиле стихотворения "Es nahet mir im Erdenwirken...".

Название тома было дано Марией Штайнер в 1927 году при двухтомном издании данных докладов.

О рисунках на доске. Сохранились оригинальные рисунки и надписи, сделанные Рудольфом Штайнером во время докладов на черной бумаге, покрывавшей доску. Они вошли в XI выпуск "Wandtafelzeichnungen zum Vortragswerk", альбомов, выпускаемых издательством Rudolf Steiner Verlag. В настоящем издании использованы сделанные на их основе рисунки, публиковавшиеся в более ранних изданиях. Рисунки к докладу от 31 декабря 1922 года воспроизведены только на основании стенографической записи, поскольку их оригиналы, как и оригиналы обоих стихотворных изречений, были уничтожены в огне Гетеанума.

Примечания к тексту

Для работ Рудольфа Штайнера указан номер соответствующего тома в Gesamtausgabe, Собрании трудов, которое издает Rudolf Steiner Verlag на немецком языке.

К стр.

11 *здесь в последних докладах...*
Имеется в виду "Французский курс", "Космология, религия и философия в антропософии", цикл из десяти докладов, прочитанных с 6 по 15 сентября 1922 г. в Дорнахе, GA 215. Автореферат этого курса опубликован под заголовком "Космология, религия и философия", GA 25 (Калуга, 1996)

21 *я уже говорил...*
В пятом докладе "Французского курса" от 10 сентября 1922 г.

22 *о которых я буду говорить позже...*
См. доклады от 9 февраля 1923 г. в томе "Земное знание и небесное знамение" (Erdenwissen und Himmelserkenntnis, GA 221) и от 27 июля 1923 в томе "Наука инициации и познание звезд" (Initiationswissenschaft und Sternenerkenntnis, GA 228).

27 *остров Пасхи:*
В сентябре 1922 года появились ошибочные сообщения о чилийском землетрясении, при котором якобы остров Пасхи ушел под воду во время ужасного подводного землетрясения.

27 *Бедность проистекает из бедности!*
Этот вошедший в поговорку призыв первоначально был напечатан в книге, вышедшей в 1862-1864 гг. на южнонемецком диалекте: Fritz Reuter "Ut mine Stromtid", т. III. Досл.: "Die grosse Armut in der Stadt kommt von der grossen Powerteh her!"

30 *я описывал... в недавних докладах:*
См. прежде всего пятый доклад "Французского курса".

41 *в моей книге "Теософия":*
Рудольф Штайнер "Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека" (GA 9, Калуга, 1995).

48 *преступники... имеют самый крепкий сон:*
См. исследования Prof. Dr. Sante de Sanctis (Рим), на нем. яз. в книге "Die Traume", Halle, 1902.

49 Рудольф Штайнер *"Очерк тайноведения"* (GA 13, Ереван, 1994)

51 *французском курсе:* см. прим. к стр. 11.

54 *Давид Фридрих Штраус,*
David Fridrich Strauss, 1808-1974, ев. теолог.
Альберт Кальтгоф, Albert Kalthoff, 1850-1906, ев. теолог.
Артур Дрейвс, Arthur Drews, 1865-1936, проф. философии.

66 *космическая туманность Канта и Лапласа...*
Теория о возникновении мира, происходящая от "Nebularhypothese" философа и математика Иммануила Канта (1724-1804) и теории французского математика и астронома Пьера Симона Лапласа (1749-1827).

67 *Я говорил... об эфирном теле как об организме времени...*
Например, в докладе от 23 марта 1913 г. (в GA 145), от 20 августа 1922 (в GA 214) и от 19 ноября 1922 (в GA 218).

в докладах о педагогике я говорил...
Например, в докладе от 26 декабря 1921 в Дорнахе (в GA 303).

70 *к докладу от 16 декабря 1922 г.:*
Борьба люциферических и ариманических сущностей за человека описана также в трех лондонских докладах от 12, 16 и 19 ноября 1922 г., см. том "Духовные взаимосвязи в образовании человеческого организма" (Geistige Zusammenhänge in der Gestaltung des menschlichen Organismus, GA 218).

73 *гномы и сильфы драм-мистерий*:
Рудольф Штайнер, "Пробуждение души" (Der Seelen Erwachen), 4-я драма-мистерия, GA 14.

92 *некоторое время тому назад:*
См. доклад от 22 сентября 1922 г. в цикле "Основные импульсы мирового становления человека" (Die Grundimpulse des weltgeschichtlichen Werden der Menschheit, GA 216).

96 *событие... о котором мы часто уже говорили:*
См. доклады Рудольфа Штайнера от 18 и 20 мая 1913 г. в цикле "Vorstufen zum Mysterium von Golgatha", GA 152.

105 С этими словами Рудольф Штайнер указал на доску, добавив: "Чтобы правильно видеть эти вещи, представим их схематически. Возьмем глаз, представляющий орган зрения, то есть сферу зрения. Я обозначу эту сферу зрения красным полем; я хочу указать, что это красное поле пронизано ритмом дыхания. Астральное тело человека в период между засыпанием и пробуждением взаимодействует с тем, что происходит здесь в органе чувств. Я хочу это обозначить. Между засыпанием и пробуждением это астральное тело связано с внешним миром (желтый)."

109 *о чем уже говорил недавно:*
Доклад от 20 октября 1922 г., Дорнах, в GA 218.

113 *завтра состоится доклад:*
Пять докладов, прочитанных с 23 по 31 декабря 1927 г., были опубликованы в 1927 г. под заголовком "Духовное причастие человека".

116 *Гете был еще в состоянии произнести прекрасные слова:*
"Второе относится только к греческому искусству и пытается установить, как поступали эти несравненные художники, чтобы из человеческого облика развить круг божественных образов, круг вполне завершенный, в котором не выпущен ни один из главных богов, равно как и боги младшие и посредствующие. Я предполагаю, что они действовали по тем же законам, что и природа, на след этих законов я уже напал. Правда, есть тут и еще что-то другое, что я не умею передать." (Из "Итальянского путешествия" Гете, 27 января 1787 г.)

Гердер: Johann Gottfried Herder, 1744-1803.
Спиноза: Baruch Spinoza, 1632-1677.

120 *образ, выведенный Гете в "Тайнех" как Тринадцатый:*
Гуманус, "Тайны", фрагмент, 1784-86.См. также доклад Рудольфа Штайнера "Die Geheimnisse. Ein Weihnachts- und Ostergedicht von Goethe" от 25 декабря 1907 г., Кельн, опубликован в GA 98.

127 *однажды французскому королю...*
В 1564 г. Карл IX (1550-1574) перенес начало года во Франции на 1 января. Первое января как начальная дата заимствована у римлян, по юлианскому (позднее григорианскому) календарю.

128 "Я есть Путь, Истина и Жизнь." Ин. 14,6

135 *мощь Солнца скрыта от него Землей:*
К этому рассмотрению в записных книжках Рудольфа Штайнера имеется стихотворение:
Erde verdecket die Sonne.
Sehende Kräfte erzwingen
Von Elementen der Erde
Freies Erblicken. ("Wahrspruchworte", GA 40)

136 "Божество открыло себя": ср. Лк. 2, 14.

138 *слова Евангелия:* ср. Ин. 21, 25.

141 *в докладах другого цикла:*
"Возникновение естественных наук в мировой истории и их последующее развитие", 9 докладов, прочитанных в Дорнахе с 24 декабря 1922 по 6 января 1923, GA 326.

153 *Гете сказал:*
"Красота есть проявление тайных законов природы, которые без этого прявления остались бы скрыты от нас". Рудольф Штайнер замечает при этом: "Искусство и красота — вовсе не что-то возникшее по произволу человека. Они — высшая форма всеобщих мировых процессов, которые равным образом возвещают о себе как в камне, так и в художественном произведении. Художник создает произведение, которое в высшем смысле является природным творением. Он создает ценности только тогда, когда ему открыты тайны природы. Он воплощает их в своих работах." (1897)

И как только мы вступили на путь:
Ср. четверостишие Гете из "Кротких ксений":

Wer Wissenschaft und Kunst besitzt,
Hat auch Religion;
Wer jene beiden nicht besitzt,
Der habe Religion.

Владеющий наукой и искусством
Имеет и религию;
А ими не владеющий
Считает, что религию имеет.

155 К докладу от 30 декабря 1922 г. см. отдельное примечание на стр. 199

156 *каким образом возникло религиозно-культовое движение:*
См. GA 342 и 343.

161/162 *лицам, которые хотели основать:*
Dr. Friedrich Rittelmeyer, 1872-1939, духовное лицо протестантской церкви, в 1902-1916 известный проповедник в Нюрнберге, затем в "Новой церкви" в Берлине. Автор теологических трудов. С 1911 был связан с Рудольфом Штайнером, издатель собрания "Vom Lebenswerk Rudolf Steiners", 1921. Соосновательи первый эрцоберленкер Christengemeinschaft, основанного в 1922 году движения за религиозное обновление. См. GA 344.

168 *Доклад от 31 декабря 1922 г.:*
Это был последний доклад, прочитанный Рудольфом Штайнером в первом Гетеануме. В Сильверстову ночь 1922/23 пожар поглотил Бау.

170 *"О загадках души":*
"Von Seelenrätseln" (1917, GA 21). В этом труде Рудольф Штайнер впервые публично представил "трехчленного человека".

180 *животных, о них мы поговорим в будущем:*
См. "Человек как созвучие творящего, образующего и формирующего мирового слова" (Der Mensch als Zusammenklang des schaffenden, bildenden und gestaltenden Weltenwortes, GA 230).

181 *в моей книге "Основные черты теории...*
Рудольф Штайнер "Очерк теории познания Гетевского мировоззрения"(М.,1993), GA 2.
"Наше мировоззрение... привело нас к взгляду, что ядро мира вливается в наше мышление, что мы не только размышляем *над* сущностью мира, но что мышление движется вместе и в согласии с сущностью действительности." ("Д. Познание природы. Органическая природа."). Также см. GA 1.

184 *в ближайшую пятницу:*
См. доклады января 1923 г. в "Lebendiges Naturerkennen. Intellektueller Sündenfall und spirituelle Sündenerhebung", GA 220.

...когда эта сущность времени:
Ср. "Der Jahreskreislauf als Atmungsvorgang der Erde und die vier grossen Festeszeiten", GA 223.

185 "Новый год встречают новые могилы",
из стихотворения Владимира Соловьева "С новым годом" (1 января 1894); (перев. на нем. Марии Штайнер, Дорнах, 1988).

187 *в Гааге... три доклада:*
Доклады от 31 октября, 3 и 4 ноября 1922 года (последний — в GA 297).

в Роттердаме: доклад от 1 ноября 1922 г.

в Делфте: доклад от 6 ноября 1922 г.

188 *в Лондоне:* доклады от 17, 18 и 19 ноября 1922.

три доклада в антропософских группах:
доклады от 12, 16 и 19 ноября 1922 г. (GA 218).

здесь в прошлое Рождество:
Рождественский курс для учителей "Здоровое развитие телесно-физического как основа свободного проявления душевно-духовного" (GA 303, Калуга, 1994).

Оксфордских докладов: "Die geistig-seelischen Grundkräfte der Erziehungskunst", GA 305.

189 *мисс Марион:*
Edith Maryon, 1872 — 1924, скульпторша, сотрудница Рудольфа Штайнера в сфере пластического искусства, центральной пластической группе Гетеанума. С Рождественского Собрания 1923 года руководила секцией изобразительных искусств. "От нее исходили побуждения, которые привели к тому, что двигательные формы были зафиксированы в раскрашенных деревянных фигурах. Она собственноручно занималась этими формами даже в болезни, пока сохраняла подвижность". См. "Rudolf Steiner / Edith Maryon: Briefwechsel", GA 263/1, а также Rex Raab "Edith Maryon, Bildhauerin und Mitarbeiterin Rudolf Steiner", Dornach 1993.

эвритмические фигуры: см. доклады 24 июня—12 июля 1924 г. "Эвритмия как видимая речь", GA 279, а также наброски эвритмических фигур, GA K 26 и K 26a.

190-192 Рукописные наброски Рудольфа Штайнера к докладу от 31 декабря 1922 года.

ПРИМЕЧАНИЕ

к докладу от 30 декабря 1922 г.

Этот доклад Рудольфа Штайнера вызвал обеспокоенность по меньшей мере двух сторон, и оно не улеглось и по сей день: со стороны членов Антропософского общества, и со стороны священства движения за религиозное обновление, сегодня Christengemeinschaft, Община Христиан. Беспокойство, возникшее в рядах Антропософского общества, можно выразить таким вопросом: можно ли человеку, стремящемуся идти по антропософскому пути, принимать участие в культе Христенгемайншафт? Беспокойство в рядах священников живет в вопросе: а не будет ли нанесен вред опубликованием доклада, в котором позиция Рудольфа Штайнера выражена применительно к тогдашней ситуации?

Как может это беспокойство стать созидательным? Без сомнения, не оттого, что мы будем запрещать этот доклад. Гораздо продуктивней, если мы расширим свое понимание, сделав видимой подоснову этого доклада, осознав, что Рудольф Штайнер говорил это, исходя из определенной и им обозначенной ситуации.

Один из выдающихся деятелей Христенгемайншафт, Фридрих Бенеш, сказал однажды мне, что Рудольф Штайнер здесь говорит не о двух, а на самом деле о трех необходимых сегодня культурных движениях. В этом докладе речь идет не только об антропософии и о движении за религиозное обновление, но также о таких областях сегодняшнего естествознания, как физика, химия и биология, в которых именно в наше время стоит задача их обновления через гетеанистический способ работы; этим, наряду с другим, занимался и сам Фридрих Бенеш.

В этом смысле в двадцатом веке наблюдается расцвет трех новых движений: то, которое познавательно обращается к творению Отца — в борьбе за гетеанистическое естествознание; то, в котором творчески живет дух Сына — в культовом обновлении Христенгемайншафт; и то, которое ведет к постигаемому как "Святой Дух" Богу-Духу — в антропософском пути ученичества.

Также и сегодня речь должна идти об этих трех движениях, о том, как могут все три расцветать и оптимально взаимодействовать во имя гуманизации будущего человечества.

Это возможно в том случае — так отвечает Рудольф Штайнер на этот вопрос, — если они будут развиваться на основе своей собственной методологии, не пытаясь эту методологию перенести в другие движения. Но такое неоправданное перенесение происходит тотчас же, если, скажем, соответствующие методы работы, вы-

работанные в сфере физики, химии, биологии и т.д., хотят распространить на антропософию, вместо того чтобы изучать ее. Если, например, химик, создающий продукты питания, разлагает химически зерно пшеницы, он получает, кроме воды, столько-то процентов белка, столько-то крахмала и т. д., однако зерно пшеницы состоит не только из воды, крахмала, белка, и т.д., как это весьма догматически утверждает современное естествознание — эти суждения соответствуют только химически разложенному зерну пшеницы.

Одним из таких заблуждений было бы также, если бы мы путь познания антропософии смешали с душевной самоотдачей религиозному действию. Да, это верно, что то, чего достигает человек через это самоотверженное участие в культовом действии, достижимо также на антропософском пути познания; но только в другой форме и другим образом. Этот путь ставит перед человеческой индивидуальностью требования, которые многие люди будут в состоянии выполнить лишь в будущей земной жизни, благодаря тому, что в этой земной жизни они прилагали усилия к религиозной самоотдаче в культе. Тот, кто уже сегодня на антропософском пути познания ставит перед собой эти требования, может, разумеется, тем не менее принимать участие в культе Христенгемайншафт, как это делают священники, когда они являются антропософами. Все же он будет неправильно понимать свое собственное антропософское стремление, если будет рассматривать это свое участие только как член общины, а не как сознательный помощник священника.

На это и хотел указать Рудольф Штайнер в своем Дорнахском докладе от 30 декабря 1922 года. Легко видеть, что эта осознававшаяся им возможность недоразумения существует и сегодня. И сегодня, как и тогда, она может быть устранена не путем запрещения, но через понимание. Достижение этого понимания принадлежит также и сегодня к задачам антропософии.

Христен Линденау

Виттен, Северная Германия.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Бруно, Джордано 88, 89, 91
Галилей, Галилео 88, 89, 91
Гердер, Иоганн Готтфрид 116
Гете, Иоганн Вольфганг 87, 116, 120, 153, 156
Древс, Артур 54
Кальтгоф, Альберт 54
Кант, Иммануил 66
Карл IX, французский король 127/28 и прим. к ним
Коперник, Николай 88, 89, 91
Лаплас, Пьер Симон 66
Марион, Эдит 189
Соловьев, Владимир 185 и прим. к ней
Спиноза, Барух 116
Штраус, Давид Фридрих 54

Штайнер, Рудольф
Труды:
GA 2: Основные черты теории познания мировоззрения Гете 181
GA 9: Теософия 41
GA 10: Как достигнуть познаний высших миров? 101
GA 13: Очерк тайноведения 49, 57, 78, 81, 94, 97, 102, 109, 125
GA 14: Четыре драмы-мистерии 73
GA 21: О загадках души 170
Доклады:
GA 215: Философия, космология и религия в антропософии - 11, 30, 51 и прим. к ним
GA 216: Основные импульсы всемирно-исторического становления человечества - 92 и прим. к ней
GA 326: Возникновение естественных наук - 141 и прим. к ней

О ПУБЛИКАЦИИ ДОКЛАДОВ

Из автобиографии Рудольфа Штайнера
"Мой жизненный путь" (глава 35, 1925 г.)

Результат моей антропософской деятельности представлен, во-первых, в моих опубликованных и всем доступных книгах, а во-вторых, в целом ряде курсов, которые сначала предполагались как частные, закрытые издания и должны были продаваться только членам Теософского (позднее Антропософского) Общества. Это были более или менее удачные записи моих докладов, которые из-за недостатка времени не могли быть мной поправлены. Я бы предпочел, чтобы устно произнесенное слово и осталось бы лишь устно произнесенным словом. Но члены Общества желали частного издания этих курсов, которые и появились. Если бы у меня было время, чтобы их поправить, можно было бы с самого начала не ставить пометки "только для членов". Теперь эта пометка уже более полугода при издании опускается.

Здесь, в "Жизненном пути", нужно отметить, каким образом и то и другое, опубликованные книги и эти частные издания, включаются в то, что я разработал как антропософию.

Кто хочет проследить мой собственный внутренний круг и мою работу над тем, чтобы представить антропософию современному сознанию, тот должен это делать на основании основных опубликованных трудов. В них я также дискутирую со всем тем, что как стремление к познанию живет во времени. Там содержится то, что все больше формировалось во мне в "духовное видение", что стало — правда, во многих отношениях несовершенным — зданием антропософии.

Наряду с этим требованием строить "антропософию" и при этом служить только тому, чтобы притекающие из духовного мира сообщения передавать всему образованному миру, выступило, однако, и другое, встречное требование, раскрывшееся как душевная потребность, как духовная тоска членов Общества.

Существовала прежде всего сильная потребность увидеть Евангелия и содержание Библии в свете антропосо-

фии. В кружках хотели слышать об этих данных человечеству откровениях.

Ввиду этого требования и читались закрытые циклы докладов, но при этом добавилось следующее. На этих докладах присутствовали только члены Общества. Им были известны первые основы антропософских знаний, поэтому к ним можно было обращаться как к уже продвинувшимся в области антропософии людям. Весь облик этих закрытых докладов был такой, какого не могли иметь предназначенные к полной гласности труды.

В узком кругу я мог говорить о многом иначе, чем *должен* был бы говорить, если бы это с самого начала предназначалось для открытой печати.

В этом двуединстве открытых и частных публикаций на деле лежит нечто, проистекающее из двух различных оснований. Все опубликованные произведения являются результатами того, что во мне боролось и работало; в частных изданиях борется и работает также и Общество. Я слышу вибрацию духовной жизни членов Общества, и из того, что я слышу, возникает в моей живой внутренней жизни направление докладов.

Нигде не в малейшей степени не сказано ничего, что не было бы чистейшим результатом развивающейся антропософии. Не может быть и речи о какой-либо уступке предубеждениям или предчувствиям членов. Читающий эти частные публикации может принимать их в самом полном смысле слова как то, что надлежит сказать антропософии. Поэтому можно было без колебаний отступить от прежнего обычая распространять эти издания лишь в кругу членов Общества. Нужно только допускать, что в непросмотренных мной записях возможны ошибки.

Но *суждение о содержании подобной частной публикации* может быть предоставлено, конечно, лишь тому, кто знает необходимые для его вынесения предпосылки. Для большинства таких лекций ими оказываются, по меньшей мере, антропософское познание человека и Космоса, поскольку в антропософии представлено его существо, а также того, что дано в сообщениях из духовного мира как “антропософская история”.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТРУДОВ РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА

(Издается на немецком языке Управлением наследием Рудольфа Штайнера, издательством Rudolf Steiner Verlag, Dornach / Schweiz)

1. КНИГИ

Введения к естественнонаучным трудам Гете - GA 1
Einleitungen zu Goethes Naturwissenschaftlichen Schriften. (1884-1897)

Основные черты теории познания мировоззрения Гете, с особым вниманием к Шиллеру - GA 2, М.,1993
Grundlinien einer Erkenntnistheorie der Goetheschen Weltanschauung, mit besonderer Rücksicht auf Schiller. (1886)

Истина и наука -GA 3, М., 1992
Wahrheit und Wissenschaft. (1892)

Философия свободы - GA 4, Калуга, 1994
Die Philosophie der Freiheit. (1894)

Дополнительный том к "Философии свободы" - GA 4a
Ergänzungsband zu Rudolf Steiners "Philosophie der Freiheit". (в работе)

Фридрих Ницше, борец против своего времени - GA 5
Friedrich Nietzsche, ein Kämpfer gegen seine Zeit. (1895)

Мировоззрение Гете - GA 6
Goethes Weltanschauung. (1897)

Мистика на заре духовной жизни нового времени и ее отношение к современным мировоззрениям - GA 7, М. 1917
Die Mystik im Aufgange des neuzeitlichen Geisteslebens und ihr Verhältnis zur modernen Weltanschauung. (1901)

Христианство как мистический факт и мистерии древности - GA 8., Ереван., 1991
Das Christentum als mystische Tatsache und die Mysterien des Altertums. (1902)

Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека - GA 9, Калуга, 1995
Theosophie. Einführung in übersinnliche Welterkenntnis und Menschenbestimmung. (1904)

Как достигнуть познаний высших миров? - GA 10, Калуга,1993
Wie erlangt man Erkenntnisse der höheren Welten? (1904/05)

Из летописи мира - GA 11, Калуга, 1992
Aus der Akasha-Chronik. (1904-1903)

Ступени высшего познания - GA 12
Die Stufen der höheren Erkenntnis. (1905-1908)

Очерк тайноведения - GA 13, Ереван, 1992
Die Geheimwissenschaft im Umriss. (1910)

Четыре драмы-мистерии - GA 14
Vier Mysteriendramen. (1910-1913)

Духовное водительство человека и человечества - Калуга, 1992
Die geistige Führung des Menschen und der Menschheit. (1911), GA 15

Путь к самопознанию человека - GA 16, Ереван, 1991
Ein Weg zur Selbsterkenntnis des Menschen (1912)

Порог духовного мира - GA 17, Ереван, 1991
Die Schwelle der geistige Welt. (1913)

Загадки философии - GA 18
Die Rätsel der Philosophie. (1914)

О загадке человека - GA 20
Vom Menschenrätsel. (1916)

О загадках души - GA 21.
Von Seelenrätseln. (1917)

Духовный облик Гете, как он раскрывается в "Фаусте" и "Сказке о Змее и Лилии" - GA 22
Goethes Geistesart in ihrer Offenbarung durch seinen "Faust" und durch das "Märchen von der Schlange und der Lilie". (1918)

Сущность социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего - GA 23, Калуга, 1992
Die Kernpunkte der sozialen Frage. (1919)

Статьи о трехчленности социального организма 1915-1921. - GA 24
Aufsätze über die Dreigliederung des sozialen Organismus und zur Zeitlage

Космология, религия и философия - GA 25, Калуга, 1996
Kosmologie, Religion und Philosophie. (1922)

Антропософские тезисы - GA 26, М., 1997
Anthroposophische Leitsätze. (1924/25)

Основы развития врачебного искусства согласно исследованиям духовной науки. Совместно с Итой Вегман - GA 27, М. 1997
Grundlegendes für eine Erwiterung der Heilkunst nach geisteswissenschaftlichen Erkenntnissen. (1925)

Мой жизненный путь - GA 28
Mein Lebensgang. (1923-1925)

II. СБОРНИКИ СТАТЕЙ

Статьи по драматургии.1889-1990 - GA 29
Методические основы антропософии. Сборник статей по философии, естественным наукам, эстетике и психологии. 1884-1901 - GA 30
Общие статьи по истории культуры и современности.
1887-1901 - GA 31
Статьи по литературе.1884-1902 - GA 32
Биографии и биографические очерки.1894-1905 - GA 33
Люцифер-Гнозис. Основополагающие статьи по антропософии и сообщения из журналов "Люцифер" и "Люцифер-Гнозис". 1903-1908 - GA 34
Философия и антропософия.1904-1923 - GA 35
Мысли о Гетеануме среди культурного кризиса современности. Статьи из еженедельника "Гетеанум". 1921-1925 - GA 36

III. ПУБЛИКАЦИИ ИЗ НАСЛЕДИЯ

Письма 1881-1890 - GA 38
Письма 1890-1925 - GA 39
Изречения.1906-1925 - GA 40
Планы, фрагменты и дополнения к драмам-мистериям. 1910-1913 - GA 44
Антропософия. Фрагмент 1910 г. - GA 45

B. ДОКЛАДЫ

I. ОТКРЫТЫЕ ДОКЛАДЫ

Берлинские открытые доклады ("Доклады в Архитектенхаузе") с 1903/ 04 по 1917/18 - GA 51-67
Огкрьггые доклады и курсы, прочитанные в разных городах. 1906-1924 - GA 68-84

II. ДОКЛАДЫ ДЛЯ ЧЛЕНОВ АНТРОПОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА

GA 93-265: Доклады и циклы докладов общеантропософского содержания. - Рассмотрение Евангелий. - Христология. — Духовнонаучная антропопогия. - История космоса и человека. - Духовные основы социального вопроса. - Человек в его взаимосвязи с космосом. - Кармические рассмотрения. - Доклады и статьи к истории антропософского движения и Антропософского Общества.

III. ДОКЛАДЫ И КУРСЫ ПО СПЕЦИАЛЬНЫМ ОБЛАСТЯМ

GA 271-276	Доклады по искусству
GA 277-279	Доклады по эвритмии
GA 280-282	Доклады по формированию речи и драматическому искусству
GA 283	Доклады о музыке
GA 284-291	Доклады по строительному искусству и архитектуре
GA 292	Доклады по истории искусства
GA 293-311	Доклады о воспитании
GA 312-319	Доклады по медицине
GA 320-326	Доклады по естественным наукам
GA 327	Доклады о земледелии
GA 328-341	Доклады о социальной жизни и трехчленности социального организма
GA 347-354	Доклады для строителей Гетеанума

C. РЕПРОДУКЦИИ И ПУБЛИКАЦИИ ИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ

Эскизы для живописных, пластических и архитектурных работ в первом Гетеануме - Учебные эскизы для художников - Эскизы оформления эвритмических постановок - Эвритмические формы. - Наброски для эвритмических фигур и др.

Штайнер, Рудольф
Отношение мира звезд к человеку и человека к миру звезд. Духовное причастие человечества.
Двенадцать докладов, прочитанные в Дорнахе с 26 ноября по 31 декабря 1922 г. / Перевод с немецкого —"Духовное познание", Калуга, 1999 — 208 с.

Настоящие доклады прочитаны основателем антропософии Рудольфом Штайнером (1861-1925) для членов Антропософского Общества.

Издание подготовили:
Банзелюк Н.П.
Банзелюк Л.Н.